MATERIALY PO ISTORII MEDITSINY

V ROSSII

KOLDOVSTVO

N. Novombergskii

(Vol. III, Part 1)

1906

22101566042

WELLCOME
LIBRARY
INSTITUTE

Содержаніе

Господствующій взглядъ на положеніе колдовства въ Россіи, неправильность взгляда, частичные и общіе указы о запрещеніи колдовства, ссылка и сожженіе колдуновъ. Казуистика процессовъ о вѣдовствѣ. Вчинаніе процессовъ изъ личной непріязни, изъ матеріальныхъ выгодъ, изъ мести. Обвиненіе въ порчѣ гостями хозяевъ, обвиненіе вслѣдствіе похвальбы и угрозъ. Дѣла объ учиненіи скопцомъ, объ отнятіи совокупленія, о приставливаніи килъ и грыжъ. Розыски волшебныхъ травъ и кореньевъ. Вѣдовскія дѣла, возникавшія на почвѣ домашнихъ отношеній. Вчинаніе вѣдовскихъ дѣлъ жителями цѣлыхъ мѣстностей и должностными лицами ex officio. Значеніе этихъ матеріаловъ для историка медицины. Черты процесса: публичный характеръ обвиненія, свидѣтельскія показанія, выемки, осмотры, повальный сыскъ, пытки, ихъ способы и послѣдствія. Правосознаніе тогда и теперь. Заключеніе.

Процессы о колдовствѣ—эти отвратительныя кровавыя пятна на фонѣ европейской цивилизаціи—за послѣднее десятилѣтіе вновь приковываютъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Работы Riezler'a, Baissac'a, Hansen'a [1]) и другихъ бросаютъ широкій снопъ свѣта на эту эпидемію европейскаго безумія. Но русское средневѣковье по прежнему тонетъ въ непроглядной тьмѣ. Хуже того, каждое новое произведеніе русскаго писателя, такъ или иначе касающагося указанной темы, является новымъ подтвержденіемъ давно уже пущенной въ научный оборотъ мысли, что Россіи европейское безуміе не коснулось, что наше отечество осталось въ сторонѣ отъ изувѣрскихъ преслѣдованій. Такъ, обширная работа Н. Сперанскаго, [2]) выпущенная въ нынѣшнемъ году, снова подчеркиваетъ «насъ возвышающій обманъ». Почтенный авторъ пишетъ, напримѣръ, что „и въ XV–XVII вѣкахъ процессы вѣдьмъ являлись принадлежностью лишь передовыхъ странъ христіанскаго міра: задержанный въ своемъ развитіи Востокъ Европы, Россія и Балканскія государства, и въ ту пору оставались свободны отъ этихъ ужасовъ". Въ другомъ мѣстѣ ту же самую мысль онъ повторяетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Не говоря уже о нехристіанскихъ странахъ, страны, входящія въ составъ греко-восточной церкви, какъ мы уже замѣтили, также остались свободны отъ этой язвы. Восточная въ свое время знала, правда, преслѣдованіе колдуновъ, но борьба съ „вѣдовствомъ" *никогда не приводила въ движеніе органы ея власти* [3]).

На первыхъ страницахъ нашей книги „Черты врачебной

---

[1]) *S. Riezler*. Geschichte der Hexenprozesse in Bayern (1896 г.).

J. Baissac. Les Grands Jours de la sorcellerie (1900 г.).

J. Hansen. Zauberwahn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter 1900 г.).

Его же. Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter (1901 г.).

[2]) *Н. Сперанскій*. Вѣдьмы и вѣдовство ст. 7 и 35 (1906 г.).

[3]) (Курсивъ нашъ Н. Н.).

вѣдовства. Кильный стихъ состоялъ изъ словъ: *на морѣ окіянѣ, на островѣ Буянѣ стоитъ сырь дубъ крѣнковистъ, на дубу сидитъ чернъ воронъ, во рту держитъ пузырь, и слетаетъ съ дуба на море, а самъ говоритъ: „ты, пузырь, въ водѣ наливайся, а ты, кила, у него развымайся“. А ключъ до тому стиху, какъ та птица воду пьетъ, и сама дуется, такъ бы того кила дулася по всякъ день и по всякъ часъ отъ ея приговору*“ [1]). Что же касается невстанихи, то Агашка дѣлала ее Ѳелькѣ дважды „нитью мертваго человѣка съ приговоромъ“ за то, что онъ „мимо ея ходилъ къ Сафрошкиной женѣ Тимофеева“. Отъ невстанихи ему пособляла Овдошка: «лила де сквозь пробоя воду съ приговоромъ и ему давала пить». Чтобы привязать къ себѣ Ѳедьку, Агашка дважды же давала ему въ кислыхъ щахъ его собственное „естество“. Когда же онъ „Ѳедоръ женился мимо ея Агашки и отъ нея Агашки отсталъ“, то она его „портила на смерть“, для чего «ея сестра Овдошка ходила почью на погостъ, имала съ могилы землю, и ту землю съ приговоромъ давала пить. А приговоръ: „*какъ мертвый не встаетъ, такъ бы онъ Ѳедоръ не вставалъ; какъ у того мертваго тѣло пропало, такъ бы онъ, Ѳедоръ, пропалъ вовсе*“. Кромѣ того ему давались наговорныя коренья. Тѣми же средствами былъ испорченъ дьячекъ Шишка. Въ теченіе сутокъ Агашка извела, вѣроятно, дурманомъ-репейникомъ выборнаго крестьянина Степашку Шахова за то, что онъ „не велѣлъ ей съ Ѳедоромъ Совергинымъ жить и на боярскій дворъ ходить“ [2]). Женка Овдотьица еще до начала разслѣдованія сбѣжала неизвѣстно куда и на костеръ пришлось взойти ея свекру Терешкѣ и сестрѣ Агашкѣ.

Спустя годъ послѣ расправы надъ Агашкой и Терешкой, а именно въ началѣ декабря 1648 г. послѣдовалъ *общій* указъ воеводѣ бѣлгородскому Тимофею Ѳедоровичу Бутурлину, въ которомъ между прочимъ указывалось: „... а иные прелестники мужского и женскаго пола въ городахъ и уѣздахъ бываютъ со многимъ чародѣйствомъ и волхованіемъ, и многихъ людей тѣмъ своимъ чародѣйствомъ и волхованіемъ прельщаютъ и портятъ, а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волховъ и богомерзкихъ бабъ, вдовь къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтямъ, и тѣ

[1]) Ibidem стр. 66.
[2]) Ibidem стр 67.

волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхованіе“. Воеводѣ повелѣвалось принять самыя широкія мѣры къ оповѣщенію населенія относительно указа, воспрещающаго «безчинства и чародѣйства», разослать копіи съ указа „въ станы и волости“ и велѣть „тѣ списки по торгамъ прочитать многажды, чтобъ сей... крѣпкій указъ вѣдомъ былъ всѣмъ людямъ“. При этомъ ослушники должны были въ первый и во второй разъ подвергаться битью батогами, а ослушавшіеся въ третій и четвертый разъ *ссылаться въ украинные города* [1]). Но очевидно, съ одной стороны, эпидемія колдовства охватила всю страну, а, съ другой, ссылка въ украинные города, не искореняла зла, лишь переносила его въ другое мѣсто. Вотъ почему въ февралѣ и апрѣлѣ 1653 года опять послѣдовали грозные указы на имя воеводъ въ Карповѣ и на Осколѣ [2]). Первымъ изъ названныхъ указовъ повелѣвалось оповѣстить населеніе, что «въ польскихъ и украинныхъ и въ уѣздахъ многіе незнающіе люди, забывъ страхъ Божій и не памятуя смертнаго часу, и не чая себѣ за то вѣчныя муки, держатъ отреченныя еретическія и гадательныя книги, и письма, и заговоры, и коренья, и отравы, и ходятъ къ колдунамъ и ворожеямъ, и на гадательныхъ книгахъ костьми ворожатъ, и тѣми кореньями, и отравы, и еретическими наговоры многихъ людей на смерть портятъ, и отъ тое ихъ порчи многіе люди мучатся разными болѣзньми и помираютъ“. Въ виду этого повелѣвалось, чтобы „впредь никакихъ богомерзкихъ дѣлъ не держались и тѣ бъ отреченныя и еретическія книги, и письма, и заговоры, и гадательныя книжки, и коренья, и отравы пожгли, и къ вѣдунамъ и къ ворожеямъ не ходили, и никакого вѣдовства не держались, и костьми и инымъ ничѣмъ не ворожили, и людей не портили“. Относительно тѣхъ же, которые „отъ такихъ злыхъ и богомерзкихъ дѣлъ не отстанутъ“... *такихъ злыхъ людей и враговъ Божіихъ велѣно въ срубахъ сжечь безо всякія пощады и домы ихъ велѣно разорить до основанія*, чтобъ впредь такіе злые люди и враги Божіи и злыя ихъ дѣла николи нигдѣ не воспомянулись“ [3]).

Указы 1653 г. не остались на бумагѣ. Въ 1666 г. передается, напримѣръ, извѣстіе, что гетманъ войска запорожскаго Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій „*велѣлъ сжечь пять бабъ вѣдьмъ*

[1]) Ibidem стр. 76—77.
[2]) Ibidem №№ 16 и 17.
[3]) Ibidem стр. 79.

да шестую гадяцкаго полковника жену; а сжечь де ихъ велѣлъ за то, мнилъ по нихъ то, что онѣ его, гетмана, и жену его портили и чахотную болѣзнь на нихъ напустили" [1]). Кромѣ того въ Галячѣ ходили слухи, что „тѣ жъ бабы выкрали у гетмановой жены дитя изъ брюха, а иная де баба вѣдьма и ухо жъ. А какъ де тѣ бабы сидѣли за карауломъ въ меньшомъ городѣ въ погребу, и отъ нихъ де изъ погреба бѣгивали мыши и кошки; и по городу бѣгаютъ многое время, а бѣгавъ де незнамо гдѣ подѣваются". Къ сожалѣнію, у насъ не имѣется свѣдѣній, когда потухли костры съ человѣческими жертвоприношеніями грубѣйшему заблужденію того времени. Можемъ только констатировать, что даже 3 ноября 1676 г. въ Сокольскомъ были сожжены мужъ съ женою. Казнь эта послѣдовала на основаніи указа Ѳедора Алексѣевича 29 октября, въ которомъ повелѣвалось: „сокольскому пушкарю Панкѣ Ломоносову и женѣ его Аноскѣ дать имъ отца духовнаго и сказать имъ ихъ вину въ торговый день при многихъ людяхъ, и *велѣть казнить смертью, сжечь въ срубѣ съ кореньемъ и съ травы,* чтобъ инымъ не повадно было такъ воровать и людей кореньемъ до смерти отравливать" [2]).

Мы воздерживаемся отъ предположенія о позднѣйшемъ смягченіи наказанія за вѣдовство, располагая всего однимъ указомъ 9 сентября 1684 г. вел. кн. Іоанна и Петра Алексѣевичей, по которому было приказано стрѣльца Ваську Баранникова и отставного стрѣльца Левку Барана съ женою Танькою „за воровство и волшебство сослать въ ссылку въ украинные городы на вѣчное житье [3]). Быть можетъ, въ данномъ случаѣ ссылкою были покараны лица, имѣвшія весьма отдаленную связь съ какимъ либо вѣдовскимъ дѣломъ. Подобное предположеніе есть основаніе сдѣлать. Напр., въ 1628 г. совершенно къ вѣдовству непричастный человѣкъ, страдающій душевною болѣзнью, за безвредный корешокъ, привязанный у него къ шейному кресту, былъ сосланъ „на Устюгъ Великій въ Архангельскій монастырь", гдѣ повелѣвалось „ему быть въ черной монастырской работѣ и изъ монастыря его не выпускать, чтобъ онъ не пропалъ безвѣстно, и ходить ему къ пѣнію, чтобъ ему отъ того недуга Богъ далъ излече-

[1]) Ibidem стр. 94.
[2]) Ibidem стр. 108.
[3]) Ibidem стр. 111 и 91.

ніе". Въ 1664 г. нѣчто подобное случилось съ Филькою Басовымъ, сосланнымъ въ Симбирскъ на вѣчное житье за то лишь, что онъ былъ зятемъ оговореннаго Умая Шамордина, впослѣдствіи даже совершенно оправданнаго. Впрочемъ, примѣненіе къ вѣдунамъ ссылки явленіе довольно знакомое. Не говоря уже о приводившемся выше указѣ 1648 г., обратимъ вниманіе, что еще ранѣе, а именно въ 1639 г. по указу Алексѣя Михайловича повелѣвалось „золотную мастерицу Данку Ламанову съ мужемъ ее съ Степкою Ламановымъ... сослати въ Сибирскій городъ Пелымъ; да золотную жъ мастерицу Дунку Ярышкину съ мужемъ ея да съ сыномъ да съ дочерью сослати въ Каргополье; а... колдуней Манку Козлиху да Дунку слѣпую да Ѳеклицу слѣпую жъ съ мужемъ съ Гришкою сапожникомъ разослати въ городы: Манку Соликамской, а Ѳеклицу съ мужемъ на Вятку, а Дунку въ Кайгородокъ" [1]). Подобный исходъ дѣла тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что потерпѣвшею стороною въ данномъ случаѣ была царская семья, благополучіе которой всегда ставилось на первомъ мѣстѣ и оберегалось со всею безпощадностью. И это дѣло, какъ и сотни другихъ, возникло по оговору, изъ за пустяковъ, но одно за другимъ оговаривались все новыя лица и втягивались въ кровавый слѣдственный механизмъ. Первоначально оговоренная Дарья Ламанова при первой же пыткѣ „повинилась, въ томъ де она передъ государемъ и государынею царицею виновата, что къ бабѣ къ ворожеѣ подругу свою мастерицу Аранку за Москву рѣку звала, а тое де бабу зовутъ Настасьицею, живетъ за Москвою рѣкою на Вспольѣ; а спознала ее съ нею подруга ея золотная жъ мастерица Авдотья Ярышкина для того, что она людей привораживаетъ, а у мужей къ женамъ сердцо и ревность отымаетъ, а наговариваетъ на соль и на мыло; да тое соль даютъ мужьямъ въ яствѣ и питьѣ, а мыломъ умываютца" [2]). Затѣмъ Дарья Ламанова показала, что по наущенію женки Настьки «сжоные ея Дарьины рубашки пепелъ... сыпала на слѣдъ государыни царицы». Послѣ *второй* пытки жонка Настька «сказала, что мастерицамъ Дарьѣ Ламановѣ и ея подругамъ, которыхъ знаетъ, и иныхъ и не знаетъ, *зжегши женскихъ рубашекъ вороты* и наговоря, соль и мыло давала, а пепелъ сженыхъ рубашекъ воротовъ велѣла сыпать

[1]) Ibidem стр. 132.
[2]) Ibidem стр. 118.

въ государскій слѣдъ, а сыпать велѣла не для лихова дѣла, для того какъ тотъ пепелъ государь или государыня царица перейдутъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье, и то де дѣло и сдѣлается; да отъ того жъ де бываетъ государская милость и ближніе къ нимъ люди добры; а соль и мыло велѣла она давать мастерицамъ мужьямъ своимъ, чтобъ до нихъ были добры». Приворотными словами у этой женки были: *„какъ люди смотрятица въ зеркало, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену да не насмотрѣлся; а мыло сколь борзо смоетица, столь бы де скоро мужъ полюбилъ; а рубашка какова на тѣлѣ была, столь бы де мужъ былъ свѣтелъ* [1]). Приведенная къ пыткѣ по указанію одной изъ своихъ кліентокъ, женка Настька въ свою очередь указала на свою благодѣтельницу женку Манку Козлиху. Послѣ *первой* пытки Козлиха дала показаніе, что она «только и знаетъ, что малыхъ дѣтей смываетъ да жабы, у кого прилучится во ртѣ, уговариваетъ, да горшки на брюхо наметываетъ, а опричь того ничего не знаетъ». Послѣ *третьей* пытки она подтвердила ссылки Настьки и раскрыла всѣ подробности своего вѣдовскаго искусства, которому научилась у матери своей, умершей седьмой годъ тому назадъ. Какъ оказалось, соль и мыло она наговаривала: *„какъ смотрятица въ зеркало да не насмотрятица, такъ бы де мужъ на жену не насмотрился; а соль, какъ де тое соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ“*. При наговорѣ на мыло она произносила: *«сколь скоро мыло съ лица смоетица, столь бы скоро мужъ жену полюбилъ»*. Сжигая рубашечные вороты, она приговаривала: *«каково де была рубашка на тѣлѣ, таковъ де мужъ до жены былъ»*. Противъ жабы заговоромъ служили слова: *„святый, ангелъ хранитель, умири и исцѣли у того имянемъ, у кого прилучитица, болѣзнь сею“*. При этомъ Козлиха не только увѣряла, что „лихимъ словомъ не наговариваетъ“, но, отдавая дань времени и обычаю, заявила: „да и не одна де она тѣмъ ремесломъ промышляетъ, есть де на Москвѣ и иныя бабы, которыя подлинно умѣютъ ворожить„. Этими „иными бабами“ оказались Ульянка слѣпая, Дунка слѣпая да Ѳеклица Степанова. Первая изъ нихъ подвергалась *три* раза жестокой пыткѣ. Сначала она показала, что „только и знаетъ, что около малыхъ дѣтей ходить, хто поболитъ, и она ихъ смываетъ, и жабы во ртѣ уговариваетъ да горшки на брюхо наметываетъ“. При этомъ она наговаривала и смывала дѣтей наговорною водою, а жабы давила. Муки пытки вырвали у нея указаніе и на другой промыселъ, а именно она показала: „у которыхъ людей въ торговлѣ товаръ заляжетъ и она тѣмъ торговымъ людемъ наговариваетъ на медъ, а вѣлитъ имъ тѣмъ медомъ умыватца, а сама наговариваетъ: *какъ де пчелы ярыя роятица да слетаютица, такъ бы де къ тѣмъ торговымъ людемъ для ихъ товаровъ купцы сходились*“. Она же совѣтовала женщинамъ ѣсть хлѣбъ съ солью и умываться мыломъ. Надъ хлѣбомъ съ солью она нашептывала: *«какъ де хлѣбъ да соль люди любятъ, такъ бы де мужъ жену любилъ»*; а надъ мыломъ: *„сколь де скоро мыло къ лицу прильнетъ, столь бы де скоро мужъ жену полюбитъ“*. Таже женка Ульянка тѣмъ, у кого „лучитца сердечная болѣзнь, или лихорадка, или иная какая нутреняя болѣзнь“, давала вино, чеснокъ и уксусъ съ наговоромъ: *„утиши самъ Христосъ въ человѣкѣ болѣзнь сею, да Уаръ, Христовъ мученикъ, да Иванъ Креститель, да Михайло Архангелъ, да Тихонъ святый“*. Слѣпая Дунка подъ пыткой созналась, что она „малыхъ дѣтей отъ уроковъ смываетъ, да жабы во ртѣ уговариваетъ; да она жъ де на брюха, у кого что пропадетъ, смотритъ; а на кого скажутъ невѣрку, и она посмотря на серцо узнаетъ, потому что у него серцо трепещетъ“. Женка Ѳеклица показала, что она „грижи людемъ уговариваетъ, а наговариваетъ на громовую стрѣлку да на медвѣжій ноготь, да съ тое стрѣлки и съ ногтя даетъ пить воду, а приговариваючи говоритъ: *„какъ де ей старой жонкѣ дѣтей не раживать, такъ бы де у кого та грижа, и болѣзни не было“ да она жъ... на брюхо горшки наметываетъ“* [1]).

Какъ видно, средства, употреблявшіяся вѣдунами, привлеченными въ настоящемъ дѣлѣ, были очень невиннаго свойства, тѣмъ не менѣе 1 апрѣля государь распорядился снова подвергнуть пыткѣ мастерицу Дашку Ламанову и женку Настьку. Въ указѣ государь писалъ, „что послѣ того ихъ воровства, какъ та мастерица Дашка Ламанова на слѣдъ государыни царицы и великіе княгини Евдокеи Лукьяновны сыпала вѣдовскій рубашечный пепелъ, учала государыня... недомогать и быти печальна, да послѣ того жъ вскорѣ гос. царевича князя Ивана Ми-

¹) Ibidem стр. 120—121.

¹) Ibidem стр. 122-126.

хайловича не стало, и послѣ тое-жъ скорби вскорѣ гос. цар. и вел. кн. Евдокія Лукьяновна родила гос. ц. кн. Василья Михайловича больна, и послѣ ея государскихъ родинъ и того государя цар. кн. Вас. Мих. не стало вскорѣ-жъ, и нынѣ гос. царица передъ прежнимъ скорбна жъ и межъ ихъ государей въ ихъ государскомъ здоровьѣ и въ любви стало не попрежнему... и отъ того времени и до сихъ мѣстъ межъ ихъ государей скорбь и въ ихъ государскомъ здоровьѣ помѣшка» [1]). И такъ всѣ напасти домашней жизни государь объяснялъ вѣдовствомъ. Была даже мысль о международной организаціи порчи. Такъ женку Настьку распрашивали: «отъ польскаго и отъ литовскаго короля къ мужу ея литвину Янкѣ присылка или заказъ, что ей государя или государыню царицу испортить, былъ-ли» [2]).

Ужасны кровавые процессы о колдовствѣ, но всего ужаснѣе то, что они начинались по пустякамъ, а нерѣдко подъ вліяніемъ
1 личной мести, своекорыстныхъ расчетовъ и т. д. Такъ въ 1654 г. была посажена въ тюрьму вдова Матренка по доносу „гулящаго человѣка“ Исачки. Этотъ послѣдній проживалъ въ Москвѣ, «могилы копалъ и мертвыхъ носилъ». Какъ-то онъ познакомился на Кружечномъ дворѣ съ такимъ же малодушнымъ къ вину, какъ и онъ, съ Василіемъ Чеглоковымъ, который пригласилъ своего новаго пріятеля къ себѣ на квартиру. Живя у Василія, онъ непрерывно съ нимъ пьянствовалъ. Результаты злоупотребленія виномъ не замедлили сказаться. Какъ-то легъ спать Исачко въ подклѣти и «почело де въ подклѣти быть свѣтло и послѣ того темно, что мгла, и съ избы драницы почало драть, и онъ де Исачко... изъ подъ клѣти вышелъ въ конюшню, и около де конюшни почалъ быть шумъ, и показался де ему лѣсъ великій и дубравы большія и люди многіе землю толкутъ и сѣютъ, а кажется де, что на Дѣвичьемъ полѣ... и онъ де Исачко изъ конюшни пришелъ... въ подклѣть и легъ на лавкѣ, и почело ему видѣться, что та женка Матренка показала себѣ правую руку и на персты дунула, и въ подклѣти почали быть луны и свѣтлость, и видѣлось де ему, что сидятъ многіе косматые и сѣютъ муку и землю, и показалось де ему лѣсъ и дубравы великія, и отъ того де его Исачка обнялъ страхъ и ужасъ великой». Когда же Исачко утромъ сказалъ Матренкѣ, что она

[1]) Ibidem стр. 127.
[2]) Ibidem стр. 120.

его „въ такой страхъ и ужасъ ввела“, то она ему отвѣтила: „есть де за нею и иныя притчи, учнетъ де она то дѣлать, чего человѣку и въ умъ не вмѣстится“ [1]). Какъ ни очевиденъ былъ бредъ пьянаго человѣка, тѣмъ не менѣе начался сыскъ, потому что галлюцинантъ, допившійся «до косматаго», нашелъ, что «ему учинилось такое привидѣніе отъ тое вдовы Матренки и отъ ея плутовства».

Бывало и такъ, что, трезво понимая невыгоды конкурренціи, 2
одинъ кабатчикъ обвинялъ другого въ колдовствѣ. Напримѣръ, въ 1636 г. кабацкій откупщикъ Сенька Ивановъ заявилъ на кабацкаго откупщика Петрушку Митрофанова: «привезъ де тотъ Петрушка, съ поля коренье, невѣдомо какое, а сказалъ де тотъ Петрушка, отъ того де коренья будетъ у меня много пьяныхъ людей“. Немедленно коренье было принесено въ съѣзжую избу, а „кабацкій откупщикъ Петрушка Митрофановъ посаженъ въ тюрьму“ [2]). Въ 1622 г., желая свести счеты съ тещей, а 3
быть можетъ покончить съ женой, крестьянинъ Лунка Ушаковъ сталъ заявлять, что въ смерти незадолго передъ тѣмъ скончавшагося его брата виновата жена, испортившая покойника корнемъ, который она получила отъ своей матери. Оговоренная жена побоями своего мужа была вынуждена подтвердить оговоръ, но впослѣдствіи, послѣ неоднократныхъ пытокъ она показала, согласно съ показаніями другихъ лицъ, что оговорила себя и поклепала другихъ „по наущенію мужа своего, не истерпя отъ него побои“ [3]).

Въ 1647 г. сынъ боярскій Кирила Барановъ обвинялъ въ 4
вѣдовствѣ крестьянина Тимошку Афанасьева и сына его Ларьку. Все это дѣло возникло при такихъ обстоятельствахъ, которыя ярко обрисовываютъ угнетающее безправіе крестьянской массы и широкую возможность личной мести при посредствѣ вѣдовскаго процесса. Въ самомъ дѣлѣ, Барановъ въ своей челобитной заявилъ: „онъ Тимошка тое свою дочерь, а мою крестьянку, подговоря свелъ невѣдомо куда и съ животами, и съ платьемъ и съ деньгами. И я х. т. учалъ ему Тимоѳею говорить: «за что мою крестьянку свелъ, отдай безостудно“. И онъ Тимоѳей съ сыномъ своимъ учали меня бранить всякою неподобною лаею

[1]) Ibidem стр. 84-85.
[2]) Ibidem стр. 33.
[3]) Ibidem стр. 4, 8, 6, 7.

и похвалялися бить ослопьемъ и всякими своими злыми дѣлы испортить до смерти". Можно допустить, что отецъ съ сыномъ и лаялись и похвалялись, если повѣрить также ихъ словамъ, что въ день исчезновенія крестьянки „Кирила Барановъ съ дѣтьми своими ее въ три плети билъ и бивъ взялъ съ собою на пустошь Контеву ржи жать, и тамъ де она пропала, съ пустоши не бывала домой". Документы молчатъ, сбѣжала-ли крестьянка съ пустоши „не истерпя побой", или же она „пропала" не безъ помощи помѣщика Баранова. Во всякомъ случаѣ, похвальба и угрозы крестьянина помѣщикъ, потерпѣвшій ущербъ отъ „пропажи" рабочей силы, не оставилъ безъ вниманія. Къ тому же обстоятельства доставили прекрасный формальный поводъ. Помѣщикъ Тимошки, прибывъ изъ города, его „билъ и рухлядишку пограбилъ", какъ показали одни очевидцы, или, по свидѣтельству другихъ, „взялъ на немъ оброкъ да на немъ же Тимошкѣ до сроку началъ и другого оброку править". Тогда Тимошка обратился къ своимъ «поручикамъ въ житьѣ, чтобы ему, Тимошкѣ, изъ за помѣщика не побѣжать» съ просьбой побить за него челомъ передъ помѣщикомъ, „чтобъ отъ него налоги и обиды большія не было". Но помѣщикъ отвѣтилъ имъ: «крестьянинъ де мой воруетъ, не слушается, посылалъ де я его для своего дѣла на ночь, и онъ де ѣздилъ двѣ ночи и былъ невѣдомо гдѣ, а говорятъ ѣздилъ за рубежъ». Все это происходило въ присутствіи Баранова, который и воспользовался для своего извѣта на Тимошку словами его помѣщика Меркулова. Крестьянинъ съ сыномъ немедленно были посажены въ тюрьму и начался «большой повальный обыскъ». Обвиняемые совершенно отрицали приписываемыя имъ дѣянія. Свидѣтели же ничего опредѣленнаго не устанавливали. Нѣкоторые показывали, что Ларька признавался въ порчѣ Степанова сына Никонки и говорилъ: „Я де испортилъ, я де и отхожу". Тимошкѣ ставилось въ вину, что онъ „бросилъ щенку" подъ ноги Минки, когда послѣдній возвращался изъ подъ вѣнца. Ивашка Риченковъ прямо показалъ: „похвалялся де на меня Ларька... порчею... и съ его похвальбы учинилась надо мною порча" Вообще, по свидѣтельству Степана Косенкова, ему признавался Ларька: „жаль намъ только, что которая свадьба прошла здорова"[1]). Словомъ, стоило начать обвиненіе, а въ обвинителяхъ никогда

[1]) Ibidem стр. 42, 46, 53, 52.

недостатка не было. Въ 1668 г. отставной стрѣлецъ Володька Кузнецовъ ходатайствовалъ объ освобожденіи изъ тюрьмы его жены, которая безъ „государева указу и безъ розыска пытана, и въ застѣнку на треть, я кнутомъ смертно изувѣчена, выломанными съ плечъ руки не владѣетъ, по сю пору лежитъ на смертной постели". И всѣ эти муки женщина вынесла потому только, что мужу ея Василій Чуркинъ еще до этого чинилъ „обиды и гонительства", а потомъ научилъ свою жену показать: „и приходила жена его (Володьки) къ той его Васильевой женѣ къ двору и научала ее чародѣйству, высѣчь середку изъ козюльки и его Василья испортить"[1]).

Случалось, что гости, не въ мѣру воспользовавшіеся гостепріимствомъ хозяевъ, заболѣвали, и считали въ порядкѣ вещей „клепать" хозяевъ въ порчѣ. Такъ въ 1653 г. попъ Василій билъ челомъ, что „были де дѣти его Васильевы Филька да Ивашка на монастырѣ... и игуменовъ де сынъ Аничка да успенскій дьячекъ Ивашко поднесли дѣтямъ его браги, а въ брагѣ де смѣшено невѣдомо какое отравное зелье, и они испивши той травы, стали внѣ ума". Въ тотъ же день мценскій стрѣлецъ Ивашко Казѣевъ заявилъ въ съѣздной избѣ: „пришелъ де братъ его Өедька домой и подѣялось ему невѣдомо что, деретъ де на стѣну и рубаху на себѣ деретъ. А слышалъ де онъ, что поили его въ монастырѣ... невѣдомо какимъ зельемъ". Тогда же со съѣзжей избы былъ посланъ подъячій Ананій Лепендинъ осмотрѣть дѣтей попа Василія. Оказалось, что дѣти его «лежатъ безъ памяти и не говорятъ, и вскоча дерутся на стѣну». Въ такомъ же состояніи оказался и Өедька Казѣевъ. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи игуменовъ сынъ показалъ, что къ нему въ келью пришелъ успенскій дьячекъ Иванъ, „а принесъ де невѣдомо какую траву и сыпалъ де у насъ въ брагу, и я де тою брагою поилъ попа Васильевыхъ дѣтей Филипна да Ивана и сестру свою дѣвку Феврошку, да мценскаго стрѣльца Өедора Козѣева". Успенскій дьячокъ Ивашка подтвердилъ ссылку на него и сказалъ, что онъ какъ то былъ у своего знакомаго Деметья, у котораго „растетъ на огородѣ трава незнаемая, и поилъ де онъ Дементій тою травою гостей своихъ, и де я не знаючи сорвалъ у него той травы и привезъ во Мценскъ, и давалъ де я... Аничкѣ, и сыпали де тое траву мы съ нимъ въ брагу и

[1]) Ibidem стр. 92-93.

поили де тою брагою etc“. Спрошенный относительно этой травы Дементій Руслновъ отрицалъ, что онъ поилъ ею своихъ гостей, но признался, что „въ прошломъ де во 161 году ѣдучи изъ Менска онъ поднялъ на дорогѣ траву невѣдомо какую и привезъ де ее домой и тое де траву ребята изволокли на огородъ и она де узрѣла“. [1]). Болѣе естественнымъ кажется объясненіе оговариваемыхъ гостепріимныхъ хозяевъ, чѣмъ Дементія Руснова, который, во избѣжаніе возможныхъ непріятностей, далъ показаніе, будто бы трава попала къ нему на огородъ совершенно случайно и онъ ею не пользовался ни для какихъ цѣлей. Но если въ данномъ случаѣ было хоть нѣкоторое основаніе для подозрѣнія въ порчѣ, то у насъ имѣется и другой случай расправы съ хозяиномъ за болѣзнь гостей. Въ 1677 году Митька Печенный жаловался, что онъ былъ въ гостяхъ у однодеревенца, своего кума, Емельяна Обыденнаго, и съ тѣхъ поръ его жена „скорбя распухла“. Этотъ кумъ спустя нѣкоторое время поругался съ однимъ драгуномъ и во время ссоры при свидѣтеляхъ сказалъ: „пухнетъ де жена Митькина, будешь де и ты отъ меня пухнуть“. И подобной похвальбы оказалось достаточно, чтобы по челобитной велѣть „его, Емельку, въ томъ пытать и огнемъ жечь“. [2]).

Похвальба и угрозы порчею вообще не проходили даромъ и приводили навѣрняка къ пыткѣ, какъ бы ни были нелѣпы и чудовищны угрозы. Напр. въ 1628 году задворные конюхи Петръ Хметевскій да Иванъ Чуркинъ подали извѣтную челобитную на вдову Авдотьицу. Оказалось, что Конюху Петру былъ отведенъ дворъ Авдотьицынъ, и послѣдняя въ его отсутствіи приходила къ женѣ его и „говорила ей немного: де вамъ на моемъ дворѣ жить до весны... и мая въ 11 день жену де его Марью испортили, вопитъ кукушкою и зайцемъ кликаетъ, и онъ де Петръ отъ тое порчи приводилъ пособлять женѣ своей чухломца посадскаго человѣка Первушку Ульянова, и тотъ Первушка женѣ его отъ порчи пособлялъ, и откликалъ ее и пособилъ: не почала кликать. Лишь де она нынѣ скорбитъ сердечною скорбью и зубами у себя руки грызетъ, а тотъ де Первушка, который женѣ его пособлялъ, умеръ“. Иванъ Чуркинъ заявилъ, что онъ отпускалъ свою жену къ Петровой женѣ, когда

[1]) Ibidem стр. 81, 82.
[2]) Ibidem стр. 110.

та заболѣла, и „послѣ де того въ третій день послѣ Петровой жены и его Иванову жену ухватило порчею, кричала сутки, день да ночь, а другія сутки была безъ вѣданья. И въ тѣ де норы приводилъ онъ... Первушку Ульянова, и онъ де наговаривалъ на соль и на воду и на молоко, и давалъ де его Ивановѣ женѣ пить и окачиваться, и надъ нею шепталъ. И послѣ того и по ся мѣста надъ женою его того не бывало“. И разумѣется послѣдовалъ указъ „вдову Авдотьицу... сыскать тотчасъ, а сыскавъ и про порчу разспросить накрѣпко, въ какой мѣрѣ она такія слова говорила, что немного де на ея дворѣ Петровѣ женѣ жить... А будетъ по разспросу дойдетъ до пытки, и ее про тое порчу пытать накрѣпко». [1]).

Подобный же процессъ былъ начатъ въ 1640 году, когда Назарко Колтоновскій подалъ челобитную на попа Афанасія, въ которой писалъ; «Попъ Афанасій похваляется на меня всякими порчи: испортилъ де я Якова Хрущова, а и тебѣ де тоже будетъ. А прежъ сего тотъ попъ Афанасій стрѣлецкаго голову Ивана Кондакова портилъ и оттого голова Иванъ Кондаковъ лежалъ. Да тотъ же попъ Афанасій у женки моей съ головы сорвалъ шапку и простоволосу на улицѣ поставилъ, и тѣмъ женку мою онъ позорилъ, а меня лаялъ всякою позорною лаею». Притомъ челобитчикъ присовокуплялъ, что «тотъ попъ Афанасій живетъ не по закону: попадью свою измучилъ и всякими разными путки путалъ и тайныя уды у нея выжегъ. И отъ той муки попадья его многажды отъ него бѣгала: и на Елецъ бѣгала, и отъ его путки попадья его Афанасьева въ воду кинулась“. [2]). Вслѣдствіе этой челобитной вышелъ указъ посадить попа въ тюрьму и подвергнуть пыткѣ.

Любопытную категорію дѣлъ представляютъ дѣла о колдовскомъ лишеніи мущинъ половыхъ способностей. На процессъ этого рода вскользь указывалось и выше (стр. VIII). Вотъ еще нѣсколько образцовъ изъ этой области. Въ 1648 году драгунъ Ѳедька Филипповъ подалъ жалобу на Дарьицу, жену церковнаго дьячка: „испортила она Дарья меня, учинила скопцомъ; и по пирамъ и по бесѣдамъ она Дарья вездѣ похваляется, что она такъ нарочно сдѣлала. И я отъ тое порчи въ конецъ погибъ и женишки отсталъ». Въ подтвержденіе своихъ словъ че-

[1]) Ibidem стр. 13-14.
[2]) Ibidem стр. 36.

лобитчикъ «слался... на драгуновъ и всякихъ чиновъ людей повально на всѣ, на мала и на велика». При опросѣ обнаружилось множество интересныхъ фактовъ, изъ которыхъ мнѣніе окошиы сплетало Дарьицѣ репутацію вѣдуньи. Такъ, попъ Данила показалъ, что когда у Дарьицы было покрадено платье, то она по слѣдамъ заподозрила своего односельчанина крестьянина Евтифея, по адресу котораго похвалялась: „и сдѣлаю де его такого черна, какъ въ избѣ черенъ потолокъ, и согнется такъ, какъ серпъ согнулся. И послѣ де той Дарьицыной похвалки тотъ Евтюшка заболѣлъ вскорѣ, и три годы ходе сохъ, и сохши умеръ“. Тотъ же попъ Данила сообщилъ еще со словъ своихъ прихожанъ, что когда Өедька Филипповъ „пріѣхавъ отъ вѣнчанія, пошелъ съ невѣстою въ клѣть по лѣстницѣ, и та де Дарьица зажгла лучину, и тотъ де лучъ подкинула подъ Өедьку и подъ его невѣсту подъ лѣстницу, а подкиня стала на тотъ лучъ, поднемь фостъ, спать“. Драгуны Харитонъ Кирѣевъ и Михайла Антоновъ показали, что во время возвращенія Өедьки изъ подъ вѣнца Дарьица обращалась къ отцу Өедьки со словами: „попамятуете де меня“, и послѣ того „тотъ Өедька сталъ испорченъ и скопцомъ учиненъ“. Въ другомъ случаѣ Дарьица похвалялась на Лукьяна Өедотова: „съѣмъ де тебя Лукьяна такъ же, какъ и Өедьку Филиппова“. А по свидѣтельству другого очевидца она въ этомъ случаѣ сказала: „Өедька у меня корчится, а и Лукьяну Өедотову сыну корчиться отъ меня также“!. Одному крестьянину она пригрозила: „дамъ де тебѣ, Гапонъ“! Другому сказала: „Пришедъ ко двору жену и дѣтей своихъ не узнаешь“. Похваляясь на братьевъ Фурсовыхъ она произнесла: „Оборочу де я ихъ вверхъ носомъ и будутъ де они у меня въ четырехъ углахъ. И подъ тое де ночь послѣ ея словъ братья слегли и полежавши немного померли“. Повидимому и мужъ Дарьицы Некраска зналъ о ея колдовствѣ. Такъ, онъ „похвалялся на Өедькина тестя, на Свирида Свиридова, что де зять твой Өедька съ женою своею самъ спать не спитъ и тебѣ также съ женою своею не спать“. По удостовѣренію одного крестьянина, Некраска говорилъ о своей женѣ, что «нѣтъ де такой знатницы, что жена его Некраскова Дарьица не знаетъ; и на собаку де плюнетъ, и собака де станетъ молчать и не станетъ лаять». Объ искусствѣ Дарьицы знала также и ея дочь Авдотьица, которая сказала на улицѣ: „какъ де матка моя отъ Өедькина челобитья пропадетъ, и ему де Өедьку не воскреснуть“.

Что касается порчи надъ Өедькой, то по свидѣтельству окольныхъ людей въ колдовствѣ съ Дарьицею участвовала пономариха Марья, которая вмѣстѣ съ Дарьицею по слѣдамъ новобрачныхъ „клала огонь“, „лучомъ катала“, и „зажегши лучъ почали на тотъ лучъ сцать“. Интересно еще показаніе Семена Борисова, сообщившаго, что онъ выпивши браги „повалился на улицѣ, и Некраскова жена Дарьица пришедъ и поднявши постанья накрыла ему Сенькѣ фостомъ глаза и съ тѣхъ де мѣстъ у него глаза болятъ, и сталъ киловать» [1]). Для 1653 года мы имѣемъ еще одинъ подобный процессъ. Стольникъ Өедоръ Ладыженскій заявилъ, что онъ женилъ двухъ своихъ дворовыхъ людей „и тѣхъ людей его обоихъ на свадьбахъ перепортили, совокупленіе у нихъ съ женами отняли“. Въ пьяномъ видѣ эту порчу призналъ дѣломъ своихъ рукъ нѣкій Сенька. Услышавъ «про его такое воровство» стольникъ Ладыженскій „велѣлъ его посадить на цѣпь и руки и ноги велѣлъ сковать въ желѣзо“. Тогда Сенька выразилъ желаніе излѣчить испорченныхъ, лишь бы дали ему для этой цѣли чесноку. Когда чеснокъ былъ доставленъ, то Сенька далъ испорченнымъ „по три зуба чесноку и велѣлъ имъ ѣсть. И тѣ Өедоровы люди оттого исцѣлѣли“. Что же произошло дальше? А дальше и была подана стольникомъ челобитная на Сеньку, потому что „его Сенькино воровство стало знатно, что онъ Өедоровыхъ дѣтей портилъ, да излѣчилъ“ [2]).

При томъ паническомъ страхѣ, который внушали къ себѣ всякія проявленія колдовства, было весьма опасно обнаружить какое-либо знаніе веществъ и пониманіе лечебнаго дѣла. Уже выше приведенное дѣло убѣждаетъ въ этомъ; но имѣются и другіе факты. Такъ въ 1628 году „крестьянинъ Иванъ Левашевъ принесъ челобитную на крестьянина на Максимку Иванова“. А въ челобитной его написано: „давалъ де тотъ Максимко женѣ его пить траву, и она де отъ той травы умерла“. Жена челобитчика, какъ показали архимандритъ Рафаило съ братьею, умерла „судомъ Божіимъ, а не отъ травы“. Спустя нѣкоторое время послѣ ея смерти коновалъ Максимка зашелъ къ Левашеву «для конскаго жъ леченья», а Иванъ Левашевъ задержалъ коновала и представилъ къ властямъ съ челобитной. Подъ пыткой Максимка поклепалъ пять человѣкъ, онъ

[1]) Ibidem стр. 55-63.
[2]) Ibidem стр. 77-78.

показалъ: „женѣ Левашева пить траву давалъ отъ порчи и она де отъ той травы умерла, а напередъ де сего давалъ онъ тое траву пить многимъ людямъ и самъ пилъ, и тѣ де люди и нынѣ всѣ живы и здоровы, и указывалъ де ему тое траву прохожій человѣкъ... а сына его Максимковы Родку портилъ крестьянинъ Ѳедька Ребровъ и съ тѣмъ де прохожимъ человѣкомъ тотъ Ѳедька ходилъ по деревнямъ, и травы всякія знаетъ и волшебствомъ промышляетъ, людей портитъ и за очи на многихъ людей нечистый духъ насылаетъ, и оттого де люди помираютъ, да тотъ же де Ѳедька на воду смотря призываетъ нечистыхъ духовъ, и ему де сказываютъ, что гдѣ дѣлается или кто чѣмъ испорченъ, а слышалъ де онъ отъ того Ѳедьки, что онъ учился тому волшебству въ нижегородскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Досадиной у мордовина у Весткаска» [1]). По этому дѣлу былъ открытъ энергичный сыскъ, но трое обвиняемыхъ скрылись и только остальные подвергались пыткѣ, которою „мордвинъ Веткаско былъ замученъ до смерти“. Въ 1637 году помѣщикъ Каковинскій „привелъ въ съѣзжую избу человѣка своего Сидорка Савинова да жену его Афроську, а сказалъ, что тотъ человѣкъ его Алексѣя и жену его и людей—женку Досадку да жонку Татьяику вѣдовствомъ своимъ испортилъ“. Въ разспросѣ Сидорка показалъ, что передъ святою недѣлею у него пропалъ рубль, и заподозрѣвъ въ кражѣ жонку Досадку онъ напустилъ на нее немочь, а кромѣ нея онъ никого не портилъ. Жена Сидорки показала, что «де мужъ ея Сидорка порчу женки Досадки и женки Татьянки отхаживалъ» [2]). Въ 1663 году имѣлъ мѣсто вѣдовскій процессъ, также связанный съ фактомъ домашней кражи, а именно: князю Михайлу Шейдякову „люди его дворовые сказали на дворовую жъ его женку Ѳеньку, что та женка портила его князь Михаила и жену его, травами и кореньемъ окармливала“. Ѳенька не отпиралась и даже принесла князю травы и коренья, а въ разспросѣ сказала: «Тому де нынѣ годъ, украла де она Ѳенька у князь Михайловы жены княгини Катерины кресты и перстни, и тѣ де кресты и перстни, въ то-жъ время у ней Сеньки вынели и за то ей Ѳенькѣ отъ княгини Катерины было наказанье. Изъ тѣхъ де мѣсть стала она Ѳенька мыслить и такихъ людей изыскивать, чтобъ ей кто далъ травы

---

[1]) Ibidem стр. 19-20.

[2]) Ibidem стр. 34-35.

и коренья, чтобъ де до нея княгиня Катерина попрежнему была добра“. Поиски вскорѣ увѣнчались успѣхомъ: Ѳенька нашла крестьянина Трошку, который далъ ей три корешка „и одинъ корешокъ при ней Ѳенькѣ истеръ въ горшкѣ и отдалъ ей Ѳенькѣ и велѣлъ ей тое траву давать княгинѣ Катеринѣ въ яствѣ, а два корешка велѣлъ ей у себя на вороту носить. И тое де траву она Ѳенька давала Княгинѣ Катеринѣ въ яствѣ, въ ухѣ въ два пойма, и въ квасу тое траву подавала жъ, и оттого де она княгиня лежала въ два пойма недѣли по двѣ. А смертныхъ де кореней она у него Трошки и ни у кого не прашивала и въ мысли де у нея на смерть испортить не было“ [1]).

Вообще на почвѣ домашнихъ отношеній между дворовыми и господами нерѣдко возникали дѣла о колдовствѣ. Такъ, въ 1676 году богородицкій попъ Давыдъ въ приказную избу привелъ наймита своего Мишку Кирѣева съ женою его Аринкою и сказалъ: «въ прошлыхъ де годахъ и въ нынѣшнемъ во 184 г. въ разныхъ числахъ объявились у него попа Давыда въ горницѣ подъ потолкомъ заткнута въ углу коренья и земля, да тѣ-жъ де коренья осмотрѣлъ онъ попъ и попадья его въ питьяхъ, въ брагѣ и въ квасу, а подносила де имъ то питье наймита его Мишкина жена Аринка. И отъ тѣхъ де отравныхъ кореньевъ попадья его Давыдова и дѣти кончаются смертью». Въ разспросѣ Мишка Кирѣевъ сообщилъ, что коренье и землю затыкалъ его вотчимъ Исайка въ прошломъ году «о святой недѣлѣ для того, чтобъ де онъ попъ Давыдъ со всею семьею посохли, и отъ той сухотной болѣзни они померли». А жена Аринка подтвердила, что попадью Давыдову и дѣтей дѣвокъ портила жъ, а отравныя коренья въ питьѣ во брагѣ и въ квасу питье давала“. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи показанія ихъ еще пополнились новыми указаніями. Мишка добавилъ, что, „живучи у него попа Давыда вынималъ изъ слѣдовъ землю и относилъ вотчиму своему Исайкѣ и матери своей для порчи жъ“. Аринка же сообщила, что «украла у попадьи кокошникъ да подубрусникъ и тотъ кокошникъ и подубрусникъ съ наговоромъ свекровь ея велѣла положить подъ столбъ и говорить: «каковъ де тяжелъ столбъ такъ де бы и попадьѣ было тяжело“... да она жъ де Аринка по наученію свекрови своей у попадьи изъ ру-

---

[1]) Ibidem стр. 85-86.

бахи выдрала лоскутъ противъ сердца, и тотъ лоскутъ отнесла она къ свекрови своей для порчи жъ. Да она жъ де Аринка у Давыдовыхъ дочерей тянула у рукъ персты и приговаривала „чтобъ де бы имъ до замужества тѣми руками ни ткать ни прясть“. Да ей же Аринкѣ свекровь велѣла: „какъ де попадья пойдетъ изъ хоромъ, и ты де пойди ей навстрѣчу и молви ей тихонько притоворъ и дунь па нее, и ее де отшибетъ обморокъ“. И она де то все надъ попадьею учинила“. По оговору со стороны Мишки воевода распорядился произвести обыскъ въ домѣ драгуна Исайки, у котораго было захвачено „толченыхъ травъ въ двѣнадцати узлахъ завязано, да во шести мѣшкахъ травы-жъ, да отъ ружья заговоръ написанъ въ маленькой тетрадкѣ, да пукъ разныхъ пяти травъ“. При опросѣ Исайка категорически отрицалъ свое участіе въ порчѣ семьи попа Давыда. Что-же касается вещественныхъ доказательствъ, то „де коренье Исайка держалъ онъ отъ пострѣла и отъ иныхъ болѣзней. А что де соль въ платкѣ завязана съ купоросомъ да съ каменьемъ, тою де солью онъ Исачка умываетъ себя и ребятъ своихъ... А заговоръ де у него Исайки, что вынетъ, и тотъ де заговоръ жены его Аграфены перваго мужа ея Кирюшки“. Но уже „съ первой стряски да съ десяти ударовъ“ подтвердилъ цѣликомъ показанія наймитовъ попа. То же произошло и съ женой Исайки Агриненкой, послѣ пытки во всемъ подтвердившей показанія наймитовъ [1]).

Съ особою настойчивостью московское правительство разыскивало корни и травы, и самая наличность таковыхъ у кого-либо считалась доказательствомъ колдовства. Очевидно, какія неудобства создавались этимъ для лицъ, по своимъ профессіональнымъ занятіямъ, обязанныхъ имѣть дѣло съ травами и кореньями. Напр. въ 1648 году послѣдовалъ указъ „обыскать Бѣженкаго верха на посадѣ и въ уѣздѣ... про Первушку Петрова, что тотъ Первушка коренье лихое и траву дурную у себя держитъ-ли... и кое время и гдѣ и съ которою травою и кореньемъ онъ Первушка приведенъ былъ въ Бѣжецкомъ верху къ Якову Воронину, и ту траву взялъ и показывалъ многимъ людямъ и конскимъ мастерамъ и они сказываютъ: та де трава конскій ленъ, бекнорица и кмытлъ. При обыскѣ крестьяне показали: „того мы... Первушку Петрова знаемъ, что онъ Первушка коновалъ

[1]) Ibidem стр. 99-103.

и кругъ лошадей стряпаетъ, и руду мечетъ; а траву дурную и коренье лихое держитъ ли или нѣтъ, того мы не вѣдаемъ“ [1]). Въ 1648 году въ Рыльскѣ былъ задержанъ „воръ съ краденымн лошадьми“ сынъ боярскій Гаврилка Мусинъ, у котораго „въ карманнѣ сысканъ корень и про тотъ де корень онъ Гаврилка въ разспросѣ сказалъ, тотъ де корень онъ Гаврилка держитъ у себя для звѣринаго промысла“. На основаніи этого заявленія былъ произведенъ опросъ „его Гаврилкиныхъ сосѣдей хотмышанъ дѣтей боярскихъ... что онъ Гаврилка для звѣринаго промысла на поля и въ лѣса и на рѣчки ходитъ-ли и звѣрей бьетъ-ли. И тѣ дѣти боярскіе сказали, что де за Гаврилкомъ Мусинымъ звѣринаго промысла никакого нѣтъ“. Тогда воевода распорядился „Гаврилку пытать для какого волшебнаго дѣла онъ Гаврилка тотъ корень держалъ“ [2]). Въ 1628 году на старой торопецкой дорогѣ стрѣльцы задержали крестьянина, „а во Ржевѣ на него знатцовъ никого нѣтъ, да у него жъ у креста привязанъ корень“. Задержанный человѣкъ объяснилъ, что тотъ корень „далъ ему дорогою идучи прохожій человѣкъ для того, что онъ Андрейко боленъ черною болѣзнью, а хватаетъ де его помѣсячно“. Наличности корня оказалось достаточно для начатія разслѣдованія на мѣстѣ родины Андрейки, и кромѣ того было приказано „взять корень и показать дохтурамъ, да въ тюрьмѣ допросить, была-ли надъ тѣмъ мужикомъ такая черная болѣзнь“. Помѣщикъ Андрейки подтвердилъ, что послѣдній страдаетъ „чернымъ неугомъ“. Что же касается докторовъ, то «дохтуры Валентинъ съ товарищи смотрѣвъ корень сказали, что тотъ корень гусина плоть и къ лекарству пригожается, а лихого въ немъ ничего нѣтъ, да и въ рогъ тотъ корень клали. А будетъ де кто захочетъ воровать и онъ и на добромъ корени воровствомъ и наговоромъ дурно сдѣлаетъ, а того де они не знаютъ, есть-ли на томъ корени наговоръ». Тюремные цѣловальники и сидѣльцы сообщили, что когда Андрейку посадили въ тюрьму, то «его де сперва черная болѣзнь хватала черезъ день и черезъ два дни, а и нынѣ де его черная болѣзнь хватаетъ ежеденъ, да тотъ же де мужикъ Андрейко задавилъ было въ тюрьмѣ тюремного сидѣльца сонного» [3]).

[1]) Ibidem стр. 73-74.
[2]) Ibidem стр. 75.
[3]) Ibidem стр. 11-21.

Изъ приведеннаго заключенія ученыхъ медиковъ—экспертовъ видно, что ихъ европейское образованіе не мѣшало имъ вѣрить въ силу „воровства и наговора“. Неудивительно, что также относились къ наговору заурядные люди. Въ 1673 г. въ съѣзжую избу былъ представленъ скотникъ Нестерка полякъ по обвиненію его въ томъ, что онъ „ѣздя по селамъ и деревнямъ, людей прельщаетъ и портитъ, и сказываетъ людямъ прельщеньемъ своимъ, гдѣ клады лежатъ“. Однимъ изъ конкретныхъ обвиненій было то, что Нестерка поднесъ приказному человѣку Якову Косаковскому наговорную чарку вина, и „съ той де чарки вина взята его Якова рвота, какъ де онъ тое наговорную чарку вина выпилъ, того жъ дни онъ Яковъ и умеръ“. Нестерка въ разспросѣ сказалъ, что вино подносилъ Якову „безъ наговору просто... А въ шатцкихъ де селахъ и деревняхъ онъ Нестерка бывалъ для того, у котораго де мужеска полу съ женою совѣта нѣтъ, и тѣмъ де людямъ онъ Нестерка на винѣ наговаривалъ и то наговорное вино пить давывалъ... И гдѣ де и у кого какая скорбь или младенческая скорбь же, и его де съ такое дѣло будетъ, отъ наговору де его болѣзнь унимается. А еретичества и вѣдунства за нимъ злого нѣтъ, и многіе де люди его Нестерку для лекарства имовали“. Въ оправданіе своихъ словъ онъ сообщилъ извѣстные ему наговорные стихи. Вино онъ наговаривалъ слѣдующимъ образомъ: „*Помилуй Христосъ и Пречистая Богородица великая государыня, вступитесь за насъ грѣшныхъ на семъ свѣтѣ отцовою и матернею милостью, и съ миромъ крещеннымъ согрѣшили, и солнце праведное вступитеся за наши души грѣшныя, помилуй раба своего Якова отъ скорби и отъ болѣзни, даде ему благъ и здоровья во вѣки вѣковъ*“. Для установленія совѣта между супругами онъ „посыловалъ женскаго полу по рѣчную воду и на той рѣчной не на питой водѣ наговаривалъ стихъ: „*Смилуйся, Пресвятая Богородица, вступись за насъ грѣшныхъ, буди милостива, закрой нетлѣнную ризою своею души наши грѣшныя раба своего (имя рекъ) и рабу свою (имя рекъ) на семъ свѣтѣ закрой ихъ, дай имъ, Богородица, любовь межъ ими и совѣтъ жити по старинѣ въ любви и чтобъ имъ нынѣ и до вѣку жити въ совѣтѣ, и какъ де въ рѣкѣ вода въ ночи трижды причещается, такъ бы причещалась имрица къ мужу своему къ рабу своему имрику въ дни и въ ночи и въ часы, куды ты, рѣка, течешь, и тебѣ слава вѣчная, а тѣмъ имрекамъ мужу съ женою житель-*

ство вѣчное“. Младенческія скорби онъ лечилъ тѣмъ, что опрыскивалъ младенцевъ водою, произнеся надъ нею: „*Вступись, Пресвятая Богородица, за насъ грѣшныхъ, помилуй раба своего своего младенца (имя рекъ) отъ скорби и болѣзни и тяжкія нужды, дай ему здоровья отнынѣ и до вѣка*“. Никакихъ другихъ наговоровъ Нестерка не знаетъ, а „тѣ де стихи даны ему отъ Бога, просто никто де его Нестерку не учивалъ и людей самъ онъ Нестерка колдовству своему ни къ какому дѣлу никого не учивалъ“ [1]). Пытка ничего новаго не прибавила къ этимъ показаніямъ. Въ 1676 г. въ Кашинѣ въ съѣзжую избу былъ доставленъ кузнецомъ посадскимъ человѣкомъ Савка, задержанный „съ кореньемъ, и съ травами, и съ зубомъ“. Въ распросѣ крестьянинъ Савка сказалъ: „съ тѣмъ де кореньемъ, и съ травами, и съ зубомъ онъ ходитъ въ мірѣ и лечитъ людей и лошадей отъ всякихъ скорбей, а тотъ де зубъ сазана рыбы“ [2]). Впредь до выясненія дѣла Савка былъ посаженъ „за крѣпкимъ карауломъ“.

Бывало, что дѣло о колдовствѣ возбуждали не отдѣльныя заинтересованыя личности, а все населеніе извѣстной мѣстности. Такъ въ 1664 г. „били челомъ сумскіе черкасы *всѣмъ городомъ* и подали въ Бѣлгородѣ... двѣ заручныя на него Кондрашка во многомъ его воровствѣ и чародѣйствѣ“ [3]). Въ 1677 г. „сысканъ на Курмышѣ *противъ челобитья Курмышскихъ жителей* въ еретичествѣ и въ порчѣ людей пришлый человѣкъ Сенька Ивановъ да жена его Сенькина Манька Иванова дочь, а въ роспросѣ и съ пытокъ сказали, что они на Курмышѣ испортили еретическими словами и отравами мужеска полу и женска многихъ людей, и отъ того де порченые люди кличутъ [4]).

Не дремали и мѣстныя власти, и энергично разыскивали колдуновъ, такъ какъ изъ Москвы имъ слали на этотъ счетъ весьма недвусмысленные указы. Выше приводились уже образцы подобныхъ общихъ указовъ (см. стр. IX), но вотъ еще образецъ. При назначеніи воеводы въ Лебедянь ему было указано „того беречь накрѣпко, чтобъ на Лебедяни, на посадѣ, и по слободамъ, и Лебедянскомъ уѣздѣ разбоя, корчмы, и бледни, и иного никакого воровства и убойства не было“. Въ силу этого указа

---

1) Ibidem, стр. 95—98.
2) Ibidem стр. 106.
3) Ibidem стр. 92.
4) Ibidem стр. 108.

воевода запрашивалъ, что ему сдѣлать съ объявившейся въ 1630 г. бабой ворожейкой, которая „по слободамъ, по Стрѣлецкой и по казачьей ходечи, ворожитъ". На запросъ послѣдовалъ обычный отвѣтъ: „велѣть тое бабу ворожейку изымать и распрося подлинно, какою она ворожбою промышляетъ и чѣмъ ворожитъ, и сколь давно, и кому что своею ворожбою сдѣлала, и у кого училась, и сыскать про то некрѣпко... и ее пытать про все накрѣпко, да о томъ ко государю отписать, а ее до указу велѣть держать приставомъ крѣпко въ цѣпи и въ желѣзахъ". Опросомъ окольныхъ людей воевода установилъ: „ворожила де та баба, смотрѣла на рукахъ и щупала на нутрю"; другому она „лечила глаза, а лечила де ему глаза выневъ печень изъ овцы", или же „лечила глаза, наговаривала воду, и сыпала де проса въ воду, и меня Назара тою водою умывала, да мнѣ жъ де Назару пускала въ глаза женское молоко"; у Игната Жихарева „нялась де... лечить сына: въ ногѣ волосатъ»; Афанасію Овсянникову она ворожила, „на рукахъ смотрѣла и ворожила лукомъ" [1]).

Какъ ни случайны собранные нами матеріалы, но они рисуютъ отчетливую картину быта того времени. Невѣжественное населеніе инстиктивно понимало, что въ окружающей его природѣ лежатъ могущественныя силы, способныя сослужить полезную службу человѣку въ его борьбѣ съ болѣзнями. Нужно было подойти къ этимъ силамъ, но читать въ великой книгѣ природы могли лишь весьма немногіе. Да и эти, избранные судьбою, по обычаямъ того времени, должны были балансировать между скуднымъ вознагражденіемъ въ случаѣ удачи и сожженіемъ на кострѣ, пытками и ссылкою—при неуспѣшномъ леченіи или даже просто въ случаѣ доноса со стороны какого нибудь пьянаго, или недоброжелательнаго сосѣда, а то и чрезмѣрно ретиваго воеводы, дѣйствительно старавшагося, чтобы въ его воеводствѣ не было „разбоя, корчмы, и бледни, и иного никакого воровства и убойства". Врачебное знаніе составляло болѣе или менѣе открытое достояніе только у коноваловъ и скотниковъ: нѣкоторое право лѣчить людей пріобрѣталось лѣченіемъ животныхъ. Однако и здѣсь за расширеніе практики приходилось иногда расплачиваться собственною кровью. Если, съ одной стороны, нельзя было собирать травы и коренья и пользоваться ими съ

[1]) Ibidem стр. 29–32.

лѣчебною цѣлью, то, съ другой стороны, подъ угрозою почти тѣхъ же самыхъ наказаній нельзя было лѣчиться, прибѣгать къ услугамъ знатцовъ. Всякая попытка брать лѣкарство изъ первой доступной всѣмъ лабораторіи—природы, считалась воровскимъ дѣломъ, и населеніе силою обстоятельствъ толкалось на путь тайныхъ средствъ, мистическихъ манипуляцій. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что населеніе обращалось къ знахарямъ не только отъ волосата въ ногѣ, при болѣзни глазъ, сердечной скорби и т. д., но и въ случаѣ потери половой способности или чьего либо расположенія. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ мы сталкиваемся съ двумя явленіями: съ областью нервныхъ болѣзней, которыя и въ настоящее время лѣчатся психическими воздѣйствіями, и нестерпимымъ гнетомъ домашней жизни. Изъ домашняго тупика не было выхода, власть помѣщика надъ дворовыми, мужа надъ женою и дѣтьми была до такой степени грозною, что заинтересованные ухватывались за всякое средство смягченія ея.

Въ заключеніе остановимся еще на нѣкоторыхъ чертахъ вѣдовскаго процесса. Начиналось дѣло не только по челобитной, но и по словесной заявкѣ въ приказной избѣ. Что же касается властей, то онѣ ex officio обязаны были вчинать такого рода дѣла. Вѣдовство считалось *общеопаснымъ* преступленіемъ, преслѣдуемымъ въ порядкѣ публичнаго обвиненія, поэтому дѣло, начатое по частной челобитной, уже не прекращалось, хотя бы и поступило со стороны заинтересованнаго заявленіе о прекращеніи. Такъ, въ 1663 г. князь Шейдяковъ, отправляясь на государеву службу до окончанія дѣла, начатаго по его челобитью, просилъ о пріостановленіи дѣла до его возвращенія, такъ какъ „безъ него князь Михаила за тѣмъ дѣломъ ходить некому". Но въ отвѣтъ на это челобитье получился указъ „про тѣ травы и про коренье... сыскивать всякими сыски накрѣпко" [1]). Это вполнѣ понятно и вполнѣ оправдывается общею постановкою вѣдовскаго дѣла. Правительство въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ брало въ свои руки вѣдовскій процессъ не потому, что оно желало притти на помощь частному человѣку, но потому, что оно черезъ посредство частнаго дѣла разсчитывало распутать цѣлую организацію, бросить на кровавую дыбу по возможности всѣхъ колдуновъ извѣстнаго района. Съ этой точки зрѣнія становятся

[1]) Ibidem стр. 87.

ясны указы въ родѣ слѣдующаго: „распрашивати и сыски всякими сыскивати, и пытати накрѣпко, по *какому умышленію они* (имя рекъ) *его* (имя рекъ) *уморили, и иныхъ людей они кого именемъ и сколь давно и какимъ волшебствомъ, и по чьему наученью, или собою кого уморили или испортили, и иные товарищи ихъ съ ними въ томъ воровствѣ, въ заговорѣ были-ль и кто имяны были, и тому воровству кто ихъ училъ, и гдѣ тѣ люди нынѣ, которые ихъ тому воровству учили и съ ними въ думѣ были. Да будетъ по сыску и по росспросу которые люди въ томъ вѣдомствѣ дойдутъ до вины и тѣхъ людей потому жъ въ томъ воровствѣ и въ порчѣ пытать накрѣпко; и тѣхъ людей, которыхъ они портили потому жъ сыскивать и распрашивать, какими обычаи ихъ тѣ воры портили*" [1]). По всѣмъ указаннымъ статьямъ предписывалось доискиваться „накрѣпко, безъ поноровки, чтобъ однолично про порчу сыскать подлинно". Такимъ образомъ каждое дѣло могло превратиться прямо въ погромъ цѣлой мѣстности. Недаромъ печерскій архимандритъ съ братьею въ 1628 г. просилъ взять дѣло о монастырскихъ крестьянахъ отъ арзамасскаго воеводы и передать въ Нижній Новгородъ, „чтобъ... монастырскія вотчинки не запустѣли и крестьянцы не разбрѣлися" [2]).

Челобитчикъ обычно „слался" на опредѣленныхъ личностей, указывалъ на опредѣленные факты, наконецъ, вообще ссылался на репутацію отвѣтчика среди его сосѣдей, т. е. просилъ „сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ". Отвѣтчикъ въ свою очередь „слался", на то же самое. По требованію сторонъ производились выемки и осмотры. За исключеніемъ „отводныхъ людей" къ дѣлу привлекалось огромное количество лицъ. При „обыскѣ" слались на всѣхъ „на мала и на велика", при этомъ допрашивались „на посадѣ и въ уѣздѣ игумны, и православные попы, и всякихъ чиновъ служилые и жилецкіе люди, которые живутъ около... верстъ по двѣ, по три, по пяти, и по шести, и больше" [3]). По дѣлу бабы ворожейки татарки въ 1630 г. къ процессу было привлечено 36 человѣкъ; по дѣлу Тимошки Афанасьева съ сыномъ Ларькой въ 1647 г.—47 человѣкъ; по дѣлу женки Дарьицы въ 1648 г.—142 челов.; въ томъ же году

[1]) Ibidem стр. 9, 11, 12, 14, 15, 25, 26, 37, 63, 73, 87 etc.
[2]) Ibidem стр. 20.
[3]) Ibidem стр. 54, 73.

по дѣлу Первушки Петрова—98 челов., а по дѣлу Умая Шамордина въ 1664 г. было допрошено 1452 сумскихъ жителей!

Главнымъ процессуальнымъ орудіемъ въ рукахъ органовъ власти служила пытка. Арсеналъ отличался разнообразіемъ: сѣкли кнутомъ, жгли огнемъ, выламывали „съ плечъ" руки. Ужасъ этой кровавой расправы увеличивался еще тѣмъ, что границы между обвиняемымъ и свидѣтелемъ почти не существовало: правдивость своихъ показаній свидѣтель нерѣдко вынужденъ былъ подтверждать подъ пыткой. Пытали по три раза и больше. Многіе не выносили мученій и помирали. Такъ въ 1622 г. „Гришкина жена Полстовалова Акулинка... послѣ пытки съ недѣлю лежала и умерла"; въ 1628 г. „мордвинъ Веткаско на пыткѣ замученъ до смерти"; въ 1664 «послѣ де пытки Кондрашко и Ѳеська померли"; послѣ пытки въ 1638 г. по дѣлу Дарьи Ламановой „не стало... Женки Настьки у князя Ѳедора... и Ульки у Лукьяна" [1]). Повидимому, послѣдствія пытки иногда заставали врасплохъ даже власти, которыя, напримѣръ, послѣ извѣстія о смерти Кондрашки и Ѳеськи по дѣлу Умая Шамордина, запрашивали: „которыми обычаи тѣхъ черкасъ не стало, не было-ли у нихъ язвъ, и не удавились-ли, и вина не опились, и зельемъ какимъ не отравлены-ль, и иного какого дурна сами надъ собою не учинили-ль". Конечно, усердные палачи успокоили высшее начальство сообщеніемъ, что „тѣ черкасы... померли за карауломъ своею смертью" [2]).

Безпощадною жестокостью вѣетъ отъ затронутаго нами времени, но если вникнуть въ текущую дѣйствительность съ разстрѣлами сотенъ людей безъ суда и слѣдствія, то... предпочтеніе нужно отдать XVII-му столѣтію. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ именемъ назвать кровавые подвиги современныхъ карателей, если вспомнимъ, что въ 1647 г. воевода Григорій Семеновичъ Хитрово, имѣя подъ руками не исполненный указъ на имя своего предшественника о сожженіи мужика Терешки съ женкой Агаѳьицой, не рѣшился сжечь людей и попросилъ новаго указа [3])? Что можно сказать вообще о нашихъ дняхъ, когда мѣстными сатрапами отвергаются кассаціонныя жалобы и ходатайства о Высочайшемъ смягченіи участіи осужденныхъ къ смертной казни даже не доводятся до Государя, между тѣмъ какъ

[1]) Ibidem. стр. 3, 19, 91, 129.
[2]) Ibidem стр. 90.
[3]) Ibidem стр. 64.

въ 1668 г. Алексѣю Михайловичу подана была челобитная на то, что женщина *„безъ государева указу и безъ розыску пытана"?* [1]).

Вдумываясь въ общій смыслъ приведенныхъ нами историческихъ документовъ, мы находимъ, что процессы о вѣдьмахъ въ Россіи протекали съ такою же жестокостью, какъ и на Западѣ, что къ этимъ процессамъ правительственная власть московскаго государства привлекалась не менѣе, чѣмъ въ католическихъ или протестантскихъ странахъ. Здѣсь разница лишь въ масштабѣ дѣятельности, а не въ существѣ ея. Еще можно добавить, что оригинальною чертою русской исторіи является отсутствіе демонологіи, религіозно-философскаго ученія о вѣдьмахъ, развившагося на Западѣ въ нѣдрахъ схоластики подъ вліяніемъ изученія памятниковъ классической древности и нѣкоторыхъ, до настоящаго времени еще не устраненныхъ, элементовъ язычества въ церковномъ христіанствѣ.

С.-Петербургъ
4 іюня 1906 г.

---

[1]) Ibidem стр. 93.

1. Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всея Русіи холопи твои Васька Третьяковъ, Пронка Воейковъ челомъ бьютъ. Въ прошломъ, государь, во 130 году августа въ 12 день извѣщалъ намъ х. т. на Воронежѣ воронежскій атаманъ села Усмони, жилецъ Ѳедька Болдырь, августа де государь въ 10 день сказывалъ де ему Ѳедькѣ того же села Усмони атаманскій Ивановъ крестьянинъ Воронина Лунка Ушаковъ, былъ де у того Лунки братъ, а звали его Гришкою, и того де его брата Гришки не стало въ прошломъ во 130 году въ августѣ; а умираючи де тотъ Гришка сказывалъ ему Лункѣ, что онъ умираетъ отъ порчи, а испортила де его Лункина жена Ѳетиньица. И мы х. т. по Ѳедькиной сказкѣ Болдыря, по его Лунку и по его жену Ѳетиньицу посылали того же Ѳедьку Болдыря, и Ѳедька того Лунку и жену его Ѳетиньицу на Воронежъ привелъ. И мы х. т. того Лунку, по сказкѣ Ѳедькѣ Болдыря, распрашивали. И Лунка на жену свою Ѳетиньицу передъ нами х. т. говорилъ, что та его жена (разор.) брата его Гришку испортила, а чѣмъ г., испортила, и тотъ Лунка принесъ къ намъ х. т. корень. И та г. Лункина жена Ѳетиньица, по сказкѣ мужа ея Лунки, про порчу распрашивана и пытана; да по сказкѣ г. той Ѳетиньицы въ томъ же кореньѣ была на пыткѣ того же села Усмони Гришкина жена Полстовалова Акулинка. И она г. послѣ пытки съ недѣлю лежала и умерла. А та г. Лункина жена Ѳетиньица съ матерью Пелагеицею отданы за пристава да твоего государева указу. А что г. въ распросѣ и съ пытки та Ѳетиньица на себя и на своихъ совѣтниковъ говорила, и, мы х. т. тѣ роспросныя и пыточныя рѣчи послали къ тебѣ г. подклея подъ ею отписку. (на об.:) 131 года февраля въ 10 день. 130 года августа въ 12 день извѣщалъ стольнику и воеводамъ Василью Алексѣевичу Третьякову да Прокофью Семеновичу Воейкову воронежскій атаманъ села Усмони жилецъ Ѳедька Болдырь; въ нынѣшнемъ въ 130 году августа въ 12 день сказывалъ де ему Ѳедькѣ Болдырю того же села Усмони атаманскій Ивановъ крестьянинъ Воронинъ Лука Ушаковъ, былъ де у того Лунки братъ, Гриш-

кою звали, и того де его брата Гришки не стало въ 130 же году въ августѣ; а умираючи де тотъ Гришка сказывалъ ему Лункѣ, что онъ Гришка умираетъ отъ порчи снохи своей, Лункиной жены, отъ Өетиньицы. И того же числа стольникъ и воеводы Василій Алексѣевичъ Третьяковъ да Прокофій Семеновичъ Воейковъ въ Воронежскій уѣздъ въ село Усмонь по того Иванова крестьянина Воронина по Лунку Ушакова и по жену его по Өетиньицу посылала того же Өедьку Болдыря. И Өедька Болдырь привелъ Лунку Ушакова и жену его Өетиньицу и корень принесъ, чѣмъ портила Лункина жена брата Гришку. И Ивановъ крестьянинъ Воронина Лунка ставъ въ съѣзжей въ роспросѣ сказалъ: братъ де его Гришка былъ болѣнъ 5 день, а на 6 день его не стало; а при смерти сказывалъ тотъ Гришка ему Лункѣ, что онъ умираетъ отъ порчи жены его Лункиной, отъ Өетиньицы. И по его де Гришкиной сказкѣ, послѣ его Гришкиной смерти, тотъ Лунка жену свою Өетиньицу пыталъ, и жена его Өетиньица сказала, что его брата Гришку испортила она Өетиньица тѣмъ коренемъ по наученью матери своей; а коимъ коренемъ испортила, и тотъ корень Лунка принесъ въ съѣзжую избу, взявъ у жены своей Өетиньицы. И того же числа ставъ передъ стольникомъ и воеводы передъ Васильемъ Алексѣевичемъ Третьяковымъ и Прокофьемъ Семеновичемъ Воейковымъ, Лункина жена Өестиньица про порчу деверя ея про Гришку и про корень распрашивана. А въ роспросѣ сказала, что тотъ корень дала ей Өетиньицы мать ея Пелагеица, а она де Пелагеица тотъ корень взяла того же села Усмони у Гришкины жены Полстоволихи у Акулинки; а велѣла де мать ея Пелагеица дочери своей Өетиньицѣ тотъ корень давать въ питьѣ деверю ея Гришкѣ, а сказывала ей, что отъ того де корени смерти не будетъ, де до тебя добръ, и она де Өетиньица тотъ корень ему Гришкѣ давала. А Пелагеица и дочь ея Өетиньица ставлены съ очей на очи и на очной ставкѣ Өетиньица на мать свою на Пелагеицу говорила тожъ, что тотъ корень взяла у ней у матери своей, а мать ея тотъ корень взяла у Гришкины жены Полстовалова Акулинки не для порчи. А мать ея Пелагеица сказала на очной ставкѣ, что она того корени дочери своей не давала и у Гришкины жены Полстовалова не имывала. И того же числа та Пелагеица пытана, а съ пытки сказала та Пелагеица, что она корен. дочери своей Өетиньицѣ не давала и у Гришкины жены не имовала, а тѣмъ де она Өетиньица себя и насъ поклепала

по наученью мужа своего Лунки, не истерпя побой отъ мужа своего. Тогоже числа та Өетиньица передъ матерью своею и и передъ Гришкиною женою Акулинкою пытана въ другой рядъ, а съ пытки сказала, что де она тотъ корень взяла у матери своей, а мать де ея тотъ корень взяла у Гришкины жены у Акулинки. И Пелагеица и Акулинка пытаны въ другой же рядъ и они на себя и съ другія жъ пытки ничего не говорили жъ. И послѣ Өетиньица и Гришкина жена Акулинка даны беречь за пристава и мать ея Пелагеица. И августа въ 13 день извѣщалъ въ съѣзжей избѣ стольнику и воеводамъ Василью Алексѣевичу Третьякову да Прокофью Семеновичу Воейкову приставъ воронежскій полковой казакъ Мурза Толмачевъ: дана де мнѣ за пристава пытаная женка Өетиньица, а сказывала де мнѣ, что она мать свою и Гришкину жену Полстовалова тѣмъ кореньемъ поклепала и съ пытки на нихъ говорила напрасно по наученью мужа своего Лунки, не истерпя побой отъ мужа своего. И того же числа стольникъ и воеводы Василій Алексѣевичь Третьяковъ да Прокофій Семеновичъ Воейковъ велѣли тое Өетиньицу поставить передъ собою и ее Өетиньицу роспросить, сказывала ль она такія рѣчи полковому казаку Мурзѣ Толмачову. И та роспрашивана, какія она рѣчи Мурзѣ Толмачеву сказывала. И Өетиньица въ роспросѣ сказала, что она такія рѣчи Мурзѣ Толмачеву сказывала, что она мать свою и Гришкину жену Полстоволова поклепала напрасно по наученью мужа своего, не истерпя побой отъ мужа своего. И того же числа Өетиньица съ мужемъ своимъ съ Лункою ставлена съ очей на очи и на очной ставкѣ про наученье спрашивана, и та Өетиньица на мужа своего на Лунку говорила тоже, что мать свою и Гришкину жену поклепала по его наученью, не истерпя побой отъ него. А Лунка сказалъ на той же очной ставкѣ, что жена ево Өетиньица брата его Гришку испортила, а онъ Лунка жену свою и мать ея не научалъ, тѣмъ она его клеплетъ ріяся тому что онъ на нее сказалъ въ порчѣ брата своего и умираючи де тотъ братъ его Гришка сказывалъ отцу своему духовному, что онъ испорченъ и умираетъ отъ той Өетиньицы, и та сказка вѣдома отцу духовному. И того же числа отецъ его духовный Игнатій поставленъ и про того Гришки смерть и про порчу спрашиванъ, а въ роспросѣ сказалъ; тотъ де Гришка лежалъ боленъ 5 денъ, а на 6 день его не стало. А передъ смертью своею Гришка тому отцу своему духовному сказывалъ, что ему де не-

вѣрка на тое Лункину жену на Өетиньицу въ порчѣ. И стольникъ и воеводы Василій Алексѣевичъ Третьяковъ и Прокофій Семеновичъ Воейковъ тое Лункину жену Өетиньицу велѣли пытать въ третій для того, что она говорила на мужа своего на Лунку. И съ пытки та Өетиньица сказала тожъ, что она матерь свою Пелагеицу и Гришкину жену Акулинку поклепала по наученью мужа своего, не истерпя побой, а принесъ де тотъ корень комнѣ мужъ мой и велѣлъ мать свою клепать и я де по наученью мужа своего мать свою клепала, а я де тотъ корень у матери своей не имывала. Написано въ докладъ. Нынѣшняго 131 года февраля въ 1 день писали ко государю т. съ Воронежа стольникъ и воеводы Василій Третьяковъ да Прокофій Воейковъ. Въ прошломъ во 130 году августа въ 12 день извѣщалъ имъ воронежскій села Усмони атаманъ Өедоръ Болдырь, что сказывалъ ему Өедкѣ того же села Усмани атаманскій Ивановъ крестьянинъ Воронино Лунка Ушаковъ былъ де у него Лунка братъ, а звали Гришкою, и того де его брата не стало въ прошломъ же во 130 году въ августѣ; а умираючи де братъ его говорилъ, что онъ умираетъ отъ порчи, а испортила де его Лункина жена Өетиньица. И они Василій и Прокофій того атаманскаго Иванова крестьянина Воронина Лунку Ушакова и жену его Өетиньицу сыскавъ про порчу спрашивала, и Лунка Ушаковъ въ роспросѣ сказалъ: лежалъ де братъ его Гришка боленъ 5 денъ, на 6 день брата его не стало, и при смерти братъ его говорилъ, что онъ умираетъ отъ порчи жены его Өетиньицы. И онъ Лунка послѣ смерти брата своего учелъ у жены своей про порчу допытываться, и жена де его Өетиньица ему сказала, что брата его Гришку испортила она, Өетиньица, по наученью матери своей, а мать де ея тотъ корень взяла села Усмони жъ у Гришкиной жены Полстовалова у Акулинки, и тотъ корень принесъ онъ Лунка передъ воеводъ въ съѣзжую избу. А Өетиньицына мать Пелагеица и Гришкина жена Полстовалова Акулинка въ роспросѣ и съ пытки говорили: Акулинка Өетиньицыной матери Пелагеицѣ коренья никакого не давывала а Пелагеица у Акулинки коренья не имывала и дочери своей Өетиньицѣ для порчи деверя своего не давывала. А Өетиньица въ роспросѣ и съ матерью своею Пелагеицею и съ Гришкою женою Полстовалова Акулинкою съ очей на очи и съ пытки говорила тѣ жъ рѣчи, что и мужу своему Лункѣ сказывала, что тотъ корень, которымъ она испортила деверя своего дала

ей мать ея Пелагеица, а взяла мать ея тотъ корень у Гришкиной жены Полстовалова у Акулинки, а велѣла мать ея тотъ корень деверю давати въ питье, а сказала, что отъ того корени смерти не будетъ, и она де Өетиньица тотъ корень деверю своему Гришкѣ давала въ питьѣ. И Пелагеица и Акулинка пытана въ другія и съ пытки на себя въ томъ корени и въ порчѣ ничего не говорили да Пелагеица говорила, что дочь ея Өетиньица себя да ихъ въ томъ корени поклепала, по наученью мужа своего Лунки, не истерпя отъ него побой. Өетиньица съ другія пытки въ томъ ко[illegible] говорила на мать же свою Пелагеицу и на Акулинку. А какъ послѣ другія пытки отдали ее держати приставу и она де Өетиньица учела говорить на мужа своего на Лунку, а съ матери своей Пелагеицы и съ Гришкиной жены Акулинки сговорила, а сказала, что она тѣмъ коренемъ мать свою и Гришкину жену Полстовалова Окулинку поклепала напрасно по наученью мужа своего, не истерпя отъ него побой. И мужъ Өетиньицынъ Лунка говорилъ, что онъ де жены своей на мать ея не научивалъ, тѣмъ его клеплетъ ріясь тому, что онъ на нее въ порчѣ брата своего сказывалъ, а какъ передъ смертью былъ у брата его отецъ духовный и про ту де порчу братъ его и отцу духовному сказывалъ, что испортила она Өетиньица. И Лункина брата Гришки отецъ духовный попъ Игнатій сказалъ, какъ онъ исповѣдывалъ Лункина брата, и онъ ему сказывалъ, что онъ испорченъ, а невѣрка де ему на невѣстку свою на Лункину жену на Өетиньицу. И Өетиньица съ мужемъ своимъ съ Лункою съ очи на очи испытана въ третьи и говорила на мужа жъ своего, что она говорила на мать свою Пелагеицу и на Гришкину жену на Акулинку по наученью мужа своего неистерпя отъ него побой, а принесъ де тотъ корень къ ней Өетиньицѣ мужъ ея Лунка и велѣлъ мать свою клепать, а у матери де она корени не имывала.

Отъ царя т. на Воронежъ стольнику нашему Василью Алексѣевичу Третьякову да Прокофью Семеновичу Воейкову. Писали есте къ намъ, что въ прошломъ во 130 году августа въ 12 день извѣщалъ вамъ воронежскій села Усмони атаманъ Өедька Болдырь, а ему Өедькѣ то сказывалъ тогожъ села Усмони атаманскій Ивановъ крестьянинъ Воронина Лунка Ушаковъ: былъ де у него Лунки братъ Гришка, и того де брата его Гришки не стало въ прошломъ же во 130 году въ августѣ; а умираючи де братъ его ему Лункѣ говорилъ, что умираетъ отъ порчи, а

испортила де его жена его Лункина Өетиньица. И вы атаманскаго Иванова крестьянина Воронина Лунку Ушакова и жену ево Өетиньицу сыскавъ про порчу роспрашивали, и тотъ Лунка Ушаковъ и жена его Өетиньица про порчу, что и съ пытки говорили, и ихъ роспросныя рѣчи прислали къ намъ, къ Москвѣ, а въ роспросныхъ рѣчахъ Лунки Ушакова написано, какъ де умираючи братъ его и при смерти говорилъ ему, что онъ умираетъ отъ порчи, а испортила его жена его Лункина Өетиньица, и какъ онъ Лунка учелъ у жены своей про порчу допытываться и жена де ему сказала, что брата его Гришку испортила она Өетиньица кореньемъ по наученью матери своей. А мать де ея тотъ корень взяла села Усмони жъ у Гришкиной жены Полстовалова у Акулинки, а мать де ея Өетиньицына Пелагеица и Гришкина жена Полстовалова Акулинка въ роспросѣ и съ очей на очи съ Өетиньецею испытаны дважды говорили: Пелагеица у Акулинки кореня не имывала и дочери своей Өетиньицѣ для порчи деверя своего не давывала, и Акулинка Пелагеицѣ коренья никакого не давывала, дочь себя и ихъ поклепала по наученью мужа своего Лунки, не истерпя отъ него побой. А Өетиньица въ роспросѣ жъ и съ очей на очи дважды испытана, говорила на мать же свою на Пелагеицу и на Гришкину жену Полстовалова на Окулинку, что тотъ корень, чѣмъ она портила деверя своего, дала ей мать ея, а матери тотъ корень дала Гришкина жена Полстовалова Окулинка, и послѣ другія пытки Өетиньица учела говорить на мужа своего и пытана въ третьи, а съ пытки говорила, что она на мать свою на Пелагеицу и на Гришкину жену на Акулинку говорила по наученью мужа своего, не истерпя отъ него побой, а принесъ де тотъ корень къ ней Өетиньицѣ мужъ ея Лунка и велѣлъ мать свою клепать, а у матери де она корени никакого не имывала. А Лунка съ женою своею съ Өетиньицею съ очей на очи говорилъ, что онъ женѣ своей Өетиньицѣ, кореня никакого для порчи не давывалъ и на мать свою не научивалъ, а какъ передъ смертью и про ту де порчу братъ его и отцу духовному сказывалъ, что его испортила она Өетиньица. И намъ бы о томъ велѣти указъ учинить, И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ, села Усмони атаманскаго Иванова крестьянина Воронина Лунку Ушакова поставя съ женою его съ Өетиньицею съ очей на очи, роспросили подлинно и пытати велѣли, женѣ онъ своей Өетиньицѣ корень какой на порчу да-

валъ и какою пору далъ, и тѣмъ кореңемъ брата его Гришку испортила, а тотъ корень гдѣ взялъ и у кого, и тѣмъ кореңемъ напередъ сего кого порчивалъ, и женѣ своей тѣмъ кореңемъ поклепать мать свою и Гришкину жену Полстовалова Акулинку велѣлъ ли, и для чего велѣлъ клепать. А будетъ Лунка съ пытки говорить на себя не учнетъ, и вы бъ жену его Лункину Өетиньицу въ томъ корени велѣли пытать накрѣпко, гдѣ она тотъ корень взяла, и Гришку кто ей велѣлъ портить, и для чего, да на кого скажетъ, вы бъ потому жъ тѣхъ людей сыскивая роспрашивали, и сыскивали накрѣпко. Да будетъ подопросу дойдутъ до пытки, и вы бъ потомужъ тѣхъ людей въ кореньѣ велѣли пытать, чтобъ одноличио про то кореньѣ сыскать допряма, да что вамъ крестьянинъ Лунка и жена его Өетиньица на очной ставкѣ въ роспросѣ и съ пытки скажутъ, и вы бъ о томъ сысковъ до пряма къ намъ отписали и роспросныя рѣчи прислали. Писан. на Москвѣ лѣта 7131 іюля въ 7 день.

2 Государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи холопи твои Матюшка Прозоровскій Девятко Алексѣевъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ г. во 137 году Сентября въ 8-й день прислана къ намъ х. т. твоя государева т. грамата изъ Разряда за приписью дьяка Михаила Данилова съ торочаниномъ съ сыномъ боярскимъ съ Кузьмою Маленицкимъ. А по твоей государевѣ грамотѣ велѣно намъ х. т. торопецкого помѣщика Михайла Полибина распросить, крестьянинъ Андрейко Лоптуновъ во крестьянахъ за нимъ былъ ли, и сколь давно изъ его помѣстья сшелъ, и онъ про то вѣдаетъ ли, какъ тотъ мужикъ изъ помѣстья пошелъ, и черною болѣзнью онъ боленъ ли, и отецъ его и мать да жена да дѣти того мужика за нимъ Михайломъ нынѣ есть ли, и о томъ бы о всемъ его распросить подлинно. Да что Михайло Полибинъ намъ х. т. въ роспросѣ скажетъ, и о томъ бы отписать и роспросныя его рѣчи прислать къ тебѣ г. къ Москвѣ. И мы х. т. по твоей государевѣ грамотѣ торопецкого помѣщика Михаила Полибина про крестьянина про Андрейку Лоптунова противъ твоего государева указу распрашивали, и что намъ холопямъ твоимъ Михайло Полибинъ въ роспросѣ сказалъ, и тѣ его роспросныя рѣчи подъ сею отпискою послали мы х. т. къ тебѣ г. за его Михайловою рукою съ торопчаниномъ съ Митрошкомъ Качаницкимъ Сентября въ 18 день нынѣшняго 137 года, а велѣли отписку и роспросныя его рѣчи отдать въ Разрядѣ твоимъ государевымъ дьякамъ думному

Ѳедору Лихачеву да Михаилу Данилову. 137 года Сентября въ 11-й день по государевѣ т. грамотѣ изъ разряда за приписью дьяка Михаила Данилова стольникъ и воевода князь Матвѣй Васильевичъ Прозоровскій да подьячій Девятой Алексѣевъ Михаила Полибина распрашивали, крестьянинъ Андрейко Лоптуновъ во крестьянахъ за нимъ былъ ли, и сколь давно изъ помѣстья пошелъ, и черною болѣзнью онъ боленъ ли, и отецъ и мать его да жена и дѣти того мужика за нимъ Михаиломъ нынѣ есть ли. И въ роспросѣ Михайло Полибинъ сказалъ: Андрейко Лоптуновъ крестьянинъ его, и одержимъ чернымъ недугомъ, и били челомъ ему Михаилу и просился, чтобъ его отпустить молиться Богу ходить по святымъ мѣстамъ; и будетъ де болѣзнь не облегчаетъ, и ему бъ монастырь постричься. И онъ де Михайло для его болѣзни отпустилъ его Богу молиться во 136 году лѣтомъ съ весны, а отецъ де его и мать за нимъ Михайломъ во крестьянахъ, а жена де его и дѣти за нимъ же Михаиломъ во крестьянахъ. Михайло Полибинъ сказалъ и руку приложилъ подьячій Девятой Алексѣевъ.

Написано въ докладъ. Въ прошломъ во 136 году Іюля въ 14-й день писалъ къ государю т. изо Ржевы Володимеровы воевода князь Аѳанасій Козловскій: Іюня де въ 28-й день привели къ нему въ съѣзжую избу ржевскіе стрѣльцы русскаго приводного человѣка, обходитъ кругомъ города по зарѣчью вверхъ по Волгѣ по старой торопецкой дорогѣ; а въ роспросѣ ему тотъ приводный человѣкъ сказался: зовутъ де его Андрейкомъ Бисаковъ сынъ Лоптуновъ торопецкаго помѣщика Михаиловъ крестьянинъ Полибина, а ходилъ онъ изъ Торопца къ Москвѣ кормиться, а жилъ на Москвѣ недѣль съ 5, а у кого именемъ жилъ, того не сказалъ, и по городамъ нигдѣ не являлся, а нынѣ де опять идетъ въ Торопецъ. А во Ржевѣ на него знатцовъ никого нѣтъ да у негожъ у креста привязанъ корень. И Іюля жъ въ 15-й день по государевѣ т. грамотѣ во Ржеву Володимерову къ воеводѣ князю Аѳанасью Козловскому велено того мужика Андрейку Лоптунова прислать ко государю къ Москвѣ съ приставомъ. И Іюля въ 29-й день того мужика Андрейку изо Ржевы къ Москвѣ послали. А на Москвѣ онъ Андрейко Лоптуновъ въ роспросѣ сказался: торопецкаго уѣзда Михаиловъ крестьянинъ Полибина, а во 136 году весною пошелъ онъ по полой водѣ изъ торопецкаго уѣзда изъ за Михайлы Полибина къ Москвѣ кормиться работою, и жилъ на Москвѣ недѣль съ 5 и кормился работою, а жилъ за Москвою рѣкою у посадскаго человѣка у Левки, а чей Левка слыветъ и чѣмъ торгуетъ, того онъ не вѣдаетъ. А съ Москвы пошелъ онъ опять въ торопецкій уѣздъ на старину за 3 дни до Петрова дня, и пришелъ во Ржеву. И во Ржевѣ де его поймали за городомъ стрѣльцы и привели къ воеводѣ, и воевода велѣлъ его дать за пристава. А корень де что у него привязанъ у креста далъ ему дорогою идучи прохожій человѣкъ и котораго города, того онъ не вѣдаетъ, а далъ ему тотъ корень для того, что онъ Андрейко боленъ черною болѣзнью, а хватаетъ де его помѣсячно, а отецъ де его и мать, да жена, да два сына, да дочь и нынѣ живутъ въ торопецкомъ уѣздѣ за торопчаниномъ Михаиломъ Полибинымъ. И онъ Андрейко посаженъ въ тюрьму до государева указу. А въ торопецкій уѣздъ посланы государевы двѣ грамоты къ стольнику и воеводѣ ко князю Матвѣю Прозоровскому и къ подьячему къ Девятому Алексѣеву, а велѣно имъ торопецкаго помѣщика Михаила Полибина роспросить, таковъ крестьянинъ Андрейко Лоптуновъ во крестьянахъ за нимъ былъ ли, и сколь давно изъ его помѣстья сшелъ, и онъ про то вѣдалъ ли, какъ тотъ мужикъ изъ его помѣстья пошелъ, и черною болѣзнью онъ боленъ ли, и отецъ его да мать да жена и дѣти за нимъ за Михаиломъ есть ли. И о томъ о всемъ велѣно его распросить подлинно, а что имъ Михайло Полибинъ въ роспросѣ скажетъ, и имъ о томъ велѣно отписать ко государю и роспросныя рѣчи прислать. И 137 года Октября въ 4-й день писали ко государю т. стольникъ и воевода князь Матвѣй Прозоровскій да подьячій Девятой Алексѣевъ и прислали торпчанина Михайла Полибина роспросныя рѣчи за его Михайловою рукою. А въ роспросныхъ рѣчахъ написано, Михайло Полибинъ сказалъ: онъ Андрейко Лоптуновъ крестьянинъ его, и боленъ черною болѣзнью, и билъ челомъ ему Михаилу и просился, чтобъ его отпустить молиться въ монастыри; и будетъ де болѣзнь не облегчаетъ, и ему бъ въ монастырь постричься, и онъ Михайло для его болѣзни отпустилъ его во 136 году лѣтомъ съ весны; а отецъ его и мать нынѣ во крестьянахъ за нимъ Михаиломъ а жена его да дѣти у него жъ Михаила во крестьянахъ. Взять корень и показать дохтурамъ да въ тюрьмѣ допросить, была ли надъ тѣмъ мужикомъ такая черная болѣзнь.

И корень что взятъ у мужика у Андрейка Лоптунова показованъ во Аптекарской Палатѣ дохтурамъ. И дохтуры Вален-

тинъ съ товарищи смотрѣнъ кореня сказали, что тотъ корень Гусина плоть и къ лѣкарству пригожается, а лихого въ немъ ничего нѣтъ, да и въ ротъ тотъ корень клали. А будетъ де кто захочетъ воровать, и онъ и на добромъ корени воровствомъ и наговоромъ дурно сдѣлаетъ, а того де они не знаютъ, есть ли на томъ корени наговоръ. А дворскій тюремный Михайло Петриковъ и тюремные цѣловальники и сидѣльцы сказали: какъ того мужика Андрейку посадили въ тюрьму, и его де сперва черная болѣзнь хватила черезъ день и черезъ два дни, а и нынѣ де его черная болѣзнь хвотаетъ ежеденъ, да тотъ же де мужикъ Андрейко задавилъ было въ тюрьмѣ тюремного сидѣльца сонного, и его де отъ него тюремные же сидѣльцы...

(Резолюція): 137 года Октября въ 28-й день государь указалъ того мужика послать на Устюгъ Великій въ Архангельскій монастырь и велѣть ему быть въ черной монастырской работѣ, и изъ монастыря его не выпускать, чтобъ онъ не пропалъ безвѣстно, и велѣть ему ходить къ пѣнью, чтобъ ему отъ того недуга Богъ далъ излеченье. (За симъ слѣдуетъ память объ исполненіи Н. Н.).

3. Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи холопъ твой Петрушка Хилковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 137 году Сентября въ 22-й день прислана ко мнѣ х. т. твоя государева царева и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи грамота изъ Разряда за приписью твоего государева дьяка Михаила Данилова по извѣстной челобитной задворныхъ конюховъ Петра Хметевскаго да Ивана Чуркина; а по твоему государеву указу и по грамотѣ велѣно мнѣ х. т. тѣхъ задворныхъ конюховъ Петра да Ивана поставя передъ собою распросить ихъ подлинно, о которую пору и какими обычаи и какою порчею жены ихъ испорчены, и на кого имъ въ томъ невѣрка, и по какимъ примѣтамъ, и есть ли на тѣхъ людей, на кого они скажутъ, прежніе улики. Да что они въ роспросѣ мнѣ х. т. скажутъ, и о томъ велѣно отписать къ тебѣ г. къ Москвѣ. И я х. т. по твоей государевѣ т. указу и по грамотѣ тѣхъ задворныхъ конюховъ Петра Хметевскаго да Ивана Чуркина, поставя ихъ передъ собою, распрашивалъ. И октября въ 22-й день Петръ Хметевскій сказалъ мнѣ х. т. въ съѣзжей избѣ въ роспросѣ: нъ прошломъ де во 136 году Мая въ 11-й день отвели де ему на Чухломѣ на посадѣ дворъ у вдовы Овдотьицы прозвище Ротозии., а ее съ двора сослали и послѣ ссылки посадскихъ людей та женка Овдотьица приходила на свой дворъ къ женѣ его безъ него, а онъ де Петръ въ тѣ поры былъ у государева дѣла въ съѣзжей избѣ. И какъ онъ пришелъ изъ съѣзжей избы, и жена де его учала ему сказывать, что приходила къ ней та Овдотьица и говорила ей немного: де вамъ на моемъ дворѣ жить до весны, да изговоря то слово съ двора она Овдотьица изошла. И мая въ 11-й день жену де его Марью испортили, вопитъ кукушкою и зайцемъ кликаетъ, и онъ де Петръ отъ тое порчи приводилъ пособлять женѣ своей чухломца посадскаго человѣка Первушку Ульянова, и тотъ Первушка женѣ его отъ порчи пособлялъ, и откликалъ ее, и пособилъ: не почала кликать. Лишь де она нынѣ скорбитъ сердечною скорбью и зубами у себя руки грызетъ, а тотъ де Первушка, который женѣ его пособлялъ, умеръ. А Иванъ Чуркинъ про свою жену сказалъ мнѣ х. т. отпущалъ де онъ жену свою навѣщать Петрову жену Хмѣтевскаго, какъ была она испорчена, сперва кричала во 136 году мая въ 11-й день, и многія женщины ее Петрову жену держали, и послѣ де того въ третій день послѣ Петровой жены и его Иванову жену ухватило порчею, кричала сутки, день да ночь, а другія сутки была безъ вѣданья; и въ тѣ де поры приводилъ онъ чухломца посадскаго человѣка Первушку Ульянова, и онъ де наговаривалъ на соль, и на воду, и на молоко, и давалъ де его Ивановѣ женѣ пить и окачиваться, и надъ нею шепталъ. И послѣ того и по ся мѣста надъ женою его того не бывало. А кто де портилъ Петрову жену Хмѣтевскаго и надъ его Ивановою женою однова грѣхъ былъ и отъ кого именемъ, того онъ Иванъ не вѣдаетъ. И я х. т. ихъ сказку написавъ, въ сю отписку послалъ къ тебѣ Г. къ Москвѣ, а на Москвѣ велѣлъ отписку подать въ Разрядѣ твоимъ государевымъ дьякамъ думному Ѳедору Лихачеву да Михаилу Данилову. И о томъ, какъ ты государь, укажешь. Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи въ Галичъ воеводѣ нашему князю Петру Андреевичу Хилкову. Писалъ еси къ намъ, что по нашему указу велѣно тебѣ задворныхъ конюховъ Петра Хмѣтевскаго да Ивана Чуркина распросить подлинно, о которую пору и какими обычаи и какою порчею жены ихъ испорчены, и на кого имъ въ томъ невѣрка, и по какимъ примѣтамъ, и есть-ли на тѣхъ людей, на кого они скажутъ, прежніе улики. И тебѣ велѣно о томъ къ намъ къ Москвѣ отписать, и по нашему указу задворныхъ конюховъ Петра Хмѣтевскаго да Ивана Чуркина поставя передъ

собою въ съѣзжей избѣ распрашивалъ—(конца нѣтъ) и жена де его скорбитъ сердечною болѣзнью и зубами, себѣ руки грызетъ, а Первушка де, который женѣ его пособлялъ, умеръ. А Иванъ Чуркинъ про свою жену сказалъ: отпущалъ де онъ жену свою навѣщать Петрову жену Хмѣтевскаго, какъ была испорчена, и послѣ де того въ 3-й день его Иванову жену охватило порчею: кричала сутки, а другіе сутки лежала безъ вѣдомья. И отъ той порчи пособилъ женѣ его посадскій человѣкъ Первушка Ульяновъ. И послѣ де того надъ женою его того не бывало, а кто портилъ Петрову жену Хмѣтевскаго и его Иванову жену и того онъ Иванъ не вѣдаетъ. И намъ бы тебѣ о томъ велѣть указъ учинить. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ тое вдову Овдотьицу велѣлъ въ Галичѣ сыскать тотчасъ, а сыскавъ и про порчу распросить накрѣпко, въ какой мѣрѣ она такія слова говорила, что немного де на ея дворѣ Петровѣ женѣ жить, и чѣмъ та женка промышляетъ, и нѣтъ ли за нею какого воровства. А будетъ по роспросу дойдетъ до пытки, и ее про тое порчу пытать накрѣпко. А что она съ пытки на кого говорить будетъ, и тѣхъ по тому жъ велѣть сыскавъ распрашивать подлинно, кто кого портилъ; а кто дойдетъ до пытки, и тѣхъ велѣно пытать и сыскивалъ бы еси про порчу накрѣпко безъ понаровки, чтобъ одноличио про порчу сыскать подлинно. А что та женка Овдотьица въ роспросѣ и съ пытки, или иные люди говорить про порчу учнутъ, и ты бъ тѣ ихъ роспросныя про порчу и пыточныя рѣчи прислалъ къ намъ къ Москвѣ, и велѣлъ подать въ Разрядѣ дьякомъ нашимъ думному Өедору Лихачеву да Михаилу Данилому. Писанъ на Москвѣ лѣта 7137 Декабря въ — день.

4. Государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичю всеа Русіи холопи твои Венедитко Оболенскій и Макарка Чукаринъ челомъ бьютъ. Въ прошломъ государь во 137 году апрѣля въ 26 день писали мы, холопи твои, къ тебѣ, государю т. что билъ челомъ тебѣ г. Иванъ Өедоровъ сынъ Левашевъ, а намъ х. т. въ съѣзжую избу принесъ челобитную Нижегородскаго уѣзда Печерскаго Монастыря села Ягодного на крестьянина на Максимку Иванова. А въ челобитной его написано: давалъ де тотъ Максимка женѣ его отъ порчи пить траву, и она де отъ той травы умерла. И того Максимка привелъ къ намъ въ съѣзжую избу и мы х. т. того Максимка роспрашивали, и тое Иванову челобитную и Максимковы роспросныя рѣчи послали къ

тебѣ в. г. т. къ Москвѣ. А что онъ Максимка въ роспросѣ сказалъ . . . . товарища своего Нижегородскаго уѣзда Печерскаго монастыря того жъ села Ягодного деревни Карташевы на крестьянина Өедьку Григорьева сына, прозвище Реброва, что тотъ Өедька вѣдовство знаетъ и людей портитъ и его Өедькина мастера Арзамасскаго уѣзда деревни Ревезени мордвина Веткаска (Стерто.). И мы х. т. по того мордвина посылали, и въ Арзамасъ его къ намъ привели, а про того Өедьку въ Нижній Новгородъ къ воеводѣ къ Ивану Траханіотову да къ дьяку Богдану Поздѣеву писали, чтобъ его Өедьку поимавъ къ намъ прислали или его въ Нижнемъ Новгородѣ держали до твоего государева указу. И воевода Иванъ Траханіотовъ да дьякъ Богданъ Поздѣевъ къ намъ х. т. въ Арзамасъ того Өедьку не присылывали. И въ прошломъ же государь во 137 году іюня въ 4 день прислана въ Арзамасъ твоя государева т. х. т. изъ Разряда за приписью твоего государева дьяка Михаила Данилова, да по той твоей государевѣ грамотѣ велѣно намъ х. т. Нижняго Новгорода Печерскаго монастыря крестьянина деревни Карташевы Өедьку Реброва сыскавъ поставить съ очей на очи Печерскаго жъ монастыря съ крестьяниномъ съ Максимомъ Ивановымъ, который уморилъ Иванову жену Левашева, и съ ревценскимъ мордвиномъ съ Веткаскомъ, и ихъ распрашивати, и сыски всякими сыскивати, и пытати на крѣпко, по какому умышленью онъ Максимка Иванову жену Левашева уморилъ, и иныхъ людей онъ Максимка и товарищъ его мордвинъ Веткаско и мужикъ Өедька Ребровъ, кого именемъ, и сколь давно, и какимъ волшебствомъ, и по чьему наученью, или собою кого уморили, или испортили, и иные товарищи ихъ съ ними въ томъ воровствѣ въ заговорѣ были ль, и кто имяны были, и тому воровству кто ихъ училъ, и гдѣ тѣ люди нынѣ, которые ихъ тому воровству учили и съ ними въ думѣ были. Да на которыхъ людей они въ порчѣ учнутъ говорити, и намъ х. т. тѣхъ людей велѣно сыскивати и распрашивати подлинно какими обычаи тѣхъ воровъ порчѣ учили и кого именемъ портили. Да будетъ по сыску и по роспросу, которые люди въ томъ вѣдомствѣ дойдутъ до вины, и намъ х. т. тѣхъ людей потомужъ въ томъ воровствѣ и въ порчѣ велѣно пытать накрѣпко; и тѣхъ людей, которыхъ они портили потому жъ сыскивать и роспрашивать, какими обычаи ихъ тѣ воры портили, да кто что въ томъ вѣдовствѣ, въ роспросѣ и съ пытки учнутъ говорити, и намъ х. т. тѣ ихъ рѣчи велѣно написать

подлинно, и о томъ о всемъ отписать къ тебѣ, государю. И мы х. т. въ Нижній Новгородъ къ воеводѣ къ Ивану Траханіотову да къ дьяку Богдану Поздѣеву о Ѳедькѣ Ребровѣ писали, съ арзамаѣскимъ затинщикомъ съ Самсонкомъ Мѣшковымъ, чтобъ они того Печерскаго монастыря крестьянина Ѳедьку Реброва прислали къ намъ въ Арзамасъ на очную ставку съ Максимкомъ Ивановымъ и съ мордвиномъ Веткаскомъ. И Нижняго Новгорода воевода Иванъ Траханіотовъ да дьякъ Богданъ Поздѣевъ къ намъ холопямъ твоимъ писали, что они по . . . . Печерскаго монастыря въ Ягодинскую волость въ деревню Карташеву для того крестьянина Ѳедьки Реброва посылали изъ Нижняго Нижгородскаго пристава Янку Баженова съ арзамасскимъ затинщикомъ съ Самсонкомъ Мѣшковымъ и велѣли де того крестьянина Ѳедьку Реброва сыскавъ въ той деревнѣ отдати арзамасскому затинщику Самсонку Мѣшкову. И нижегородскій де приставъ Янко Баженовъ пріѣхавъ въ Нижній въ съѣзжую избу сказалъ имъ: какъ де они поѣхали изъ Нижняго въ Ягодинскую волость въ деревню Карташеву, а съ ними для отдачи Ѳедьки ѣхалъ Печерскаго монастыря служка Сатыбниковъ и на дорогѣ де встрѣтилъ ихъ села Ягодного крестьянинъ, идетъ къ архимариту со отпискою, а сказалъ имъ, что тотъ крестьянинъ Ѳедька Ребровъ сидѣлъ въ селѣ Ягодномъ въ тюрьмѣ, и изъ тюрьмы ушелъ. И они де посылали для того Ѳедьки къ Печерскому архимариту Рафаилу, и архимаритъ де Рафаилъ прислалъ къ нимъ въ съѣзжую избу Печерскаго монастыря служку Ваську Данилова, и въ роспросѣ де имъ тотъ служка Васька Даниловъ сказалъ, что тотъ Ѳедька Гебровъ сидѣлъ у нихъ въ тюрьмѣ на Ягодномъ и изъ тюрьмы ушелъ. А на которыхъ г. людей онъ Максимка въ роспросѣ говорилъ, на Пятунку Константинова сына прозвище на Попка, да на Андрюшку Гаврилова и на его тещу на Маврутку, тое жъ деревни Карташевы на крестьянъ, и мы х. т. по того Пятунку и по Ондрюшку посылали пристава Наушка Четвертакова, и приставъ Наушка Четвертаковъ привезъ къ намъ х. т. Андрюшку Гаврилова съ тещею его съ Мавруткою, а про Пятунку сказалъ: тотъ Пятунка до него Наумка бѣжалъ дни за два. И мы х. т. того Андрюшку и тещу его Маврутьу съ тѣмъ Максимкомъ и съ мордвиномъ, съ Веткаскомъ, съ очей на очи ставили и роспрашивали, на кого та женка Маврутка и онъ Андрюшка наймовали того мордвина напущати нечистый духъ, и въ томъ того мордвина и мужиковъ

Максима Иванова и Андрюшку Гаврилова пытали. И тотъ мордвинъ сказалъ, что того онъ Андрюшки и тещи его Маврутки не знаетъ, и волшебству никакому не учивалъ, и на сосѣдъ своихъ портить не наймовался. И тотъ Максимка пытанъ же накрѣпко и съ пытки съ нихъ не смолвилъ. И мы, холопи твои, того Максимка и Андрюшка Гаврилова, и тещу его Маврутку, и мордвина Веткаска дали за приставовъ до твоего государева указу. И тотъ Максимка и Андрюшка съ тещею Маврушкою сидятъ за приставами, а мордвинъ Веткаско сидя за приставомъ умеръ. И о томъ г. Ѳедькѣ и о Пятункѣ, что бѣжали, намъ х. т. какъ укажешь; а безъ Ѳедьки г. Реброва и безъ Пятунки намъ х. т. про такое вѣдовство сыскать не кѣмъ; а Максимко г. во всемъ вѣдовствѣ говоритъ на того Ѳедьку Реброва. (Отписати велѣти сыскивать тѣхъ воровъ Ѳедьку и Пятунку накрѣпко, чтобъ однолишно того воровского дѣла доискаться. На обор.: 138 года окт. въ 6 день, подлинно). Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи въ Арзамасъ стольнику нашему и воеводѣ Венедикту Андреевичу Оболенскому да подъячему Макару Гукарину. Писали есте къ намъ, что по нашему указу велѣно вамъ Нижняго Новгорода Печерскаго монастыря деревни Карташевы крестьянина Ѳедьку Реброва сыскавъ поставить съ очи на очи печерскаго жъ монастыря съ крестьяниномъ Максимкомъ Ивановымъ, что онъ уморилъ Иванову жену Левашева и съ ревезенскимъ мордвиномъ съ Веткаскомъ, и ихъ роспрашивать, и сыски всякими сыскивать, и пытать накрѣпко, по какому умышленью онъ Максимка Иванову жену Левашева уморилъ, и товарищи его мордвинъ Веткаско, и мужикъ Ѳедька Ребровъ кого именемъ, и сколь давно, и какимъ волшебствомъ, и по чьему наученью, или собою кого уморили, и испортили они, и иные товарищи ихъ въ томъ воровствѣ съ ними въ заговорѣ были ль, кто имяны были, и гдѣ тѣ люди нынѣ, да будетъ по роспросу и по сыску которые люди въ томъ волшебствѣ дойдутъ до вины, и тѣхъ людей потому жъ въ томъ воровствѣ пытать накрѣпко. А кто что въ томъ вѣдовствѣ въ роспросѣ и съ пытки учнетъ говорить о томъ о всемъ, велѣно писать къ намъ, къ Москвѣ, подлинно. И вы въ Нижній Новгородъ къ воеводѣ къ Ивану Троханіотову да къ дьяку Богдану Поздѣеву писали съ арзамасскимъ затинщикомъ съ Самсонкомъ Мѣшковымъ, чтобъ они того Печерскаго монастыря крестьянина Ѳедьку Реброва сыскавъ прислали къ

вамъ на очную ставку съ Максимкомъ Ивановымъ и съ мордвиномъ съ Веткаскомъ для сыску въ томъ воровствѣ. И воевода Иванъ Траханіотовъ да дьякъ Богданъ Поздѣевъ писали къ вамъ, что посылали они съ арзамаскимъ затинщикомъ съ Самсонкомъ Мышковымъ пристава Янку Баженова въ Ягодинскую волость въ деревню Карташеву для сыску Ѳедьки Реброва, и на дорогѣ де имъ Самсонку встрѣтился того печерскаго монастыря крестьянинъ, а сказалъ, а то тотъ Ѳедька Ребровъ у нихъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, а изъ тюрьмы ушелъ; да и архимаритъ печерскаго монастыря Рафаилъ присылалъ къ намъ въ съѣзжую избу служку Ваську Данилова (стерто) что тотъ мужикъ Ѳедька изъ села Ягодного у нихъ изъ тюрьмы ушелъ; да Максимка Ивановъ, который уморилъ Иванову жену Левашева въ порчѣ, что говорилъ, съ пытки деревни Карташевы на крестьянина на Пятунку Константинова, прозвище Понкэ, да на Андрюшку Гаврилова, и на тещу его, на Маврутку, и вы по тѣхъ мужиковъ по Андрюшку и по Пятунку посылали пристава, и приставъ Наумка Четвертаковъ привелъ къ вамъ Андрюшку Гаврилова съ тещею съ Маврсткою, а про Пятунку Попкова сказалъ, что онъ изъ тое деревни Карташевы ушелъ до его Наумкова пріѣзда дни 2, и вамъ про то вѣдовство не сыскати, и что мордвинъ Веткаско съ пытки умеръ, а на которыхъ говорилъ съ пытки Максимко Ивановъ и мордвинъ Веткаско, и тѣ воры Ѳедька Ребровъ да Пятунка Попковъ не сысканы и намъ бы о томъ вамъ указъ учинить. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ по прежнему нашему указу и по сей нашей грамотѣ Ѳедьку Реброва и Пятунку Попкова велѣли сыскивати всякими обычаи, чтобъ ихъ однолично сыскати, а сыскавъ Ѳедьку Реброва и Пятунку Попкова и поставя съ очей на очи Печерскаго минастыря съ крестьяниномъ съ Максимкомъ Ивановымъ, который уморилъ Иванову жену Левашева, роспрашивали и сыскивали накрѣпко, по какому умышленью онъ Максимко Иванову жену Левашева уморилъ, и товарищи его Ѳедька Ребровъ Пятунка . . . . , кого именемъ, и сколь давно, и какимъ волшебствомъ, и по чьему наученью, или собою кого уморили, или испортили, и иные товарищи въ томъ воровствѣ съ ними въ заговорѣ были ль, и кто имяны были, и гдѣ тѣ люди нынѣ. Да и тѣхъ людей, кого они портили, потому жъ сыскавъ роспрашивали, какими обычаи тѣ воры ихъ портили, чтобъ однолично про то вѣдовство сыскать до пряма. Да кто что въ томъ вѣдовствѣ въ роспросѣ и съ пытки что про нихъ скажутъ, и вы бъ о томъ о всемъ отписали къ намъ и роспросныя ихъ рѣчи прислали къ Москвѣ. Писан. на Москвѣ лѣта 7138 ноября въ 20 день.

Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи и великому государю святѣйшему Филарету Никитичу, патріарху московскому и всеа Русіи бьютъ челомъ Новагорода ваши государевы богомольцы печерскаго монастыря архимаритъ Рафаило съ братьею. Въ прошломъ, государи, во 137 году бродилъ нашъ монастырскій крестьянецъ Ягодинскія вололости деревни Картамихи Максимъ Ивановъ для конскаго леченья въ коновалахъ, и тотъ крестьянинецъ въ Арзамаской уѣздъ въ Иваново (роспалось) мѣсты Левашева, и въ то г. время Иванова жена Левашева больна была, и, призвавъ Иванъ Левашевъ Максимка къ себѣ на подворье, велѣлъ женѣ своей давать отъ немочи траву пить; и онъ Максимко траву пить женѣ его давалъ и Иванъ Левашевъ пилъ для здравья . . . . . для порчи, и нивъ траву, того монастырского крестьянца отъ себя отпустилъ. И послѣ того Ивановѣ женѣ случилася не вдомѣ смерть судомъ Божіимъ, а не отъ травы. И тотъ крестьянинъ зашелъ къ нему инымъ временемъ въ помѣстье для конскагожъ леченья и Иванъ Левашевъ того монастырскаго крестьянна поималъ и поимавъ послалъ въ Арзамасъ къ вашему государеву воеводѣ ко князю Венедикту Андреевичу Оболенскому да къ подьячему Макару Чукарину. И воевода по вашему государеву указу того крестьянца Максимка пыталъ и тотъ Максимко не истерпя пытки поклепалъ деревни Ревезени Мордвина Веткаска да манастырскихъ крестьянинецъ деревни Картамихи Пятунку Константинова да Андрюшку Гаврилова, да тещу его Маврутку, да Ѳедьку Реброва, и Пятунка и Ѳедька Ребровъ устрашась пытки сбѣжали, а мордвинъ Веткаско на пыткѣ замученъ до смерти, а на себя и на монастырскихъ крестьянъ на пыткѣ не говорилъ, и Андрюшка пытанъ же и на себя и на монастырскихъ крестьянъ не говорилъ же. И послѣ г. того Иванъ Левашевъ привезъ въ Арзамасъ свою женку пытану, и та женка ему Ивану съ пытки повинилась, что она испортила жену Иванову, а не монастырскій крестьянинъ; и та его женка въ тюрьмѣ въ Арзамасѣ, и нынѣ, государи, вашъ государевъ воевода князь Венедиктъ Оболенскій да подьячій Макаръ Чукаринъ хотя монастырскую вотчинку и крестьянинъ испрода. . . . своей корысти велѣли тому Максим-

ку и Андрюнкѣ монастырскихъ крестьяницъ клепати, а у монастырскихъ крестьянъ воровства того нигдѣ не объявилось, государи, и Максимко клепался не перетерпя пытки. Милосердый государь т. пожалуйте насъ, своихъ государевыхъ богомольцевъ, велите, государи, тѣхъ крестьянъ Максимку и Андрюшку, и тещу его Маврутку съ дѣломъ взять въ Нижній Новгородъ къ своему воеводѣ Ивану Микифоровичу Трахоніотову да къ дьяку къ Богдану Поздѣеву, и велите г. о томъ къ воеводѣ свою государеву грамоту дать, чтобъ отъ арзамасскаго воеводы князя Венедикта Андреевича Оболенскаго монастырскія вотчинки не запустѣли и крестьянинцы не разбрѣлися. Государи, смилуйтеся, пожалуйте. (На оборотѣ): государь пожаловалъ, велѣлъ то дѣло и сыскъ и тѣхъ людей, которые въ томъ дѣлѣ дошли до сыску, взять въ Нижній Новгородъ и указъ учинить. (На оборотѣ): 138 года февраля въ 15 день. Отъ царя и великаго князя Михаила Өедоровича всеа Русіи въ Нижній Новгородъ воеводѣ нашему Ивану Никифоровичу Траханіотову да дьяку нашему Богдану Поздѣеву. Въ прошломъ во 137 году мая въ 21 день писали къ намъ изъ Арзамаса стольникъ и воевода князь Венедиктъ Оболенскій да подьячій Макаръ Чукаринъ: іюля въ 26 день билъ намъ челомъ. . . . . Левашевъ да привелъ къ нимъ въ съѣзжую избу нижегородскаго уѣзда печорскаго монастыря села Яголнаго деревни Карташевой крестьянина Максимка Иванова, а въ челобитной его написано: въ прошломъ де во 137 году на Егорьевъ день давалъ тотъ Максимка женѣ его отъ порчи траву пить и отъ тое травы жена его умерла. И Максимко Ивановъ въ роспросѣ винился, что онъ Ивановѣ женѣ Левашева пить траву давалъ отъ порчи и она де отъ той травы умерла, а напередъ де сего давалъ онъ тое траву пить многимъ людямъ и самъ пилъ, и тѣ де люди и нынѣ всѣ живы и здоровы, и указывалъ де ему тое траву прохожій человѣкъ, а имени ему не упомнитъ, а сына его Максимкова Родку портилъ тое жъ деревни Карташевой крестьянинъ Өедька Григорьевъ сынъ Ребровъ. И съ тѣмъ де прохожимъ человѣкомъ тотъ Өедька ходилъ по деревнямъ и травы всякія знаетъ, и волшебствомъ промышляетъ, людей портитъ и за очи на многихъ людей нечистый духъ насылаетъ и отъ того де люди помираютъ, да тотъ же де Өедька на воду смотря призываетъ нечистыхъ духовъ, и ему де сказываютъ, что гдѣ дѣлается или кто чѣмъ испорченъ, а слышалъ де онъ отъ того Өедьки, что онъ учился тому волшебству въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Досадиной у мордвина у Веткаска, а чей слыветъ того не вѣдаетъ, а нынѣ де тотъ мордвинъ живетъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Ревезени и къ нему де Өедькѣ и тотъ мордвинъ прихаживалъ. И мордвинъ Веткаско сысканъ, а въ роспросѣ говорилъ, что онъ Өедьки Реброва и той дерев. Карташевы, гдѣ Өедька живетъ, не знаетъ, и его Өедьку никакому волшебству не учивалъ, и самъ онъ Веткаско никакому волшебству не умѣетъ, и никого не порчивалъ, а постоявъ сказалъ, что онъ порчи не знаетъ, а то узнаетъ какая кому немочь и кому отъ какой немочи живу быти или умереть и отъ того пособитъ. А Өедьки Реброва для роспросу изъ Нижняго вы къ нимъ не присылывали и писано отъ насъ въ Арзамасъ къ стольнику нашему и воеводѣ ко князю Венедикту Оболенскому да къ подьячему Макару Чукарину, а велѣно того Өедьку Реброва и тѣхъ людей, которыхъ они портили сыскать, и того Өедьку, и мужика Максимку Иванова, и мордвина Веткаска поставя съ очей на очи роспрашивать, и пытать накрѣпко, и сыски всякими сыскивать по какому умышленью тотъ Максимка Иванову жену Левашева уморилъ, и иныхъ людей онъ Максимко, и товарища его мордвинъ Веткаско, и мужикъ Өедька Ребровъ кого именемъ, и сколь давно, и какимъ волшебствомъ, и по чьему наученью или собою кого уморили и испортили, и иные товарищи съ ними въ томъ воровствѣ въ заговорѣ были ль, и кто имяны были, и кто ихъ тому воровству училъ, и гдѣ тѣ люди нынѣ, которые ихъ тому воровству учили и съ ними въ думѣ были. Да на которыхъ де они въ порчи учнутъ говорить, и тѣхъ людей велѣно сыскивати и роспрашивать подлинно, какими обычаи они тѣхъ воровъ учили и кого именемъ портили. Да будетъ по сыску и по роспросу, которые люди въ томъ вѣдовствѣ дойдутъ до вины, и тѣхъ людей потомужъ въ томъ воровствѣ и въ порчѣ велѣно пытать накрѣпко; и тѣхъ людей, которыхъ они портили потомужъ сыскавъ роспрашивать, какими обычаи ихъ тѣ воры портили. да, кто что въ томъ воровствѣ въ роспросѣ и съ пытки учнутъ говорить, и то велѣно написать подлинно, и, сыскавъ про то вѣдовство накрѣпко, о всемъ велѣно отписать къ намъ и роспросныя ихъ пыточныя рѣчи прислати къ Москвѣ. И нынѣшняго 138 года Октября въ 6 день писали къ намъ изъ Арзамаса князь Венедиктъ Оболенскій да подъячій Макаръ Чукаринъ, что по нашему указу велѣно имъ Печерскаго монастыря крестьянина де-

ревни Карташевы Өедьку Реброва сыскавъ и поставя съ очей на очи печорскаго жъ монастыря съ крестьяниномъ Максимкомъ Ивановымъ, который уморилъ Иванову жену Левашева, и съ мордвиномъ съ Веткаскомъ, и ихъ роспрашивать, и сыски всякими сыскивать, и пытать накрѣпко. И они писали къ вамъ, чтобы вы того крестьянина Өедьку Реброва прислали къ нимъ въ Арзамасъ для очныя ставки. И вы писали къ нимъ, что посылали вы въ Нижегородскій уѣздъ Печерского монастыря въ Ягодинскую волость, въ деревню Карташеву для того крестьянина Өедьки Реброва нижегородскаго пристава Янку Бажанова, и тотъ де приставъ пріѣхавъ сказалъ, что сказывалъ ему на дорогѣ того же монастыря крестьянинъ, что Өедька Ребровъ сидѣлъ въ селѣ Ягодномъ въ тюрьмѣ и изъ тюрьмы ушелъ; да и архимаритъ де Рафаилъ присылалъ къ нимъ служку Ваську Данилова, что у нихъ тотъ мужикъ Өедька Ребровъ съ тюрьмы ушелъ да Максимко жъ Ивановъ да мордвинъ Веткаско въ томъ вѣдовствѣ и въ порчѣ съ пытки говорили деревни Карташевы на крестьянина на Пятунку Константинова, прозвище на Попка, да на Андрюшку Гаврилова, да на тещу его на Маврутку, и потому жъ изъ Арзамаса приставъ Наумка Четвертаковъ привезъ Андрюшку Гаврилова съ тещею его съ Мавруткою, а про Пятунку Попкова сказалъ, что онъ изъ той деревни Карташи, ушелъ до его Наумкова пріѣзду за два дни, и имъ про то де вѣдовство сыскати не кѣмъ, а что мордвинъ Веткаско умеръ, а, на которыхъ они съ пытки говорили, и тѣ крестьяне Өедька Ребровъ и Пятунка Попковъ не сысканы. И писано отъ насъ ко князю Венедикту Оболенскому да къ Макару Чукарину, а велѣно имъ по прежнему нашему указу Өедьку Реброва и Пятунку Попкова сыскивать всякими сыски накрѣпко, а сыскавъ ихъ Өедьку и Пятунку и поставя съ очей на очи съ Максимкомъ Ивановымъ роспрашивати и сыски всякими сыскивати накрѣпко, по какому умышленью онъ Максимко Ивановъ Иванову жену Левашева уморилъ и товарищи его Өедька Ребровъ и Пятунка Попковъ, кого именемъ и какихъ людей, и сколь давно, и какимъ волшебствомъ, и по чьему наученью, или собою кого уморили, или испортили, и кто съ ними иныхъ товарищ. въ воровствѣ въ заговорѣ были. Да людей, которыхъ они портили потомужъ сыскивая роспрашивать, да кто что въ томъ вѣдовствѣ въ роспросѣ про нихъ въ сыску скажутъ, и о томъ о всемъ велѣно отписать, а роспросныя рѣчи прислати къ намъ къ Мо-

сквѣ. И нынѣ били намъ челомъ и отцу нашему великому государю святѣйшему патріарху Филарету Ничитичу московскому и всеа Русіи Печерскаго монастыря архимаритъ Рафаилъ съ братьею. Въ прошломъ де во 137 году ходилъ ихъ монастырскій крестьянинъ Ягодинскія волости деревни Карташихи Максимко Ивановъ для конскаго леченья и пришелъ въ Арзамаскій уѣздъ, въ Иваново помѣстье Левашева, а у Ивана де въ тѣ поры жена была больна, и велѣлъ де тому ихъ мужику Иванъ женѣ своей отъ немочи давать траву пить, и онъ де Максимко той женѣ его траву пить давалъ, и самъ онъ Иванъ тое траву для здоровья пилъ. И послѣ того Ивановѣ женѣ судомъ Божіимъ случилась смерть, а не отъ травы. И Иванъ Левашевъ того монастырскаго крестьянина поимавъ привелъ въ Арзамасъ. И въ Арзамасѣ де воевода князь Венедиктъ Оболенскій да подьячій Макаръ Чукаринъ по нашему указу того ихъ крестьянина пытали, и тотъ де Максимко, не стерпя пытки, поклепалъ деревни Ревезени мордвина Веткаска, да монастырскихъ крестьянъ деревни Карташихи Пятунку Попкова, да Андрюшку Гаврилова, да тещу его Маврутку, да Өедьку Реброва. И тотъ де Пятунка и Өедька Ребровъ, устрашася пытки, сбѣжали безвѣстно, а мордвинъ Веткаско съ пытки умеръ, а на себя и на монастырскихъ крестьянъ съ пытки не говорилъ. И Андрюшка Гавриловъ пытанъ же и на себя и на монастырскихъ крестьянъ не говорилъ же. И послѣ того Иванъ Левашевъ привел. . . въ Арзамасъ свою женку и та. . . . . . съ пытки винилась, что жену его Иванову испортила она, а не монастырскій крестьянинъ. И нынѣ де князь Венедиктъ Оболенскій да подьячій Макаръ Чукаринъ для своей корысти велятъ тѣмъ ихъ мужикамъ Максимку и Андрюшкѣ монастырскихъ крестьянъ клепати и намъ бы ихъ пожаловать велѣть тѣхъ ихъ крестьянъ Максимка и Андрюшку и съ тѣмъ дѣломъ къ сыску отослать въ Нижній къ вамъ. И мы Печерскаго монастыря архимарита Рафаила съ братьею пожаловали, велѣли то дѣло, и сыскъ, и тѣхъ людей, которые въ томъ дѣлѣ дошли до сыску, изъ Арзамаса къ сыску отослать къ вамъ въ Нижній. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а тѣхъ монастырскихъ крестьянъ Максимка Иванова и Андрюшку Гаврилова и тешу его Маврутку изъ Арзамаса къ вамъ въ Нижній пришлютъ, и вы бъ тѣхъ монастырскихъ крестьянъ Максимку Иванова, и Андрюшку Гаврилова, и тещу его Маврутку поставя съ очей на очи роспросили подлинно, да и сы-

скали всякими сыски накрѣпко Иванову жену Левашева уморилъ и испортилъ онъ Максимко, по какому умышленью, и товарищи его Ѳедька Ребровъ, и Пятунка Попковъ, и Андрюшка Гавриловъ, и теща его Андрюшкина Маврутка, кого имяны, и какихъ людей и сколь давно, и какимъ волшебствомъ, и почьему наученью, или собою кого уморили или испортили, и опричь ихъ иные у нихъ товарищи въ томъ воровствѣ съ ними въ заговорѣ были ль, и кто, какіе, и гдѣ тѣ люди нынѣ живутъ. Да и тѣхъ людей потомужъ сыскивая роспрашивали бъ есте подлинно, какими обычаи тѣ мужики ихъ и чѣмъ портили, да и тѣхъ бы есте мужиковъ Ѳедьку Реброва и Пятунку Попкова велѣли сыскивати. Да какъ ихъ сыщутъ, и ихъ потому жъ, ставя съ очей на очи, про то вѣдовство и про порчу роспрашивати, и сыскивати всякими сыски накрѣпко, а будетъ кто по сыску дойдетъ до пытки, и тѣхъ велѣли пытать какихъ людей, и чѣмъ портили, и сколь давно, и какимъ волшебствомъ, чтобъ одноличíо про то вѣдовство сыскать до пряма. Да кто что въ томъ вѣдовствѣ въ роспросѣ и что про нихъ въ сыску сыскные люди скажутъ, и вы бъ о томъ о всемъ отписали и сыски и роспросныя рѣчи прислали въ Арзамасъ ко князю Венедикту Оболенскому и къ Макару Чукарину. Писан. на Москвѣ лѣта 7138 марта въ 4 день. (Писано, а велѣно тѣхъ монастырскихъ крестьянъ Максимка Иванова и Андрюшку Гаврилова и тещу его Андрюшкину Маврутку отослать къ вамъ въ Нижній тотчасъ). Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича т. въ Арзамасъ стольнику нашему и воеводѣ князю Венедикту Оболенскому да подьячему Макару Чукарину. Писали есте къ намъ, что по нашему указу велѣно вамъ нижегородскаго уѣзда печерскаго монастыря крестьянъ Ѳедьку Реброва да Пятунку Попкова да Андрюшку Гаврилова и тещу его Андрюшкину Маврутку. . . . . и, поставя съ очей на очи, печерскаго жъ монастыря съ крестьяниномъ съ Максимкомъ Ивановымъ, что онъ Максимко сказывалъ на нихъ въ порчѣ Ивановы жены Левашева и въ вѣдовствѣ роспрашивать и сыски всякими сыскивать. Да будетъ кто дойдетъ до пытки, и тѣхъ людей велѣно пытать. И вы посылали по тѣхъ крестьянъ приставовъ, и приставы пріѣхавъ вамъ сказали, что Ѳедька Ребровъ сидѣлъ въ селѣ Ягодномъ въ тюрьмѣ, да изъ тюрьмы ушелъ, а Пятунка де Попковъ изъ деревни сбѣжал. безвѣстно, а привели къ вамъ въ Арзамасъ Андрюшку Гаврилова да тещу его Маврутку, и вамъ про ту

порчу и про вѣдомство сыскати некѣмъ. И нынѣ билъ челомъ намъ и отцу нашему т. печерскаго монастыря архимаритъ Рафаилъ съ братьею, чтобы намъ ихъ пожаловать, тѣхъ монастырскихъ крестьянъ Максимку Иванова и Андрюшку Гаврилова и тещу его Андрюшкину Маврутку, и съ тѣмъ дѣломъ къ сыску отослать въ Нижній и мы архимарита Рафаила съ братьею жаловали, велѣли то дѣло. и сыскъ, и тѣхъ людей, которые въ томъ дѣлѣ дошли до сыску, изъ Арзамаса къ сыску отослати въ Нижній. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы бъ то дѣло, что въ порчѣ Ивановой жены Левашева и сыскъ и тѣхъ монастырскихъ крестьянъ Максимка Иванова и Андрюшку Гаврилова и тещу его Андрушкину Маврутку, и будетъ которые иные люди въ томъ дѣлѣ объявились, всѣхъ къ сыску отослали въ Нижній къ воеводѣ нашему къ Ивану Траханіотову и къ дьяку Богданову Поздѣеву, а къ Ивану Траханіотову и къ дьяку Богдану Поздѣеву о томъ писано; да съ кѣмъ имянемъ то дѣло и тѣхъ монастырскихъ крестьянъ и котораго числа въ Нижній пошлете, и вы бъ о томъ къ намъ отписали Писанъ на Москвѣ лѣта 7138 марта въ 10 день.

5. Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи холопъ твой Лука . . . . . Плещеевъ челомъ бьетъ: по твоему государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу велѣно мнѣ, холопу твоему, быть на твоей государевѣ службѣ на Лебедянѣ, а велѣно мнѣ х. т. того беречь накрѣпко, чтобъ на Лебедяни, на посадѣ, и по слободамъ, и Лебедянскомъ уѣздѣ разбой, корчмы, и бледни, и иного никакого воровства и убойства не было. И въ нынѣшнемъ г. во 138 году объявилась на Лебедяни у стрѣлецкаго и у казачьяго головы у Васильѣ Павлова баба ворожейка татарка, по слободамъ г. по Стрѣлецкой и по казачьимъ ходечи, ворожитъ. И я х. т. безъ твоего государева указу тое Васильевой ворожейки въ слободахъ изымать не смѣю, и о томъ г. мнѣ х. т. какъ укажешь. (На оборотѣ:) Послать государева грамота, а велѣть тое бабу ворожейку изымать и роспрося подлинно, какою она ворожбою промышляетъ, и чѣмъ ворожитъ, и сколь давно, и кому что своею ворожбою сдѣлала, и у кого училась, и сыскать про то накрѣпко. Да будетъ по роспросу и по сыску дойдетъ до пытки, и ее пытать про все накрѣпко, да о томъ ко государю отписать а ее до указа велѣть держать приставомъ крѣпко въ цѣпи и въ желѣзахъ. (138 года іюня въ 20 день.) Отъ царя и великаго

князя Михаила Өедоровича всея Русіи на Лебедянь воеводѣ нашему Лукьяну Ивановичу Плещееву. Писалъ еси къ намъ, что объявилася на Лебедяни у стрѣлецкаго и у казачья головы баба татарка ворожейка и ворожитъ стрѣльцамъ и казакамъ многимъ людямъ, и ты тое бабы безъ нашего указу поимать не смѣешь, и намъ бы о томъ велѣть тебѣ указъ учинить. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ тое бабу ворожейку велѣлъ поимать, а поимавъ роспросилъ ее подлинно, и сыски всякими сыскалъ накрѣпко для чего, и какою она ворожбою промышляетъ, и чѣмъ ворожитъ, и кому что, и сколь давно своею ворожбою сдѣлала, и у кого она и сколь давно той ворожбѣ училась, и нынѣ портила ль она какихъ людей тою ворожбою. Да будетъ по роспросу и по сыску та баба дойдетъ до пытки, и ты бъ тое бабу пытать велѣлъ накрѣпко, какою она ворожбою промышляетъ, и чѣмъ ворожитъ, и кому что и сколь давно своею ворожбою сдѣлала, и не портила ль она какихъ людей, и кто ее той ворожбѣ училъ, и гдѣ тѣ люди нынѣ, у кого она училася. Да что та баба въ роспросѣ и съ пытки скажетъ, и о томъ о всемъ отписалъ къ намъ къ Москвѣ подлинно, а тое бабу ворожейку велѣлъ держать приставу въ цѣпи и въ желѣзахъ до нашего указу. (Такова грамота послана съ Лукьяновымъ человѣкомъ Плещеева съ Мирономъ Копыловымъ.) Государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи холопъ твой Лукашка Плещеевъ челомъ бьетъ. Нынѣшняго государь 138 года августа въ 22 день прислана на Лебедянь ко мнѣ х. т. твоя государева т. изъ Разряда за приписью дьяка Михаила Данилова, а въ твоей государевѣ грамотѣ написано: велѣно мнѣ х. т. бабу ворожею велѣть поимати и роспросить ее подлинно и сыски всякими сыскать накрѣпко, для чего, и какою она ворожбою промышляетъ, и чѣмъ ворожитъ, и кому что и сколь давно своею ворожбою сдѣлала, или кого она и сколь давно той ворожбѣ учила, и испортила ль она какихъ людей тою ворожбою. Да будетъ по роспросу и по сыску та баба дойдетъ до пытки, и мнѣ х. т. бабу и пытать велѣть накрѣпко, какою она ворожбою промышляетъ и чѣмъ ворожитъ, и кому что и сколь давно своею ворожбою сдѣлала, и не испортила ль она какихъ людей и кто ее той ворожбѣ училъ и гдѣ тѣ люди нынѣ, у кого училась. Да что баба въ роспросѣ и съ пытки скажетъ, и мнѣ х. т. велѣно о томъ о всемъ отписать къ тебѣ государю подлинно, а тое бабу ворожею отдать держати приставу до твоего государева

указу, а ее держать сковавъ крѣпко въ чепи и въ желѣзахъ. И по твоей государевой грамотѣ я х. т. для тое бабы ворожеи посылалъ и велѣлъ ее поимати у стрѣлецкаго брата Ромашка Болдыря, и тое де г. бабы ворожеи у стрѣлецкаго брата у Ромашка Болдыря нѣтъ. И я х. т. велѣлъ того стрѣлецкаго брата Ромашка Болдыря поставить въ съѣзжей избѣ передъ собою х. т. и велѣлъ Ромашку роспросить. И въ роспросѣ мнѣ х. т. тотъ Ромашка сказалъ: нынѣшняго жъ де государь 138 года передъ десятою пятницею баба де татарка ворожейка была на дворѣ у него Ромашка, а ночевала де у него ночь, а пришла де къ нему въ обѣдъ отъ стрѣльца отъ Назара Мотюнина, и у него де Ромашка та баба ворожила, а онъ де Ромашка у ней толмачилъ, а та баба ворожейка стрѣлецкаго и казачьяго головы Василья Павлова, а ворожила де та баба смотрѣла на рукахъ и щупала на нутрю. И бывъ де у него баба пошла опять на подвор. . . . къ головѣ къ Василью Павлову. А иной де ворожбы онъ за нею не вѣдаетъ, окромя того что она ворожила стрѣльцу Назару Мотюнину и лечила ему глаза. А лечила де ему глаза выневъ печень изъ овцы. И я, холопъ твой, велѣлъ поставить въ съѣзжей избѣ стрѣльца Назара Мотюнина и велѣлъ его роспросить. И въ роспросѣ мнѣ, холопу твоему, стрѣлецъ Назаръ Мотюнинъ сказалъ: нынѣшняго жъ де государь 138 года передъ десятою пятницею баба де ворожейка была у меня Назара и лечила глаза, наговаривала воду, и сыпала де проса въ воду, и меня Назара тою водою умывала, да мнѣ жъ де Назару пускала въ глаза женское молоко, а имала де женское молоко у стрѣлецкой жены Сазона Волкова. И я х. т. послалъ къ головѣ къ Василью Павлову и велѣлъ ему Василью для той бабы ворожейки быть съѣзжую избу, чтобъ онъ Василій поставилъ тое бабу, въ съѣзжей избѣ и голова Василій Павловъ, пришедъ въ съѣзжую избу, сказалъ мнѣ, холопу твоему: баба де татарка одна Салтанъ есть у меня, а поставлю де ее на Москвѣ, гдѣ ты, государь, укажешь, а дѣлаетъ де она у меня портное, а не ворожейка. И я, х. т. тое бабу ворожею сыскивалъ и сыскъ за сыскныхъ людей и за отновъ ихъ духовныхъ руками послалъ къ тебѣ г. къ Москвѣ съ сею отпискою вмѣстѣ. (На оборотѣ:) выписать тотчасъ изъ роспросныхъ ихъ рѣчей. (139 года Сентября въ 10 день), 138 года августа въ 24 день ставъ въ съѣзжей избѣ стрѣлецкій братъ Ромашка стрѣльца Ивашка Өедосова братъ сказалъ нынѣшняго 138 года передъ десятою пятницею баба татарка во-

рожейка была у меня, ночевала де у меня ночь, а пришла ко мнѣ въ обѣдъ отъ стрѣльца отъ Назара . . . . . нина, а та де баба ворожейка стрѣлецкаго и казачьяго головы Василія Павлова, а жила де она баба Елецкаго уѣзда села Сланова . . . . а ворожила де та баба о сынѣ, что сынъ у нихъ пошелъ на Донъ, а ворожила де та татарка на рукахъ и на нутрю щупала, а толмачилъ де я. И бывъ она у меня пошла опять на подворье къ головѣ къ Василью Павлову. А иной де ворожбы я не вѣдаю окромѣ того, что она ворожила Назара Мотюнина и лечила ему глаза. А лечила де ему глаза выневъ печень изъ овцы, а лечила де (роспал.) о той порѣ о десятой пятницѣ послѣ какъ была у меня. Къ симъ роспроснымъ рѣчамъ Егорьевскій попъ Григорій въ прихожанина своего Романово мѣсто руку приложилъ.

138 года августа въ 26 день ставъ въ съѣзжей избѣ Назаръ Мотюнинъ въ роспросѣ сказалъ: нынѣшняго жъ де 138 года нередъ десятою пятницею баба татарка ворожейка была у меня, а та де баба татарка стрѣлецкаго и казачья головы Василья Павлова, а пришла де та баба отъ стрѣлецкаго брата отъ Ромашка Болдыря, а ворожила де меня и лечила глаза, наговаривала воду, и сыпала проса, и меня умывала тою водою, да мнѣ жъ де пускала въ глаза женское молоко, а имала де женское молоко у стрѣлецкой жены Сазона Волкова, а прихаживали де къ ней ворожиться ко мнѣ на дворъ стрѣлецкія жены тое жъ слободы и она де ворожила, щупала на нутрю, и на рукахъ смотрѣла у нихъ, а помочи де глазамъ не сдѣлала нисколько. А кому де стрѣлецкимъ женамъ ворожила, и того де я не вѣдаю, и какъ зовутъ, потому что я въ поры лежалъ, а приходила де она ко мнѣ ворожить отъ стрѣлецкаго и казачья головы отъ Василья Павлова и была у меня день до вечера, а отъ меня пошла опять къ Василью на дворъ. Къ симъ роспроснымъ рѣчамъ Егорьевскій попъ Григорій въ прихожанина своего сына духовного въ Назарово мѣсто Мотюнина руку приложилъ. Того же числа ставъ стрѣлецъ Сазонъ Волковъ сказалъ: приходила де въ стрѣльца Назара Мотюнина жена къ его Сазоновой женѣ и просила де молока изъ грудей, и жена де моя пришедъ къ нему Назару са. . . . молоко ему Назару въ глаза пущала. Къ симъ роспроснымъ рѣчамъ Егорьевскій попъ Григорій въ сына своего духовнаго въ Сазоново мѣсто Волкова руку приложилъ. 138 года августа въ 27 день пришелъ въ городъ въ съѣзжую избу лебедянскій стрѣлецкій и казачій голова Василій Павловъ и сказалъ: баба татарка одна Салтанка есть у меня, а поставлю де ее на Москвѣ, гдѣ государь велитъ, а дѣлаетъ де она у меня портное, а не ворожейка. 138 года августа въ 24 день дѣти боярскіе роткины помѣщики Богданъ Овсянниковъ сказалъ: ѣхалъ де я по Стрѣлецкой слободѣ (роспал.) и видѣлъ де у стрѣлецкаго брата у Ромашка Болдыря бабу ворожейку татарку, а ворожила она многимъ людямъ. И я де спросилъ женщинъ, которыя у ней ворожились, чѣмъ она ворожитъ, и они мнѣ сказали, что ворожитъ смотритъ на руки и на нутрю щупаетъ. И я де хотѣлъ пойти къ ней поворожиться, ино де людей много, и та баба ворожейка стрѣлецкаго и казачья головы Василья Павлова, а иной де ворожбы я не вѣдаю и ни отъ кого не слыхалъ ничего.

Никита Аѳанасьевъ сказалъ: шелъ де я изъ гор. . . . тою же стрѣлецкою слободою и видѣлъ де у него жъ Ромашка Болдыря на дворѣ многія ворожатся у бабы у татарки, а та де баба ворожейка стрѣлецкаго и казачья головы Василь Павлова, а сказывали де мнѣ женщины, которыя у ней ворожились, ворожитъ, смотритъ на рукахъ и на нутрю щупаетъ, а иной де ворожбы я за нею не вѣдаю. . . . . хомъ ни отъ кого ничего не слыхалъ. Дементій Ивановъ сказалъ: былъ де я у стрѣльца у Игната Жихарева и слышалъ де отъ Игнатьевой жены, что баба татарка ворожейка у стрѣлецкаго брата у Ромашка Болдыря, а взялась де у ней лечить сына въ ноги де волосатъ, а та де баба стрѣлецкаго и казачья головы Василья Павлова и многіе де люди у ней ворожатся, а больше де я того ничего не слыхалъ. Аѳанасій Овсянниковъ сказалъ: ѣхалъ де я стрѣлецкою слободою и видѣлъ я у стрѣлецкаго брата у Ромашка Болдыря бабу татарку ворожейку и я де у ней ворожился, а ворожила де она смотрѣла у меня на рукахъ, а про иное де знатье я у ней не вѣдаю ничего, а та де баба Стрѣлецкаго и казачьяго головы Василья Павлова, а толмачила де ей Ромашкина жена Болдырева. Потапъ Медвѣдевъ сказалъ: ѣхалъ де я вмѣстѣ съ Аѳанасьемъ Овсянниковымъ и Аѳанасій де Овсянниковъ у ней бабы, татарки ворожейки, ворожился и я де видѣлъ, ворожила де ему Аѳанасью на рукахъ смотрѣла и ворожила лукомъ, а та де баба стрѣлецкаго и казачьяго головы Василья Павлова, и самъ де я у ней не ворожился и ворожбы де ея иной за нею не вѣдаю. Къ сей сказкѣ Никольскій попъ Лаврентій въ прихожанъ своихъ мѣсто руку приложилъ. 138 года августа въ 27 день лебедянскій стрѣлецкій пятидесятникъ Степанъ Остафьевъ сказалъ: бабы де татар-

ки ворожейки не вѣдаю и я у ней не ворожился и жена де моя не ворожилась, а былъ де я на Москвѣ и слухомъ дея ни отъ кого про тое бабу не слыхалъ. Стрѣлецкій десятникъ Абакумъ Токаревъ сказывалъ: въ Стрѣлецкой де я своей слободы бабы ворожейки не видалъ, и ворожбы де я никакой ни отъ кого про нее не слыхалъ, и самъ де я и жена моя у бабы не воražивались. Стрѣлецкій же десятникъ Василій Деминск . . . сказатъ: слышалъ де я отъ Назара Мотюнина, говорилъ де Назаръ „пойтить де была къ татаркѣ по бы . . . . , къ головѣ къ Василью Павловичу полечить глаза, де у меня болятъ.» Алексѣй Толмачевъ сказалъ: слышалъ де я отъ женщинъ, что была де баба татарка у Назара Мотюнина, головы Василья Павлова, и сид . , . . , у него, а того де я не вѣдаю, ворожила она какою ворожбою или на рукахъ смотрѣла. Стрѣлецкій десятникъ Агѣй Подольный сказалъ: въ рожей де я той бабы не видалъ, а слышалъ де отъ Назара Мотюнина, что ему глаза лечила, а самъ де я у ней не ворожился. Пятидесятникъ Стрѣлецкій Иванъ Мертиловъ сказалъ: слухомъ де я слышалъ, что баба татарка была у стрѣльца у Назара Мотюнина, глаза лечила ему, а чѣмъ де лечила того не вѣдаю. Стрѣлецкій десятникъ Трофимъ Меменовъ да стрѣлецкій десятникъ Пименъ Ивановъ сказали: слухомъ де слышали, что баба татарка была у стрѣльца Назара Мотюнина, глаза лечила ему, а чѣмъ лечила того де мы не вѣдаемъ. Стрѣлецъ Володиміръ Кепоновъ сказалъ: въ слободѣ де я стрѣлницкой ворожейки не видалъ, только де я слышалъ отъ головиной татарки «лечила де я глаза стрѣльцу Назару Натюнину и онъ де мнѣ не далъ ничего моргону,» а чемъ де ему глаза лечила, того де я не вѣдаю. Стрѣлецъ Милованъ Алистратовъ сказалъ: была де у меня баба татарка ворожейка на дворѣ, головы Василья Павлова, а оглядала де женѣ моей глаза и сказала де женѣ моей: глаза де твои испортилися, пособить де нельзя. Стрѣлецъ Дронъ Молокоѣдовъ сказалъ: видѣлъ де бабу татарку въ Стрѣлецкой слободѣ у Ромашки Болдыря, а того де не вѣдаю, что она дѣлала, а та де баба татарка головы Василья Павлова, Милованъ сказалъ и руку приложилъ. Къ симъ роспроснымъ рѣчамъ Егорьевскій попъ Григорій въ прихожанъ своихъ дѣтей духовныхъ мѣсто руку приложилъ. 138 года августа 27 день покровской казачей слободы пятидесятникъ Матвѣй Осиповъ сказалъ: былъ де я у головы Василья Павлова и пришелъ де къ Василью на дворъ

стрѣлецъ Назаръ Мотюнинъ и (росп.) говорить о той татаркѣ, ворожила де глаза и узяла де у него алтынъ денегъ и положа де у него на рукѣ и подержавъ де да . . . . . . привязала на лбу надъ глазы, и велѣла отслужить ему молебенъ Николѣ. Софонъ Харинъ тое жъ покровской слободы сказалъ: самъ де не вораживался и у ней никого не видалъ, а только де испышалъ, что голова Василій Павловъ купилъ ворожею татарку бабу. Тое жъ покровской слободы казачій десятникъ Созонъ Молотовъ сказалъ: былъ де у головы у Василья Павлова и видѣлъ де я какъ баба ворожитъ на рукахъ лебедянскому кобацкому откупщику Ивану Е—ну у него Василья на дворѣ, а Василій де стоитъ тутъ же и поглядавъ де на рукахъ сказала Ивану Ершину «богато де живешь.» Покровской же слободы казачій десятникъ Василій Сусоевъ сказалъ: слышалъ де я отъ многихъ людей, что голова Василій Павловъ купилъ бабу татарку ворожею, а самъ де у ней не вораживался. Покровской же слободы казачій пятидесятникъ Миронъ Васильевъ сказалъ: бабу де я (распалось) Васильеву ворожейку неслыхалъ и невидаю. Десятникъ Покровской свободы Марка Григ. сказалъ: слышалъ де я, что голова Павловъ купилъ бабу ворожейку Т . . . . . . ку, а самъ де у нея не ворожился Десятникъ же покровской слободы Марковъ сказалъ; купилъ де Василій бабу татарку, а ворожитъ ли или того не вѣдаю. Десятникъ же покровской слободы Ост . . . . . Олтуховъ сказалъ; то де я вѣдаю, что Василій Павловъ купилъ татарку а того де я не вѣдаю какъ баба ворожитъ. Покровской же слободы десятникъ стрѣл . . . рѣевъ сказалъ: въ слободахъ де я ни въ которой бабы татарки ворожейки не видалъ, а видѣлъ бабу татарку на дворѣ у головы Василья Павлова, да какою де ворожбою ворожитъ, того не вѣдаю. 138 года августа въ 29 день ставъ въ съѣзжей избѣ казачій Олховской слободы пятидесятникъ казачій Исай Мельновъ сказалъ: бабы татарки я нигдѣ не вѣдаю, а видѣлъ де бабу татарку у головы Василья Павлова, шьетъ де портное и на рукахъ де она у меня смотрѣла, а сказала де мнѣ, что противъ т . . . . . въ наѣздѣ быть де тебя убиту, а противъ де Литвы поѣдь не бойсь, не будешъ убитъ, и я де плюнулъ, а какъ де она смотрѣла на рукахъ и Василій де Павловъ былъ тутъ же въ горницѣ. Къ силѣ роспроснымъ рѣчамъ Богоявленскій попъ Иванъ въ прихожанина своего мѣсто пятидесятника Исая Мельнова Олховской слободы руку при-

ложилъ. 138 года августа въ 31 день Олховской слободы казакъ Севастьянъ Колыхаловъ сказалъ: бабы де я татарки ворожейки нигдѣ въ слободахъ не видалъ, а видѣлъ де я бабу татарку уголовы у Василья Павлова, а ворожитъ ли та баба или не ворожитъ, того я не вѣдаю, и слухомъ де я ни отъ кого не слыхалъ. Тое жъ Олховской слободы козакъ Трофимъ .... сказалъ бабы де я ворожейки татарки по слободамъ нигдѣ не видалъ, а видѣлъ де бабу татарку у головы у Василья Павлова, и та де баба мнѣ ворожила, де у меня смотрѣла на рукахъ. Тое жъ Ольховской свободы казакъ Василій ... сказалъ: бабы де я татарки ворожейки по слободамъ нигдѣ не видалъ а то де я вѣдаю что голова Василій Павловъ купилъ бабу, а ворожитъ ли или не ворожитъ того де я не вѣдаю. Къ симъ роспроснымъ рѣчамъ Богоявленскій попъ Иванъ въ прихожанъ своихъ мѣсто Ольховской слободы казаковъ руку приложилъ 138 года августа въ 31 день пушкарь Самойло .... кофьевъ сказалъ: былъ де я у головы у Василья Павлова и у бабы де я у татарки его ворожился, а ворожила де она смотря у меня на рукахъ, а ворожился де я въ хоромахъ у него Василья и семья де его Васильева въ хоромы пришла и закричали де на на насъ у .... тя де вонъ, какая издѣ ворожба и я де вышелъ вонъ. Къ сей сказкѣ Пречистенскій попъ Иванъ въ прихожанина своего лебедянскаго пушкаря Самойлово мѣсто руку приложилъ. Никольскія слободы соборныя церкви бобыль Кирило портной мастеръ сказалъ: былъ де Дономъ на стругу въ Воронежѣ (стерт.) Венедиктовъ, а у него де была баба татарка, и та де баба татарка внце слобвдкѣ на берегу и на стругу ворожила многимъ людямъ мужчинамъ и женщинамъ, а смотрѣла де на рукахъ, а иной де ворожбы не видалъ, а самъ де у ней и жена моя не воражилась, а купилъ де тое бабу татарку ворожейку голова Василій Павловъ и нынѣ у него. Тое жъ Никольской слободки бобыль Осипъ Медвѣдь сказалъ: слышалъ де я на базарѣ люди переговаваютъ, что голова Василій Павловъ купилъ бабу татарку ворожейку, а того де я нее вѣдаю, въ кого купилъ. Къ симъ роспроснымъ рѣчамъ Егорьевскій попъ Григорій въ Никольской рабочной слободки бобылей мѣсто руку приложилъ. Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всей Русіи холопъ свой Лукашка Плещеевъ челомъ бьетъ: по твоему государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу велѣно мнѣ, холопу твоему, быть на твоей государевѣ службѣ на Лебедяни, и велѣно мнѣ, холопу твоему, того беречь на крѣпко, чтобъ на Лебедяни на посадахъ и пexecлободамъ и въ Лебедянскомъ уѣздѣ татьбы, и разбою, и корчмы, и бледни, и иного какого воровства, и убойства не было.. И въ нынѣшнемъ, государь. во 138 году объявилась у головы стрѣлецкаго у Василья Павлова баба ворожейка татарка, и по слободамъ ходечи стрѣлецкимъ и казачьимъ ворожитъ, и я холопъ твой безъ твоего государева указу, той его Васильевой ворожейки въ слободахъ изымать не смѣю и о томъ, государь, мнѣ х. с. какъ укажешь. (На обор.:) 138 года іюля въ 17 день.

6. Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу все Русіи холопъ твой Бориска Колтовскій челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ государь, во 144 году Іюня въ 5-й день писалъ я, холопъ твой, къ тебѣ в. г. со орляниномъ съ Васильемъ Тилининымъ, что въ нынѣшнимъ во 144 году Мая въ 31-й день билъ челомъ тебѣ т. а мнѣ х. т. въ съѣзжей избѣ подалъ извѣтную челобитную орловскій кабацкій откупщикъ москвитинъ гончарной слободы тяглецъ Сенька Ивановъ на товарища своего на кабацкаго жъ откупщика на Петрушку Митрофанова. А въ челобитной его написано: Привезъ де тотъ Петрушка съ поля коренье, невѣдомо какое, а сказалъ де тотъ Петрушка, отъ того де коренья будетъ у меня много пьяныхъ людей. И о томъ кореньѣ мнѣ х. т. твой государевъ Іюля по 3-е число не бывалъ. Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи х. т. Бориска Колтовскій челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 144 году Іюня въ 3-й день писалъ я х. т. къ тебѣ г. съ орлялининымъ съ Васильемъ Тилининымъ, а въ другіе писалъ съ Анфимомъ Некрасовымъ Мая въ 31-й день, билъ челомъ тебѣ, государю т., а мнѣ х. т. въ съѣзжей избѣ подалъ извѣтную челобитную Орловскій Кабацкій откупщикъ москвитинъ гончарной слободы тяглецъ на товарища своего на кабацкаго жъ откупщика на Петрушку Митрофанова, а въ челобитной его написано: привезъ де тотъ Петрушка съ поля коренье, невѣдомо какое, а сказаль де тотъ Петрушка, что съ того де коренья будетъ у меня много пьяныхъ людей. И то коренье принесено въ съѣзжую избу, а кабацкій откупщикъ Петрушка Митрофановъ посаженъ въ тюрьму до твоего государева указу. И о томъ государь мнѣ, холопу твоему твой государевъ указъ Іюля по 25-е число не бывалъ.

. Государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи холопъ твой Өедька Жеребцовъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнимъ, государь, во 145 году Апрѣля въ 19-й день билъ челомъ тебѣ т. словесно Алексѣй Каковинскій, а ко мнѣ х. т. привелъ въ съѣзжую избу человѣка своего Сидорка Савинова да жену его Афроську, а сказалъ, что тотъ человѣкъ его Алексѣя и жену его и людей женку Досадку да женку Татьянку вѣдовствомъ своимъ испортилъ, и чтобъ мнѣ х. т. того человѣка распросить и, распрося твой государевъ указъ учинить. И я х. т. того человѣка и жену его про вѣдовство распрашивалъ, а пытать его въ томъ дѣлѣ безъ твоего государева указу не смѣю. И я х. т. распрося того Алексѣева человѣка и жену его далъ за приставовъ до твоего государева указу. А что мнѣ х. т. въ распросѣ сказали, и я х. т. тѣ распросныя рѣчи слово въ слово подъ сею отпискою послалъ къ тебѣ Г. къ Москвѣ, а отписку Г. и распросныя рѣчи велѣлъ подать въ Разрядѣ твоимъ государевымъ дьякамъ думному Ивану Гавреневу да Григорью Ларіонову. И о томъ г., мнѣ х. т., что ты г., укажешь.

(На оборотѣ:) 145 года Государь сію отписку слышалъ и приказалъ боярину князю Дмитрію Михаиловичу Пожарскому про то провѣдать подлинно.

(Въ этомъ мѣстѣ столбецъ распадается и прочесть ничего нельзя Н. Н.).

Того же числа стольникъ и воевода Өедоръ Ивановичъ Жеребцовъ того человѣка допрашивалъ, изъ какихъ онъ людей и кто его отецъ духовный. И тотъ приводный человѣкъ въ роспросѣ сказалъ: зовутъ де его Сидорко Савиновъ сынъ, а жилъ де за Алексѣемъ въ бобыляхъ и отъ бѣдности де своей билъ челомъ вод. Алексѣю Каковинскому. И стольникъ и воевода Өедоръ Ивановичъ Жеребцовъ того приводнаго человѣка распрашивалъ: Алексѣя Каковинскаго, и жену его, и людей женку Досадку, и женку Татьянку какъ портилъ, коренье подносилъ, или въ питьѣ далъ пить или въ яствѣ, и какимъ де вѣдовствомъ портилъ. И Сидорка въ роспросѣ сказалъ: въ нынѣшнемъ де во 145 году передъ святою недѣлью пропалъ де у него рубль и невѣрка де ему была того жъ двора на женку Досадку. И онъ де ее испортилъ, напустилъ на нее немочь и отходилъ. А больше де онъ никого не порчивалъ. А училъ его вѣдовству тесть его вотчины князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго Суздальскаго уѣзда села Мыта крестьянинъ Антонъ.

И то де онъ ту женку Досадку испортилъ впервые. А у него есть въ селѣ Палехѣ спасскій попъ Антонъ Романовъ, а поновлялъ древо при смерти, и того де вѣдовства въ тое пору не зналъ. Билъ челомъ словесно Алексѣй Каковинскій стольнику и воеводѣ Өедору Ивановичу Жеребцову, чтобъ его Сидоркову жену распросить про тое порчу и распрося тое женки рѣчи записать. И стольникъ и воевода Өедоръ Ивановичъ женку распрашивалъ, какъ и зовутъ, жена ли ему, и у кого мужъ ея жилъ во крестьянахъ. И приводная женка сказала: зовутъ де ее Афроськой—(дальше разорвано) что женка Досадка ей сказывала, что испорчена. А то де мужъ ея Сидорка порчу женки Досадки и женки Татьянки отхаживалъ, наговаривалъ де на питье. А отецъ де ее Антошка мужа ея вѣдовству училъ или нѣтъ, того она не вѣдаетъ; или кого портилъ или нѣтъ, того она не вѣдаетъ же. А у отца де у ея у Антошка отецъ духовный есть боярина князя Дмитрія Михаиловича Пожарскаго въ вотчинѣ въ Суздальскому уѣздѣ въ селѣ Мытѣ попъ Иванъ Савиновъ.

8. Государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи холопъ твой Назарко Колтовскій челомъ бьетъ. По твоему государеву (т.) указу велѣно быть въ твоемъ государевѣ въ новомъ Ефремовѣ городѣ, у твоего государева богомолья, у соборныя церкви Троицы Живоначальныя и у великаго христ. мученика Георгія попу Афанасью, и тотъ попъ Афанасій живетъ не по закону; попадью свою билъ и мучилъ разными мытарствы, и попадья г. отъ его Афанасьева бою кинулась въ воду. А прежъ г. попадья его бѣгала на Елецъ, и то перво г. топилась. А у твоего государева богомолья у Троицы Живоначальныя и у великаго христ. мученика Георгія службы нѣтъ. А на насадѣ г. въ старой слободѣ церковь великой христов. мученицы Параскевы, и та отъ города далече, а въ новой г. слободѣ и въ Пушкарской церкви нѣтъ и прибѣгаютъ г. и стрѣльцы, и козаки, и пушкари въ соборную церковь Троицы Живоначальныя, и многіе г. прихожане безъ даровъ и безъ причастія умираютъ: причастить некому. А пріѣзжаютъ г. изъ разныхъ городовъ священники и бьютъ челомъ тебѣ государю (т.), чтобъ ты г. ихъ пожаловалъ, велѣлъ имъ быть у своего государева богомолья у Троицы Живоначальныя. И я х. т. безъ твоего государева указу принять не смѣю. И о томъ, государь, мнѣ х. т., какъ укажешь. (На оборотѣ:) Государь указалъ попа

править добрѣ и о томъ отписать въ Новосиль къ воеводѣ Шеховскому.

Государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи февраля въ 1-й день. Государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи холопъ твой Назарко Колтовскій челомъ бьетъ. По твоему государеву (т.) указу велѣно быть въ Ефремовѣ у твоего государева богомолья, у соборный церкви Троицы Живоначальныя попу Афанасью, и тотъ г. попъ Афанасій живетъ не по закону: попадью свою измучилъ и всякими разными путки путалъ и тайныя уды у нея выжегъ. И отъ той г. муки попадья его отъ него многажды бѣгала: и на Елецъ бѣгала, и отъ его г. путки попадья его Афанасьева въ воду кинулась. И нынѣ Г. у твоего государева богомолья у Троицы Живоначальныя службы нѣтъ. Да тотъ же Г. попъ Афанасій похваляется на меня, холопа твоего, всякими порчи: испортилъ де я Якова Хрущова, а и тебѣ де тоже будетъ. А прежъ сего Г. тотъ попъ Афанасій стрѣлецкаго голову Ивана Кондакова портилъ, и отъ того голова Иванъ Кондаковъ лежалъ. Да тотъ же Г. попъ Афанасій у женки моей съ головы сорвалъ шапку и простоволосу на улицѣ поставилъ, и тѣмъ женку мою онъ позорилъ, а меня Г. лаялъ всякою позорною лаею. И про то Г. его Афанасьево безчинство извѣстно всему городу. И о томъ Г. мнѣ х. т., какъ укажешь.

(На оборотѣ:) Государь указалъ ѣхать въ Ефремовъ воеводѣ Шеховскому и править попа буде онъ виноватъ.

Государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи 148 года Генваря въ 11-й день подалъ казакъ Ивашко Лукояновъ.

Отъ царя и великаго князя Михаила Өедоровича всеа Русіи въ Новосиль воеводѣ нашему князю Григорью Андреевичу Шеховскому. Писалъ къ намъ изъ Ефремова Назарій Колтовскій: былъ въ Ефремовѣ у соборныя церкви попъ Афанасій и тотъ попъ попадью свою билъ и мучилъ разными муками, и попадья его не перетерпя муки въ воду утопилась. Да и тотъ же де попъ Афанасій похваляется на него Назарья всякою порчею и говоритъ, что онъ испортилъ Якова Хрущева да онъ же де портилъ стрѣлецкаго голову Ивана Кондакова, и его Назарья лаетъ и позоритъ всякою позорною лаею, да съ его Назарьевы женки на улицѣ сорвалъ шапку и учинилъ простоволосу. И про то де его воровство вѣдомо всему городу и всякимъ людямъ.

И по нашему указу противъ Назарьевы отписки Колтовскаго про попово про Афанасьево воровство велѣно въ Ефремовѣ сыскать тебѣ и, какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ ѣхалъ въ Ефремово, а пріѣхавъ въ Ефремово, попа Афанасья велѣлъ дать держать приставу сыскать доподлинно поп. и дьяк. по священству и дѣтьми боярскими, и стрѣльцы, и козаки, и всякими служилыми и жилецкими людьми по нашему крестному цѣлованью, ефремовскій попъ Афанасій попадью свою билъ ли и мучилъ, и за что ее билъ и мучилъ, и попадья его не перетерпя муки въ воду утопилась, и Назарья Колтовскаго попъ лаялъ ли, и съ Назарьевы женки на улицѣ съ головы шапку сорвалъ ли, и простоволосу учинилъ ли, и похвалялся ли, что онъ испортилъ Якова Хрущова, и испортитъ Назарья Колтовскаго, и голову стрѣлецкаго и козачьяго Ивана Кондакова что портилъ похвалялся ли. И кто что про то про все въ сыску скажетъ, и ты бъ тѣхъ людей имяна и рѣчи велѣлъ написать на списокъ и велѣлъ къ обыскному списку имъ руки приложить, а которые обыскные люди грамотѣ неумѣютъ, и ты бъ въ тѣхъ людей мѣсто велѣлъ отдать ихъ духовнымъ руки приложить. А будетъ обыскные люди скажутъ противъ Назарьева письма Колтовскаго, а Афанасій про то воровство учнетъ запираться, и ты бъ его велѣлъ пытать, за что онъ попадью свою билъ и мучилъ, и какими обычаи попадья его утопилась, и Якова Хрущова какою порчею и за что испортилъ, и для чего онъ Назарья Колтовскаго портить хотѣлъ, и голову казачьяго Ивана Кондакова портилъ. А что попъ Афонька съ пытки скажетъ, и ты бъ о томъ къ намъ отписалъ, и о сыску своемъ списокъ за обыскныхъ людей руками прислалъ, и ѣхалъ бы еси въ Новосиль, и былъ въ Новосилѣ по прежнему нашему указу; а попа Афоньку посадилъ въ Ефремовѣ въ тюрьму до нашего указу, и велѣлъ его беречи накрѣпко, чтобы онъ изъ тюрьмы не ушелъ. А покамѣста для сыскного дѣла въ Ефремовѣ будешь, и ты бъ въ Новосилѣ приказалъ городъ и нарядъ и всякіе наши дѣла стрѣлецкому и казачьему головѣ Дмитрію Мосолову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7148 февраля въ 11-й день.

Государю царю и великому князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи холопъ твой Гришка Шеховской челомъ бьетъ. Нынѣшняго 148 года Марта въ 12-й день привезъ твою государеву т. грамоту изъ Разряда въ Новосиль сынъ боярскій Яковъ Шипиловъ, а по твоей грамотѣ велѣно мнѣ х. т. ѣхать на Ефремовъ,

а пріѣхавъ на Ефремовъ велѣно Г. мнѣ х. т. попа Афанасья дать за пристава, и велѣно про его попово Афанасьево воровство всякимъ сыскнымъ людямъ сказать накрѣпко, и его попа Афоньку въ его воровствѣ пытать, чѣмъ онъ испортилъ Якова Хрущова; а покамѣста я х. т. въ Ефремовѣ буду и мнѣ Г. х. т. велѣно въ Новосили приказать городъ и нарядъ и всякіе твои государевы дѣла стрѣлецкому и казачьему головѣ Дмитрію Мосолову. И въ нынѣшнемъ Г. во 148 году по твоей государевѣ грамотѣ изъ Стрѣлецкаго Приказа отпущенъ Дмитрій Мосоловъ къ Москвѣ, и мнѣ х. т. ѣхать въ Ефремовъ некогда и приказать городъ и нарядъ и всякіе твои государевы дѣла безъ твоего государева указу не смѣю. И о томъ государь мнѣ х. т. какъ укажешь—кому приказать городъ и нарядъ.

Государю царю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи х. т. Назарко Колтовскій челомъ бьетъ по твоему т. указу велѣно Г. быть въ твоемъ государевѣ новомъ Ефремовѣ городѣ у твоего государева богомолья соборныя церкви Троицы Живоначальныя и у великаго Христова мученика Георгія попу Афанасью. И тотъ попъ Афанасій живетъ не по закону: попадью свою билъ и мучилъ всякими путки, и отъ его Г. бою попадья его Ѵфанасьева въ воду утопилась. И теперь Г. у твоего государева богомолья у соборныя церкви Живоначальныя троицы и у великаго Христ. мученика Георгія службы нѣтъ: попъ Афанасій не служитъ и по праздникамъ поповъ не наймаетъ служить. И я, х. т. на праздникъ на Богоявленьевъ день велѣлъ служить обѣдню покровскому попу Козьмѣ, и тотъ Г. попъ Козьма на попа Афанасья извѣтку далъ, что у него попа Афонасья въ церкви святыня не потреблена, а извѣтку Г. далъ мнѣ х. т. попъ Козьма при стрѣлецкомъ головѣ при Иванѣ Кондаковѣ, да при отставленномъ игуменѣ Митрофанѣ, и при старостѣ поповскомъ пятницкомъ попѣ Мартынѣ. И тотъ Г. попъ Афанасій поѣхалъ къ Москвѣ, а святыню Г. попъ Афанасій вливалъ въ воду въ святую.

Въ нынѣшнемъ во 148 году февраля въ 1-й день писалъ къ государю т. изъ Ефремова Назарій Колтовскій, а во отпискѣ его написано: устроена де въ Ефремовѣ соборная церковь Живоначальныя Троицы да предѣлы великаго Христова мученика Георгія, а у той церкви попъ Афанасій. И тотъ попъ попадью свою билъ и мучилъ разными муками и попадья его не перетерпя муки въ воду утопилась. Да тотъ же де попъ похвалялся

на него Назарья всякою порчею, а говоритъ, что онъ испортитъ Якова Хрущова, да онъ же де портилъ голову Ивана Кондакова, и его Назарья лаетъ и позоритъ всякою позорною лаею, да съ его Назарьевы женки на улицѣ сорвалъ шапку и пустилъ простоволосу. И про то де его воровство вѣдомо всему городу всякимъ людямъ. И февраля въ 11-й день послана государева грамота въ Новосиль къ воеводѣ ко князю Григорью Шеховскому, а велѣно ему ѣхать въ Ефремовъ, а пріѣхавъ въ Ефремово велѣно попа Афоньку отдать держать приставу и обыскать въ Ефремовѣ попы и дьяконы по священству; а дѣтьми боярскими, и стрѣльцы, и казаки и всякими служилыми и жилецкими людьми по государеву т. крестному цѣлованью, ефремовскій попъ Афонька попадью свою билъ ли и мучилъ ли, и за что онъ ее билъ и мучилъ, и попадья его не перетерпя муки въ водѣ утопилась ли, и Назарья Колтовскаго лаялъ ли, и съ Назарьевы женки на улицѣ съ головы шапку сорвалъ ли и простоволосу учинилъ ли, и похвалялся ли, что онъ испортилъ Якова Хрущова, и Назарья Колтовскаго похвалялся ли портить, и голову стрѣлецкаго и казачьяго Ивана Кондакова похвалялся ли, что портилъ. И кто что про то про все въ сыску скажетъ и ему тѣхъ людей имяна и рѣчи велѣно къ обыскному списку обыскнымъ людямъ руки приложить, а которые обыскные люди грамотѣ не умѣютъ, и въ тѣхъ людей мѣсто велѣно отцамъ ихъ духовнымъ руки приложить. И будетъ обыскные люди скажутъ противъ Назарьева письма Колтовскаго, и попа Афоньку въ томъ его воровствѣ велѣно пытать, за что онъ попадью свою билъ и коими обычаи попадья его въ воду утопилась, и кою порчею онъ Якова Хрущева и гдѣ и за что испортилъ, и для чего онъ назарья Колтовскаго портить хотѣлъ, и голову казачьяго Ивана Кондакова за что портилъ. А что попъ Афонька съ пытки скажетъ, и о томъ велѣно отписать и обыскной списокъ за обыскныхъ людей руками прислать къ Москвѣ; а самому ему ѣхать въ Новосиль и быть велѣно въ Новосилѣ по прежнему, а попа Афоньку велѣно въ Ефремовѣ посадить въ тюрьму и беречь накрѣпко, чтобъ не ушелъ. Да въ нынѣшнемъ же во 148 году Марта въ 14-й день писалъ къ государю т. изъ Ефремова Назарій Колтовскій, что у соборныя церкви службы нѣтъ, и на праздникъ Богоявленья велѣлъ онъ Назарій служить обѣдню покровскому попу Козьмѣ. И тотъ попъ Козьма извѣщалъ ему Назарью на попа Афанасья, что у него

въ церкви святыня не потреблена, а въ тѣ поры были какъ его Назарья извѣщалъ попъ Козьма, стрѣлецкій и козачій голова Иванъ Кондаковъ, да отставной игуменъ Митрофанъ, да староста поповскій, пятницкій попъ Мартынъ. И тотъ де попъ Афонька поѣхалъ къ Москвѣ, а святыню влилъ въ святую воду.

И Марта въ 19-й день ефремовскій попъ Афонька сысканъ на Москвѣ и отданъ въ Разрядъ на караулъ стрѣльцамъ.

И Марта въ 21-й день по государеву указу указу попъ Афонька посланъ на Коломну къ коломенскому епископу, а грамота о немъ послана такова. Отъ царя и великаго князя Михаила Өедоровича всеа Русіи богомольцу нашему коломенскому епископу Рафаилу. Въ нынѣшнемъ во 148 году въ разныхъ числахъ писалъ къ намъ изъ Ефремова Назарій Колтовскій на ефремовскаго попа Афанасья, что тотъ попъ Афанасій живетъ не по закону: попадью свою билъ и мучилъ разными муками, и попадья его не перетерпя муки въ водѣ утопилась. Да тотъ же попъ у церкви не служитъ и по праздникамъ поповъ служить не наймаетъ. И на праздникъ на Богоявленье велѣлъ онъ Назарій служить обѣдню покровскому попу Кузьмѣ, и тотъ попъ Кузьма ему Назарью на попа Афанасья извѣстилъ, что у него попа Афанасья святыня въ церкви не потреблена, и извѣщалъ ему при стрѣлецкомъ головѣ при Иванѣ Кондаковѣ, да при отставномъ игуменѣ при Митрофанѣ, да при поповскомъ старостѣ, при пятницкомъ попѣ Мартынѣ. И тотъ де попъ Афонасій святыню влилъ въ святую воду, да тотъ же де попъ похваляется на него Назарья всякою порчею, а говоритъ, что онъ испортилъ Якова Хрущева да, онъ же де портилъ голову Ивана Кондакова, и его Назарья лаетъ и позоритъ всякою позорною лаею, да съ его жъ Назарьевы женки на улицѣ сорвалъ шапку и учинилъ ее простоволосу. И про то де его воровство вѣдомо всему городу всякимъ людямъ. И ефремовскій попъ Афанасій сысканъ на Москвѣ и по нашему указу ефремовскій попъ Афанасій и списки съ Назарьевыхъ отписокъ посланы на Коломну къ тебѣ богомольцу нашему Писанъ на Москвѣ лѣта 7148 Марта въ 25 день. (Конца не достаетъ Н. Н.).

9. Государю царю и великому знязю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи холопъ твой Макарка Загрязкій челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ государь во 155 году Августа въ 10 день били челомъ и извѣщали тебѣ т. а въ можайскую съѣзжую избу мнѣ х. т. подали челобитныя блаженныя памяти твоей государевы

матери великой государыни царицы великія княгини Евдокіи Лукьяновны сынъ боярскій Кирила Барановъ, да изъ разряднаго приказа сынъ боярскій Евтифей Өентѣевъ Туревскія волости на Антоновыхъ крестьянъ Меркулова деревни Силенковы на Тимошку Афанасьева да на сына его Ларьку въ вѣдовствѣ, что они людей портили и выѣздахъ ихъ за рубежъ. И я. х. т., принявъ у нихъ у Кирила и у Евтифея тѣ ихъ челобитныя на того Тимошку и на сына его Ларьку, посылалъ разсыльщиковъ и стрѣльцовъ, и велѣлъ ихъ взять въ Можайскъ и распрашивалъ, да и иныхъ стороннихъ людей крестьянъ, на кого они Кирила и Евтифей указывали, про то ихъ вѣдовство распрашивалъ и сыскивалъ. И посаженъ онъ Тимошка и сынъ его до твоего государева указу въ тюрьму. А о томъ, къ тебѣ государю я х. т. отписалъ, и извѣстные челобитныя, и роспросныя рѣчи, и сыскъ за своею х. т. рукою послалъ съ сею отпискою вмѣстѣ а отписку, а челобитныя, и распросныя рѣчи, и сыскъ велѣлъ подать въ разрядѣ твоимъ государевымъ дьякамъ думнымъ Иванову Гавреневу Михаилу Волошенинову да Григорью Ларіонову. Государю т. бьетъ челомъ х. т. и извѣщаетъ блаженныя памяти государыни царицы и великія княгини Евдокіи Лукьяновнины сынъ боярскій Кирилка Барановъ на Антонова крестьянина Меркулова на Тимошку Афанасьева. Въ нынѣшнемъ Г. во 155 году пріѣхалъ помѣщикъ его изо Мценска Антонъ Мерку, ловъ и сказывалъ поручикамъ его Тимофѣевымъ Гаврилѣ Шабанову и товарищамъ его, которые ручались въ его Тимофѣевѣ побѣгѣ: вы де поручики по крестьянинѣ моемъ Тимошкѣ ручались, что ему не бѣгать, и тотъ де помѣщикъ Антонъ при поручикахъ называлъ своего крестьянина Тимошку воромъ тотъ де мой крестьянинъ воруетъ, ѣздитъ за рубежъ, невѣдомо для какого дѣла. И вы де поручики того мужчка отведите въ Можайскъ и отдайте въ съѣзжую избу воеводѣ Дмитрію Ивановичу Загряскому, а я де вамъ поручной записи не выдамъ, что тотъ мужикъ воръ и животы мои вывозилъ, невѣдомо куда, а мнѣ де быть на государевѣ службѣ. А я х. т. въ томъ тебѣ г., крестъ цѣловалъ, что слышучи мнѣ про всякія дурна сказывать и извѣщать твоимъ государевымъ воеводамъ. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа Русіи, пожалуй меня х. т. вели Г. мое челобитье и извѣсную записать, чтобъ мнѣ х. т. въ конецъ не погинуть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

(На оборотѣ:) Къ сей челобитной въ Кирилово мѣсто Баранова, по его Кирилову челобитью, что онъ Кирила грамотѣ не умѣетъ, можайскихъ стрѣльцовъ сотникъ Давыдъ Стеневъ руку приложилъ.

Государю ц. т. бьетъ челомъ х. т. блаженныя памяти государыни царицы и великія княгини Евдокіи Лукьяновны сынъ боярскій Кирилка Барановъ жалоба государь мнѣ Можайскаго уѣзда Туревскія волости деревни Силенковы на Антонова крестьянина Меркулова на Тимофѣя Афанасьева да на сына его Ларіона. Въ нынѣшнемъ во 155 году послѣ Ильина дни въ скорѣ похвалялся тотъ Тимофей съ сыномъ своимъ, чтобъ подговоря свесть мою крестьянку Ивана Никифорова жену Өедотьицу, а свою дочерь, и онъ Тимошка тое свою дочерь, а мою крестьянку, подговоря свелъ невѣдомо куда, и съ животами, и съ платьемъ, и съ деньгами. И я х. т. учалъ ему Тимофею говорить: за что мою крестьянку свелъ, отдай безостудно. И онъ Тимоѳей съ сыномъ своимъ учали меня бранить всякою неподобною лаею и похвалялся бить ослоньемъ и всякими своими злыми дѣлы испортить до смерти. И его Г. воровство во многихъ мѣстахъ объявилось, кого онъ портилъ. И про то вѣдомо многимъ людямъ. И я, х. т. отъ того Тимоѳея погибъ въ конецъ. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ, пожалуй меня х. т., вели Г. въ томъ на него дать свою государеву судную правду, и про то его воровство вели Г. сыскать большимъ повальнымъ обыскомъ и допросить, кого онъ портилъ Евтифѣевыхъ крестьянъ Өентѣева, и вели Г. его Тимофѣя сыскать и поставить въ Можайскѣ въ съѣзжей избѣ. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

(На оборотѣ:) Къ сей челобитной въ Кирилово мѣсто Баранова, по его Кирилову челобитью, что онъ Кирила грамотѣ не умѣетъ, можайскихъ стрѣльцовъ сотникъ Давыдъ Стеневъ руку приложилъ.

(Лѣта) 155 Августа въ 14 день по государеву цареву и великаго Князя Алексѣя Михаиловича все Русіи указу и по прикazу воеводы Дмитрія Ивановича Загряскаго можейскій пушкарь Петрушка Ахметевъ по челобитью и по извѣту блаженныя памяти государыни царицы и великія княгини Евдокіи Лукьяновны сына боярскаго Кирила Баранова можайскаго уѣзда Туревскія волости деревни Силенковое на Антонова крестьянина Меркулова на Тимофѣя Афанасьева да на сына его

Ларіона въ государевѣ великомъ дѣлѣ, что онъ Тимоѳей нортилъ людей и ѣздилъ за рубежъ, и въ томъ, какое его воровство про то сыскивалъ и опрашивалъ сторонними людьми можайскаго уѣзда сосницкія волости крестьяны сельца Перетесу Василій Тимофѣевъ, Никифоръ Кузьминъ, Кузьма Фотьяновъ, Трифонъ Ивановъ, Трофимъ Милѣевъ, Мартынъ Изотовъ, Трофимъ Романовъ, деревни Степановской Өедотъ Дмитріевъ, Ексимъ Максимовъ, Иванъ Ивановъ; деревни Окулевой Климъ Ларіоновъ, Илья Игнатьевъ, Никой Степановъ. Деревни Василевской Демьянъ Андреевъ, Борисъ Григорьевъ, Иванъ Никитинъ, Кузьма Афанасьевъ; деревни Батюшковы Андрей Родіоновъ; деревни Өедькиной Афанасій Петровъ, Яковъ Осиповъ; деревни Сидоровской Өедотъ Дѣевъ; деревни Шетеши Степанъ Исаевъ, Дми. Овдокимовъ; деревни Годневы, Максимъ Макаровъ, Степанъ Яковлевъ, Мокей Ефимовъ, Трофимъ Никифоровъ; деревни Уполосъ Симонъ Игнатьевъ, Мина Борисовъ—сказали по государеву т. крестному цѣлованью Можайскаго уѣзда Туревскія волости деревни Силенковы на Антонова крестьянина Меркулова на Тимоѳея Афанасьева. Въ прошломъ во 155 году на Фроловъ день Можайскаго уѣзда Туревскія волости деревни Силенковы Евтифѣевъ кристьянинъ Өентѣева Филиппъ Васильевъ на погостѣ у Николы Чудотворца въ порчѣ являлъ словесно что де онъ испортилъ сына его; и въ нынѣшнемъ во 155 году на происхожденіе честнаго креста помѣщикъ Кирила Клементьевъ сынъ боярскій на того жъ Тимошку въ похвалѣ его въ воровствѣ и въ порчахъ у Николы жъ чудотворца словесно жъ являлъ, а дѣле ихъ не вѣдаемъ. И тѣ наши рѣчи и обыскныя рѣчи писалъ пушкарь Петрушка Ахметевъ.

(На оборотѣ:) Къ симъ обыскнымъ рѣчамъ Сосницкія волости Никольскій попъ Василій Григорьевъ вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ и прихожанъ, по ихъ велѣнью, руку приложилъ.

155 года Августа въ 12-й день билъ челомъ государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи у Можайска въ съѣзжей избѣ передъ воеводою передъ Дмитріемъ Ивановичемъ Загряскимъ блаженныя памяти государыни царицы и великія княгини Евдокій Лукьяновны сынъ боярскій Кирила Барановъ и подалъ извѣсную да челобитную Можайскаго уѣзда Туревскія волости деревни Силенковы на Антонова крестьянина Меркулова на Тимоѳея Афанасьева сына, прозвище Пономаря да на сына его Ларіона, а въ извѣсной написалъ, что де онъ

Тимошка ѣздитъ за рубежъ, а въ другой челобитной въ жалобѣ написалъ, что тотъ же Тимошка подговорилъ у него Кирила крестьянку, а свою дочерь да онъ же де Тимошка и сынъ его Ларька вѣдовствомъ своимъ испортили Евтифѣевыхъ крестьянъ Өеитѣева, и про то де вѣдомо многимъ людямъ. И того же числа воевода Дмитрій Ивановичъ Загряскій, по его Кирилову челобитью и по извѣсной по того Тимошку и сына его Ларьку, послалъ пристава пушкаря Петрушку Ахметева и велѣлъ ихъ поставить передъ собою въ Можайскѣ въ съѣзжей избѣ, а про нхъ воровство, что ѣздили за рубежъ и людей портили сыскать окольными людьми, котор. сыскъ привесть.

Лѣта 7155 Августа въ 24-й день по государеву т. указу изъ приказа воеводы Дмитрія Ивановича Загряскаго пріѣзжалъ изъ Можайска разсыльщикъ Никита Телебовъ въ Сосницкую волость къ Николѣ чудотворцу и допрашивалъ сосницкаго попа Василья по священству, кто именемъ крестьяне за рубежъ ѣздятъ и кто кого портитъ. И Никольскій попъ сказалъ по священству, того де я не вѣдаю, кто за рубежъ ѣздитъ и кто людей портитъ; слышалъ только, являлись Евтифѣевы крестьяне съ рѣчью Степанъ Тихоновъ да Филипъ Васильевъ на Антонова крестьяника на Тимошку и на сына его Ларьку, испортилъ де у насъ дѣтей и въ той порчи чинилъ ему сынъ его Ларька и сказалъ я де и пособлю. Да являлъ мнѣ рѣчью же на того же Тимошка Пономаря Кирила Барановъ, что онъ Тимошка ѣздитъ за рубежъ и животы возитъ за рубежъ, и отъ поручиковъ его отъ Якова Кирилова съ товарищи, тѣ рѣчи слышалъ, какъ помѣщикъ его Тимохинъ Антонъ Меркуловъ говорилъ: ты де мужикъ за рубежъ ѣздишь и животы возишь. А кромѣ того нечего я не вѣдаю, то мои и рѣчи. А рѣчи писалъ я попъ Василій своею рукою. И Августа въ 17-й день того Антонова крестьянина Меркулова Тимошку Пономаря и сына его Ларьку приставъ привелъ и поставилъ въ Можайску въ съѣзжей избѣ передъ воеводою передъ Дмитріемъ Ивановичемъ Загряскимъ. И Тимошка Пономаря и сына его Ларьку воевода Дмитрій Ивановичъ Загряскій по Кириловой извѣсной и по челобитью распрашивалъ врозь. И въ роспросѣ Тимошка сказалъ: за рубежъ де я не ѣзживалъ и товарищей съ собою никого не вѣдаю. И въ томъ Тимошка слался на окольныхъ людей, и на государеву дворцовую волость Лѣсовой Кругъ, и на Туревскую и на Сосницкую волости, да на

князя Никиты Михаиловича Мезецкаго вотчины въ деревнѣ Красной Холминѣ на крестьянъ, на друзей своихъ, на Константина Савельева, да Степана Иванова, да Лѣсоваго Кругу деревни Химиной Ларьку Андреева. А по другой челобитной про порчу сказалъ тотъ же Тимошка Пономарь: я де никого не порчивалъ, ни сынъ мой; слался на многихъ людей, а опричь на друзей своихъ. А дочери де я своей Кириловой крестьянки Баранова Ивановой жены Никифорова не подговаривалъ. И въ нынѣшнемъ де во 155 году канунъ Николина дни вешняго побѣжала отъ меня невѣстка Агаөьица сына моего родного Ларьки жена и я де ѣздилъ ее искать канунъ Ильина дни Вяземскаго уѣзда кругъ деревни Скоморохова съ Томилины крестьяны Перфильева съ Мишкой да съ Ромашкомъ вяземскаго уѣзда боярина и оружейничаго Григорья Гавриловича Пушкина въ вотчину въ село Годендехи и той своей невѣстки сыскивалъ. И въ Годендехахъ де я прикащику билъ челомъ, и онъ де мнѣ ставилъ молодицы прихожія, и этой де моей невѣстки нѣтъ. И въ томъ де прикащику вѣдомо, и какъ де я поѣхалъ назадъ отъ того прикащика къ себѣ домой и ночевалъ въ вотчинѣ его же боярина Григорья Гавриловича Пушкина въ деревнѣ Можай у крестьянина у Максимка Левонова, и боярина де Никиты Ивановича Романова села Ивановскаго крестьяне то видѣли, какъ я ѣхалъ скрозь то село, и то де они вѣдаютъ, что я за рубежъ не ѣздилъ.

И того жъ числа воевода Дмитрій Ивановичъ Загряскій допросилъ его Тимошку, въ чемъ по тебѣ помѣщикъ твойималъ поруку въ житьѣ или въ воровствѣ, чтобъ тебѣ за рубежъ не ѣздить. И Тимошка сказалъ: взялъ де помѣщикъ по мнѣ поруку въ житьѣ, а не въ воровствѣ; а потому де поруку взялъ, что я одинъ остался, а иные де крестьяне, которые были, разбѣжались отъ него и отъ сосѣдей, а помѣщикъ де мой пріѣхавъ изо Мценска, послалъ де меня сыскивать своей крестьянки а моей невѣстки и я де билъ челомъ поручикамъ своимъ, чтобъ за меня ему побили челомъ, чтобъ мнѣ отъ него налоги и обиды большія не было. А про дочерь Тимошка сказалъ: дочери де я своей не подговаривалъ; билъ де дочь мою а свою крестьянку Кирила Барановъ съ дѣтьми своими и бивъ взялъ де ее на пустошь Коптеву ржи жать, и тамъ де она и пропала. И того же числа вязмитинъ Яковъ Кизиловъ да Сосницкой волости крестьянинъ Гаврила Шабановъ сказали: въ нынѣшнемъ де во 155 году

пріѣзжалъ де помѣщикъ его Антонъ Меркуловъ въ свое помѣстье въ деревню Силенкову и крестьянина своего билъ и рухлядишку пограбилъ, и тотъ де крестьянинъ его Тимошка намъ, поручикамъ, билъ челомъ, чтобъ ему Антону про то сказать, и мы де ему про то говорили, и онъ де Антонъ намъ сказалъ: крестьянинъ де мой воруетъ, не слушается, посылалъ де я его для своего дѣла на ночь, и онъ де ѣздилъ двѣ ночи и былъ невѣдомо гдѣ, а говорятъ ѣздилъ за рубежъ, а что говорилъ онъ Антонъ про своего крестьянина Кирила Борановъ, тутъ же былъ и Евтихій Өентѣевъ, что нынѣ на него Тимошка и на сына его Ларьку бьютъ челомъ. Того же числа сынъ его Тимошкинъ Ларька въ роспросѣ сказалъ: отецъ де мой и я съ нимъ за рубежъ не ѣздили, а порчи де отецъ мой и я никакія не знаемъ и никого не порчивали. А про сестру свою про Кирилову крестьянку Боранова сказалъ: мы де ее не подговаривали и отецъ мой и я не вѣдаемъ, гдѣ она, а въ кой день она пропала, въ тотъ день Кирила Барановъ съ дѣтьми своими сестру мою въ три плети билъ и бивъ взялъ съ собою на пустошь Коптеву ржи жать, и тамъ де она пропала, съ Пустоши не бывала домой.

И Августа жъ въ 19-й день воевода Дмитрій Ивановичъ Загрязскій для подлиннаго сыска велѣлъ его Кирила Баранова съ тѣмъ Тимошкою поставить съ очи на очи и съ Тимошкинымъ сыномъ съ Ларькою. И поставивъ ихъ очи на очи распросить, не будетъ ли отъ кого какого запору. И Кирила Барановъ ставъ съ тѣмъ Тимошкою и съ сыномъ его съ Ларькою въ съѣзжей избѣ передъ воеводою съ очи-на очи, уличалъ его Тимошка противъ своей извѣсной и челобитной, что слышалъ отъ помѣщика его Антона Меркулова, что тотъ Тимошка воруетъ и ѣздитъ за рубежъ, а говорилъ де передъ поручиками его Тимошкиными и животы де его Антоновы за рубежъ вывозилъ, и говорилъ де поручикамъ его, что велѣлъ его Тимошка связать и отвесть въ Можайскъ въ тюрьму, а поручной де записи вамъ не дамъ. А про порчу Кирила Барановъ сказалъ: испортилъ онъ Тимошка разряднаго сына боярскаго Евтихія Өентѣева да деревни Силенковы крестьянина Никонку Степанова сына да Минку Филипова, и въ томъ де на него Тимошка Филипъ отецъ его Минкинъ съ порчи являлъ у церкви Николы чудотворца въ Сосницахъ попу Василью и всѣмъ прихожанамъ на него Тимошку и на сына его Ларьку, да онъ же де Тимошка

съ сыномъ съ Ларькою говорилъ въ ту пору: я де дѣлалъ, я де и отхожу; а говорилъ де при третьихъ, а тѣ де были: князя Никиты Михаиловича Мезецкаго деревни Красной Холмины Константинъ Савельевъ да Степанъ Косенокъ, да государевы дворцовой волости Лѣсоваго Кругу деревни Химино Ларька Андреевъ сынъ Шильцовъ, да вѣдаетъ и сосницкій Никольскій попъ Василій въ той де порчи Никонковой тотъ Тимошка повинился, что де я испортилъ, я и отхожу. И онъ де такое дѣло слыша извѣстилъ государя и въ Можайску въ съѣзжей избѣ воеводѣ Дмитрію Ивановичу Загряскому подалъ челобитную. И воевода Дмитрій Ивановичъ Загряскій того Тимошку и сына его Ларьку допрашивалъ, что шлетесь ли на тѣхъ людей, на попа Василья и на тѣхъ людей, у кого дѣли испорчены. И очь Тимошка и сынъ его Ларька въ порчѣ не слались, сказали недругъ де съ тѣмъ де попомъ у насъ брань, что хотѣлъ завладѣть лошадьми, что умеръ крестьянинъ Минка, и я де ему попу Вас. тѣхъ лошадей не далъ, про то со мною и бранится. А на тѣхъ людей не шлюсь, у кого дѣти порчены, потому одинъ де меня землею обидѣлъ, а другой де мнѣ руку переломилъ; а дѣтей де мы ихъ Никонки Степанова и Минки Филипова не порчивали, того де въ нашей роднѣ не бывало. И Кирила Барановъ стоя съ ними на очной ставкѣ сказалъ: вѣдаютъ де про то вѣдовство, что тотъ Тимошка и сынъ его Ларька вѣдуютъ, Яковъ Кизиловъ и крестьяне его Карпъ Өедоровъ да Иванъ Ереминъ. И Яковъ Кизиловъ въ тѣ поры былъ въ Можайскѣ и воевода Дмитрій Ивановичъ Загряскій велѣлъ его поставить къ допросу передъ собою въ съѣзжей избѣ, а по крестьянъ его по Карпика да по Ивашка послать пристава. И Яковъ Кириловъ ставъ въ съѣзжей избѣ передъ воеводою въ допросѣ сказалъ: я де порчи за ними никакія не вѣдаю, а то де они бранятся и говорятъ и упрекаютъ, что де онъ Тимошка съ сыномъ Степана Тихонина да Фильки Васильева дѣтей на свадьбахъ испортили.

И Августа жъ въ 21-й день ставъ въ Можайскѣ въ съѣзжей избѣ передъ воеводою передъ Дмитріемъ Ивановичемъ Загрязскимъ Якова Кизилова крестьяне Карпъ Өедоровъ да Иванъ Ереминъ, и въ роспросѣ сказалъ: про порчу де мы ничего не вѣдаемъ, а только де и вѣдаемъ, что дали намъ словесныя Евтихіевы крестьяне Өентѣева Степанъ Тихоничъ на Антонова крестьянина Меркулова на Тимошку Пономаря, испортили де на свадьбѣ у него сына, да слухомъ слышали, они же де испортили на

свадьбѣ у Фильки Васильева сына жъ, а подлинно впряма не вѣдаемъ, что они ль испортили или нѣтъ.

Царю т. бьетъ челомъ х. т. вязмитинъ Евтифѣйка Ѳедоровъ сынъ Ѳентѣевъ, жалоба г. мнѣ можайскаго уѣзда Туревскія волости деревни Силенковы на Антонова крестьянина Меркулова на Тимофѣя Афанасьева да на сына его Ларіона. Въ прошломъ Г. во 154 году за недѣлю до масляницы твоего государева жалованья помѣстный мой крестьяненецъ той же деревни Силенковой Степанка Тихонинъ женилъ сына своего Никонку и на свадьбѣ тотъ Тимофѣй съ сыномъ своимъ Ларіономъ того Никонку Степанова сына Тихонина вѣдовствомъ своимъ испортили, да они жъ Г. испортили о свадьбѣ жъ моего же крестьянина въ томъ же году Минку Филипова. И въ той порчи тѣ мои крестьяненцы приходскому сосницкому никольскому попу Василью Григорьеву давали явки и приходнымъ многимъ людямъ. И какъ Г. тотъ Ларіонъ Тимофѣевъ самъ женился, и у вѣнчанья по тѣмъ явкамъ тотъ попъ Василій о той порчѣ его Ларіона распрашивалъ: скажи де Ларіонъ, какъ тебѣ самому подъ вѣнцомъ стать, кто испортилъ Степанова сына Тихонина Никонку да Минку Филиппова? И тотъ Ларька тому попу Василью въ порчѣ винился: того де я Никонку Степанова сына испортилъ, и я де его на пяты излечу, и Минки де я Филипова не портилъ, развѣ де его испортилъ бачка. Да онъ же де Ларька въ той же порчѣ тому Степанову сыну Никонкѣ винился при третьихъ многихъ людяхъ, а кто именемъ были третьи люди, и тѣмъ людямъ роспись подъ сею челобитною. Милосердый государь т. пожалуй меня холопа своего, вели Г. о томъ дать свой царскій указъ, чтобъ мнѣ х. т. и крестьяненцамъ моимъ отъ того вѣдовства и отъ порчи въ конецъ не погинуть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

(На оборотѣ:) Къ сей челобитной въ Евтифѣево мѣсто Ѳентѣева, по его челобитью, что онъ грамотѣ не умѣетъ, можайскій пушкарь Петрушка Ахметевъ и къ росписи руку приложилъ. Роспись. Имяна третьихъ, при которыхъ людяхъ, тотъ Ларіонъ винился въ порчѣ тому Степанову сыну Никонкѣ. Князя Никиты Михаиловича Мезецкаго деревни Красной Холмины крестьяне Степанъ Петровъ сынъ да Константинъ Савельевъ. Да государевы дворцовой волости Лѣсового Кругу деревни Химиной Ларіонъ Андреевъ сынъ Шильцонъ. Передъ ними винился и ему Ларіону говорили, чтобъ опять отходилъ, и про то имъ про все вѣдомо. Да тамъ же былъ Можайскій разсыльщикъ Василій Ахметевъ, былъ присыланъ для государева дѣла, да можайскихъ казаковъ атаманъ Исай Ушаковъ, и они тутъ же были, какъ тотъ Ларька говорилъ и винился, Степонова сына Никонку что испортилъ: что испортилъ де я, я де и отхожу, а Минки де не вѣдаю, развѣ де испортилъ бачка. И имъ про то про все вѣдомо.

155 года Августа въ 19-й день билъ челомъ государю т. а въ Можайскѣ въ съѣзжей избѣ передъ воеводою передъ Дмитріемъ Ивановичемъ Загряскимъ билъ челомъ и подалъ челобитную Евтифей Ѳедоровъ сынъ Ѳентѣевъ можайскаго уѣзда туревскія волости дерев. Силенковы на Антонова крестьянина Меркулова на Тимоѳея Афанасьева да на сына его Ларіона въ порчѣ крестьянина своего Никонки Степанова сына Тихонина да Минки Филиппова, а подъ челобитною роспись и имена третьимъ людямъ, при которыхъ людяхъ тотъ Ларіонъ винился въ порчѣ Никонки Степанова и хотѣлъ его отъ порчи излечить. И тотъ Тимошка Пономарь съ сыномъ съ Ларькою прежъ сего челобитья по челобитью и по извѣту Кирилы Баранова въ выѣздахъ за рубежъ и въ порчѣ приведенъ въ Можайскъ нынѣшняго 155 года Августа въ 16-й день и посаженъ въ тюрьму до государева указу. И по его по Евтифѣеву по челобитью воевода Дмитрій Ивановичъ Загряскій велѣлъ того Ларіона изъ тюрьмы взять и поставить къ допросу передъ собою въ съѣзжей избѣ. И Ларіонъ Тимофѣевъ ставъ въ съѣзжей избѣ передъ воеводою передъ Дмитріемъ Ивановичемъ Загряскимъ въ допросѣ сказалъ: женился де я въ прошломъ во 154 году, а вѣнчалъ де меня сосницкій Никольскій попъ Василій, и про порчю де меня не распрашивалъ, и я де никого не портилъ, и на тѣхъ людей Ларька, кто именемъ въ росписи написанъ, не слался, я де при нихъ ничего не говаривалъ и въ порчѣ не винился. И тому дѣлу не то дѣлать, а и въ роднѣ де нашей нѣтъ. И въ росписи Евтифей Ѳентѣевъ написалъ и слался на можайскаго разсыльщика на Василья Ахметева да на казачьяго атамана Исая Ушакова; они де слышали, какъ тотъ Ларька въ порчѣ винился Никонку Степанову. И воевода Дмитрій Ивановичъ Загряскій разсыльщика Василья Ахметева допрашивалъ, слышалъ ли какъ тотъ Ларька въ порчѣ винился. И въ роспросѣ разсыльщикъ Василій Охметовъ сказалъ: того де я не слыхалъ, какъ Ларька въ порчѣ винился, а только де я слышалъ, что била челомъ Степанова жена Тихонина его Ларькину отцу Тимофѣю, чтобъ

сына ихъ отъ порчи излечилъ, и Тимофей де сказалъ, что де вы сказываете на меня, что испортилъ, а я де и портить не умѣю и излечить не умѣю, и тому де я не дѣлецъ. И казачій атаманъ Исай Ушаковъ по государеву указу посланъ на службу на Украйну.

И для подлинного сыску воевода Дмитрій Ивановичъ Загряскій по тѣхъ Евтифѣевыхъ крестьянъ Өентѣева Степана Тихонина, да по Филиппа Васильева, да по дѣтей ихъ и князя Никиты Михайловича Мезедцкаго деревни Красной Холмины по крестьянъ по Степана Петрова да по Константина Савельева и дворцовой волости деревни Химиной по Ларьку Шильцова, да по поручиковъ его Тимошкиныхъ князя Никиты Михайловича Мезедцкаго той же деревни по Терешку Дмитріева, да по Өедьку Филиппова послать пристава, и поставивъ ихъ къ допросу, распросить, въ чемъ по Тимошкѣ ручались въ житьѣ или въ томъ, чтобы ему за рубежъ не ѣздить.

И Августа въ 22-й день ставъ въ Можайску въ съѣзжей избѣ Евтифѣевы крестьяне Өедтѣева передъ воеводою передъ Дмитріемъ Ивановичемъ Загряскимъ сказалъ: Степанка Тихонинъ въ прошломъ во 154 году женилъ де я сына своего Никонку, и на свадьбѣ де испортилъ Антона Меркулова крестьянинъ Тимошка и сынъ его Ларька сына моего Никонку. А вѣдомо де то князя Никиты Михайловича Мезедцкаго деревни Красной Холмины крестьянамъ Степану Петрову да константину Савельеву. Тотъ Степанъ Петровъ слышалъ, какъ тотъ Ларька похвалялся на сына моего на Никонку порчею, а при немъ же тотъ Ларька и говорилъ: такъ что я де испортилъ, я де и отхожу. Да съ нимъ же Ларькою Тимофѣевымъ приходилъ князя Никиты Михайловича Мезедцкаго той же деревни Красной Холмины крест. Константинъ Савельевъ и говорилъ ему Ларька такъ: что я де испортилъ, я де и отхожу. Да послѣ свадьбы на пиру былъ у меня Степанка Лѣсового Кругу деревни Химиной крестьянинъ Ларіонъ Шильцовъ да и тотъ Ларька Тимофѣевъ былъ тутъ же, и мы де ему Ларькѣ Тимофѣеву били челомъ, чтобъ сына нашего отъ порчи пособилъ; а въ той порчи Ларька Тимофѣевъ винился и говорилъ, такъ я де испортилъ, я и отхожу. А тотъ Ларіонъ Шильцовъ то все слышалъ, какъ тотъ Ларька въ порчѣ винился. Да въ допросѣ сказалъ Филька Васильевъ: сваталъ де дочерь мою Тимошка Пономарь сыну своему и я де дочери своей сыну его

не далъ, и онъ Тимошка потому о свадьбѣ испортилъ сына моего Минку, испортилъ де въ тѣ поры, какъ сынъ мой ѣхалъ отъ церкви отъ вѣнчанья. И тотъ Тимоөей вышедъ изъ своихъ воротъ, кинулъ подъ него щепку, и я ему говорилъ: Тимоөей де гляди, что надъ моимъ сыномъ учинится дурно, и я мимо тебя не пойду. И про то я явилъ на улицѣ многимъ людямъ и въ томъ мнѣ на него и невѣрка.

Того же числа Можайскаго уѣзда государевы дворцовой волости Лѣсового Кругу деревни Химиной крдстьянинъ Ларька Шильцовъ въ роспосѣ сказалъ: былъ де я въ Можайскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Силенковѣ и случилось де быть на пиру у того Степана Тихонина, и тотъ Степанъ говорилъ мнѣ, что испортилъ де о свадьбѣ Ларька Тимофѣевъ сына моего и тотъ Ларька пришелъ тутъ же къ Степану на пиръ, и почали ему бить челомъ, и тотъ Ларька говорилъ и въ томъ винился, —я де испортилъ, и въ томъ клялся, что хотѣлъ его отъ порчи излечить, а больше того ничего не вѣдаю.

Да у роспросу жъ въ съѣзжей избѣ билъ челомъ государю словесно передъ воеводою передъ Дмитріемъ Ивановичемъ Загряскимъ Евтихій Өентѣевъ, чтобъ допросить Якова Кизилова крестьянина Ивана Еремина прощался де тотъ Тимошка Пономарь съ тѣмъ Иваномъ во брани, и тотъ Тимошка Пономарь говорилъ: быть бы тебѣ отъ меня подъ овиномъ сожжену, кабы со мною не помирился. И былъ де на миру можайскій губный и подьячій Өедоръ Кириловъ. И тогожъ числа по его Евтифѣеву челобитью Өентѣева воевода Дмитрій Ивановичъ Загряскій того Якова Кизилова крестьянина Ивана Еремина допрашивалъ. И въ допросѣ передъ воеводою передъ Дмитріемъ Ивановичемъ Загряскимъ Якова Кизилова крестьянинъ Иванъ Ереминъ сказалъ: было де такъ, какъ со мною побранился Тимошка Пономарь, и говорилъ такъ, кабы де ты со мною не помирился, быть было тебѣ отъ меня подъ овиномъ сожжену, а мирилъ де насъ Евтихій Өентѣевъ, да можайскій губный и подъячій Өедоръ Кириловъ, и подъячаго Өедора Кирилова не распрашивали, потому что онъ ѣхалъ съ губнымъ старостою для сыска. Да онъ же Евтихій билъ челомъ словесно передъ воеводою передъ Дмитріемъ Ивановичемъ Загряскимъ, чтобъ допросить Володимера Иванова сына Воскова. Въ нынѣшнемъ же во 155 году являлъ у прихода Николы Чудотворца государевы дворцовой волости деревни Мызиной крестьянинъ Иванъ Рече-

нокъ на того жъ Тимошку да на сына Пономарева на Ларьку, что испортилъ сына его Ивашка. Того же числа воевода Дмитрій Ивановичъ Загряскій Володиміра Иванова сына Воскова распрашивалъ, что слышалъ ли, какъ являлъ на того Ларьку Иванъ Риченокъ въ порчѣ сына своего. И Володиміръ Ивановъ сынъ Восковъ въ роспросѣ сказалъ: слышалъ де я Лѣсого Кругу деревни Мызиной отъ крестьянина отъ Ивашка Риченка, что испортилъ де сына его Ивашка деревни Силенковой Антоновъ крестьянинъ Меркулова Ларька Пономаревъ, и испортилъ де его въ Вяземскомъ уѣздѣ въ селѣ Кикинѣ на пиру у Ивана Черноцека, въ деревнѣ Скомороховой у крестьянина. И воевода Дмитрій Ивановичъ Загряск. велѣлъ къ допросу, и того Ивашка Риченка или сына его поставить. Того же числа въ допросѣ сказали князя Никиты Михаиловича Мезедцкаго деревни Красной Холмины крестьянинъ Константинъ Савельевъ: былъ де я на пиру въ деревнѣ Силенковой у Евтифѣева крестьянина Өентѣева у Степана Тихонина, и онъ де плачетъ и жалуется на Ларьку Тимофѣева сына Пономарева, что испортилъ де о свадьбѣ сына его какъ женился, а тотъ Ларька тутъ же на пиру былъ и видѣлъ, и мы пошли на иной дворъ съ тѣмъ же Ларькою, и на дорогѣ началъ я ему говорить одинъ на одинъ: чтобы те Ларя буде ты нохимостилъ, пособи ему опять, и онъ де мнѣ Ларя такъ сказалъ: пускай де его такъ ходить. А за рубежъ тотъ Тимошка Пономарь ѣздитъ или нѣтъ, того де не вѣдаю. А порукою де по немъ Тимошкѣ ручался помѣщику его въ житьѣ. Степанъ Косенокъ въ роспросѣ сказалъ: былъ де я на пиру въ деревнѣ Селенковѣ у Евтифѣева крестьянина Өентѣева у Степана Тихонина и пивъ пошелъ въ другую избу спать, и тотъ Ларька идетъ самъ другъ съ Мартынкой, и говорятъ промежъ себя, и говоритъ тотъ Ларька: тотъ де у насъ добре отдѣланъ, жаль намъ только, что которая свадьба прошла здорова. И то де я узналъ, что хотѣли о свадьбѣ сына моего испортить, и я де, услышавъ у нихъ такія рѣчи, побѣжалъ изъ избы вонъ. А за рубежъ тотъ Тимошка ѣздитъ или нѣтъ того не вѣдаю. И той же деревни Красной Холмины князя Никиты Михаиловича Мцедцкаго крестьянинъ поручикъ его Тимошки Пономарева Терешка Дмитріевъ да крест. Өедька Филиповъ въ роспросѣ сказали: ручались де мы по томъ Тимошкѣ порукой помѣщику его Антону Меркулову въ житьѣ, чтобъ ему Тимошкѣ изъ за помѣщика не побѣжать. И тотъ

помѣщикъ Антонъ Меркуловъ пріѣхавъ изо Мценска взялъ на немъ оброкъ да на немъ же Тимошкѣ до сроку началъ и другого оброку править, и мы де поручики собравъ почали ему Антону говорить, на что на немъ другого оброку правишь до сроку, а ему Тимошкѣ за нашею порукою налогу чинишь и изгону великую, и онъ де Тимошку бранилъ и сказывалъ его воромъ, что будто за рубежъ ѣздитъ и воруетъ, а про вѣдовство про того Тимошку и про сына его Ларьку слухомъ слышали отъ стороннихъ людей, что будто они людей портятъ, а сами вирямь подлинно не вѣдаемъ. 156 года Сентября въ 4-й день ставъ въ съѣзжей избѣ передъ воеводою передъ Дмитріемъ Ивановичемъ Загряскимъ Можайскаго уѣзда государевы дворцовой волости Лѣсового кругу деревни Мызиной крестьянинъ Ивашка Ивановъ сынъ Риченокъ въ роспросахъ сказалъ: былъ де я въ прошломъ во 155 году о масляницѣ у дяди своего Вяземскаго уѣзда села Кикина деревни Скомороховой у Ивана Черноцека и нохвалялся де на меня Антона Меркулова крестьянинъ Ларька Тимофѣевъ сынъ порчею тутъ же на пиру, и съ его похвалы учинилась надо мною порча невѣстинниха, и отъ тѣхъ мѣстъ и по ся мѣста хожу испорченъ.

10. 156 года Генваря въ 15 день билъ челомъ государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи, а въ съѣзжей избѣ стольнику и воеводамъ Замятнѣ Өедоровичу Монтьеву да Ивану Семеновичу Кабыльскому подалъ челобитную Комарицкій драгунъ села Морева Өедька Филипповъ тогожъ села церковнаго дьячка на Некрасову жену на Дарьицу Иванову дочь, а въ челобитной пишетъ: Государю т. бьетъ челомъ холопъ твой драгунскаго строю Комарицкой волости Радогожскаго стану села Морева Өедька Филипповъ. Жалоба г. мнѣ тогожъ села церковнаго дьячка на Некрасеву жену на Дарью Иванову дочь. Въ прошломъ государь во 147 году испортила она Дарья меня х. т., учинила скопцомъ; и по пирамъ и по бесѣдамъ она Дарья вездѣ похваляется, что она такъ нарочно сдѣлала. И я х. т. отъ тое порчи въ концѣ погибъ и женишки отсталъ. Милосердый государь т. пожалуй меня х. т. вели г. въ томъ моемъ увѣчьѣ и порчѣ дать свою царскую судную правду. И о томъ, что ты г. укажешь, Царь, государь, смилуйся. (На

---

*) Объ этомъ же дѣлѣ имѣются свѣдѣнія въ столбцѣ № 306, листы 810—813.

оборотѣ:) 156 года Генваря въ 15 день передъ стольникомъ и воеводами передъ Замятнею Өедоровичемъ Леотьевымъ да передъ Иваномъ Семеновичемъ Кабыльскимъ по сей челобитной судъ былъ. Тогожъ числа передъ стольникомъ и воеводами передъ Замятнею Өедоровичемъ, Кабыльскимъ отвѣтчица церковного дьячка Некрасова жена Дарьица Иванова дочь, выслушавъ исковой Өедькивой челобитной Филипова, а въ отвѣтѣ своемъ сказала, не порчивала его Өедьки и по пирамъ и по бесѣдамъ не похваливалась. Сверхъ того истецъ Өедька Филиповъ слался словесно села Морева деревни Соломивы деревни Горбуновы, деревни Кузьминки и на весь приходъ Дмитривскій, который къ сему Мореву на драгуновъ и всякихъ чиновъ людей повально, на всѣ, на мала и на велика, въ томъ, что она похваливалась и драгуны и всякихъ чиновъ люди отъ ней многіе слышали, и слался, опроче ея друзей. И отвѣтчица Дарьица на драгуновъ и всякихъ чиновъ людей слалася жъ повально, опричь его Өедькиныхъ друзей и заговорщиковъ, что она Дарьица его Өедьки не порчивала и тѣмъ не похваливалась. Истецъ имяна отводныхъ людей сказалъ: села Морева жъ Давыдка Толстово, Антошка Бочаровъ, Өомка Орай, да тое жъ церкви пономариха, а имени ея пропамятовалъ. Отвѣтчица имяна отводныхъ людей сказала: Села Морева жъ Гришка Бирюкъ, Фирсикъ Тимофѣевъ, Гришка Олфимевовъ, Өедька Макарьевъ, губный сѣчникъ Кирилка Мягковъ, тотъ де попомъ нашимъ гребовалъ, вѣнчалъ свадьбу въ чужомъ приходѣ. Истецъ Өедька сказалъ: для того онъ Кирилка свадьбу вѣнчалъ въ чужомъ приходѣ боялся отъ нея же Дарьицы порчи. Изъ суда истца и отвѣтчицу стольникъ и воеводы Замятня Өедоровичъ Леонтьевъ да Иванъ Семеновичъ Кабыльскій велѣли до сыску и до государева указу дать на поруки, и отвѣтчица Дарьица по себѣ порукъ не собрала и отдана она до государева указу за приставовъ, за пушкарей. И истецъ Өедька Филиповъ поруки по себѣ собралъ и въ поручной пишетъ: Василій Москалевъ стрѣлецъ да изъ Никонъ Ивановъ Салабаевъ драгунъ Комарицкой волости Глодневскаго стану, деревни Дружной выручили у пристава у сѣвскаго стрѣльца у Өедора Щукина тое жъ Комарицкой волости села Морева драгуна Өедьку Филипова въ томъ, что въ нынѣшнемъ во 156 году Генваря въ 11-й день искалъ онъ Өедька того жъ села на Дарьѣ Ивановой дочери иску своего увѣчья и ему Өедькѣ за нашею порукою ставиться въ

Сѣвскѣ въ съѣзжей избѣ передъ стольникомъ и воеводами передъ Замятьемъ Федоровичемъ Леонтьевымъ да передъ Иваномъ Семеновичемъ Кабыльскимъ съ суда до суднаго дѣла вершенья, и въ своемъ иску, что искалъ онъ Өедька тогожъ села на Дарьѣ Ивановой дочери, иску своего увѣчья, и сысковъ ему въ Сѣвскѣ не сойтить и не сбѣжать, а не учнетъ онъ Өедька за нашею порукою ставиться въ Сѣвску въ съѣзжей избѣ передъ стольникомъ и воеводами передъ Замятьемъ Федоровичемъ Леонтьевымъ да передъ Иваномъ Семеновичемъ Кабыльскимъ съ суда до судного дѣла вершенья, или куда изъ Сѣвска сойдетъ, или сбѣжитъ, и на насъ на поручикахъ пеня государя т. а пеню, что государь укажетъ, а какой изъ насъ поручиковъ будетъ въ лицахъ, и на томъ государева пеня и порука и на той порукѣ Кузьма Семеновъ. А поручную писалъ Ивашка Меркуловъ лѣта 7156 Гevваря къ 16-й день. (На оборотѣ:) Къ сей запискѣ сѣвскій площадной дьячекъ Севька Кирилловъ вмѣсто поручиковъ Василья Москалева да Никона Иванова, по ихъ велѣнью, руку приложилъ.

Лѣта 7156 Генваря въ 26 день по государеву т. указу и по наказной памяти стольника и воеводъ Замятни Федоровича Леовтьева да Ивана Семеновича Кобыльскаго стародубецъ Григорій Өерапонтьевъ сынъ Новосильцовъ, пріѣхавъ въ Комарицкую волость въ Ралогожскій станъ въ село въ Морево, и въ деревню Соломиву, и въ деревню Горбунову, и въ деревню Кузьминску, и села Морева Дмитровскаго вдоваго попа Данилу допрашивалъ по священству, а драгуны и всякими жилецкими людьми села Морева и всего Дмитровскаго приходу на крѣпко, по государеву т. крестному цѣлованью, и жены ихъ и дѣтьми вправду всѣми повально, опричь отводныхъ людей, о томъ: въ прошломъ во 147 году села Морева церковнаго дьячка Некрасова жена Дарьица того же села Морева Өедьку Филипова испортилаль, и скопцомъ его учинилаль, и испортя про тое порчу по пирамъ и по бесѣдамъ похвалиналася ли, что испортила ова, и иныхъ кого порчивала ли. И въ обыску села Морева Дмитровскій вдовы попъ Данило сказалъ по священству: въ прошломъ де во 148 году, какъ де у той Дарьицы Некрасовой жены покрадется платье, и та де Дарьица вашла на слѣду серпъ своей кражи, и нашодши серпъ въ той своей кражѣ стала невѣрить того жъ села на крестьянина Евтифѣя Иванова. И въ тѣ поры де при немъ попѣ Данилѣ ва того Евтифѣя похвалилася:

и сдѣлаю де его такова черна, какъ въ избѣ черенъ потолокъ, и согнется такъ, какъ серпъ согнулся. И послѣ де той Дарьицыной похвалки тотъ Евтюшка заболѣлъ вскорѣ, и три годы ходя сохъ и сохши умеръ, а та де Дарьицына кража объявилась мимо того Евтюшки. Да попъ же Данило сказалъ какъ де Ѳедька Филиповъ женился въ прошломъ во 147 году, и, пріѣхавъ отъ вѣнчанія, пошелъ съ невѣстою въ клѣть по лѣстницѣ, и та де Дарьица зажгла лучину, и тотъ де лучь подкинула подъ Ѳедьку и подъ его невѣсту подъ лѣстницу, а подкиня стала на тотъ лучь поднемъ фостъ, спать. А слышалъ де онъ попъ Данило того жъ села отъ сельчанъ и отъ женщинъ, которые были на свадьбѣ. Къ сей сказкѣ Дмитровскій попъ того жъ села Морева драгуны Харитонъ Киреевъ Михайла Антоновъ сказали по государеву т. крестному цѣлованью: въ прошломъ де во 147 году, какъ Ѳедька Филиповъ женился и какъ съ поѣздомъ ѣхалъ отъ вѣнчанья, и будутъ противъ своего двора на пригорку, и Некраскова жена Дарьица встрѣтилась съ ними и почала на Ѳедькина отца Филипа на команту и и на него Ѳедьку похваляться, и стала говорить, что попамятуете де меня, и послѣ де того тотъ Ѳедька сталъ испорченъ и скопцомъ учиненъ. А отъ нея ли де Дарьицы онъ Ѳедька испорченъ и скопцомъ учиненъ, того мы подлинно не вѣдаемъ. Свиридъ Свиридовъ сынъ Мохоновъ сказалъ: въ прошломъ де во 147 году пришла де та Дарьица со свадьбы отъ зятя его отъ Ѳедьки Филипова къ нему на бесѣду и почала де того зятя его Ѳедьку лаять всякими недобрыми словами и мертвою клятвою. Иванъ Игнатьевъ, Семенъ Гарасимовъ сказали, что де мы про Ѳедьку Филипова не вѣдаемъ, Даньица ли Некрасова жена его испортила или нѣтъ, того де мы не вѣдаемъ; только де слышали того жъ села отъ людей, что Дарьица похвалялась на него на Ѳедьку да въ прошломъ де во 155 году являлъ ему Семену того жъ села Семенъ Шея на Некрасову жену на Дарьицу что де его Семена сонного на улицѣ поднявъ фость накрывала по глазамъ. Аверька Петровъ сказалъ: слыхалъ де явки того жъ села отъ Лукьяна Ѳедотова да отъ Андрюшки Кирѣева на тое Дарьицу, что она на нихъ похваляется всякимъ недобрымъ дѣломъ. Авдѣй Антоновъ сказалъ: лѣтъ де тому съ пять являлъ де на тое Дарьицу Ѳедькинъ дядя Филипъ Кондратьевъ, что племянникъ его Ѳедька испорченъ отъ некрасовой жены Дарьицы. Иванъ Кондратьевъ сказалъ: слыхалъ де онъ отъ сельчанъ

про то, что Дарьица Ѳедку испортила, а самъ онъ про то подлинно не вѣдаетъ. Ѳедоръ Ансифоровъ сказалъ: въ прошломъ де во 155 году передъ Филипповыми заговѣны на пирку у Ивана Толокенника Дарьицынъ мужъ Некраска Трофимовъ похвалялся на Ѳедькина тестя на Свирида Свиридова, что де зять твой Ѳедька съ женою своею самъ спать не спитъ и тебѣ также съ женою своею не спать, что де онъ отъ Некраски таково похвальное слово самъ слышалъ. Михайла Степановъ сказалъ: въ нынѣшнемъ де во 156 году въ великій мясоѣдъ слышалъ де онъ того же села отъ Ѳедора Аксифорова, что де Некраска похвалялся женою своею: нѣтъ де такой знатницы, что жена его Некраскова Дарьица не знаетъ. А Ѳедоръ Ансифоровъ сказалъ про тое жъ статью: въ прошломъ де во 154 году на Свѣтлой недѣлѣ ночевалъ де у него Ѳедьки дьячекъ Некраска, и ночью проснувшись сталъ спрашивать, у кого онъ Некраска спитъ, и онъ де Ѳедька сказалъ, что у него Ѳедька спитъ. И въ тое де пору говорилъ ему Некраска дьячекъ, что нѣтъ де такой знатницы, что жена его Некраскова Дарьица не знаетъ; и на собаку де плюнетъ и собака де станетъ молчать и не станетъ лаять. Тимоѳей Савельевъ сказалъ: въ прошломъ де во 154 году на Свѣтлой недѣлѣ на пиру у Гришка Семенова слышалъ де онъ отъ самой отъ Некрасковой жены отъ Дарьицы, что при немъ Тимошкѣ похвалялась на Лукьяна Ѳедотова: съѣмъ де тебя Лукьяна также какъ и Ѳедьку Филипова. Иванъ Толоконникъ сказалъ: въ прошломъ де во 155 году на Свѣтлой недѣлѣ у его воротъ Некраскова жена Дарьица похвалялась, что де Ѳедькѣ у меня корчится, а и Лукьяну Ѳедотову сыну корчиться отъ меня также. Агапонъ Аверкіевъ сказалъ: въ прошломъ де во 155 году слышалъ де онъ отъ Гришковой жены Бирюкова отъ Татьяны, что де се Татьяну испортила Некраскова жена Дарьица, а самъ де Агапонъ слышалъ отъ самой Дарьицы въ томъ же году на Свѣтлой недѣлѣ у нея же Дарьицы на дворѣ: дамъ де тебѣ, Гапонъ, что и черезъ порогъ не перелѣзешь. Семенъ Сидоровъ, Лукьянъ Борисовъ, Матвѣй Ивановъ, Григорій Харитоновъ, Данила Степановъ, Семенъ Тереховъ, Борисъ Семеновъ, сказали: слышали де они отъ своей братьи, отъ сельчанъ, что де Ѳедьку Филипова испортила Некраскова жена Дарьица. Перфилъ Андреевъ, Мартынъ Ларинъ, Маркъ Евтифѣевъ, Анисимъ Харитоновъ, сказали: въ нынѣшнемъ де во 156 году въ великій мя-

совѣтъ тому съ недѣлю на пиру у вдовы у Дарьи Анофріевой дочери Дарьицынъ мужъ Некраска побранился со вдовымъ попомъ Данилою и молвилъ де Некраска попу Данилѣ: съѣмъ де я тебя чѣмъ нибудь. Терехъ Васильевъ, Макаръ Ивановъ, Василій Өедоровъ сказали: въ прошломъ де во 164 году объ велицѣ дни являлъ де на тое Дарьицу Лукьянъ Өедотовъ въ порчѣ, что его хочетъ испортить. Степанъ Григорьевъ сказалъ: въ прошломъ де во 149 году былъ де онъ на свадьбѣ у Аверьяна Петрова и Дарьицынъ му Некраска похвалялся на него на Степанку, что де пришодъ ко двору жены и дѣтей своихъ не узнаешь. Семенъ Борисовъ сказалъ: въ прошломъ де во 155 году на Свѣтлой недѣлѣ ходилъ де онъ за брагою въ деревню Соломину и испивши де повалился на улицѣ, и Некраскова жена Дарьица, пришодъ и поднявши постанья, накрыла ему Сенькѣ фостомъ глаза, и с тѣхъ де мѣстъ у него глаза болятъ, и сталъ киловатъ. Села жъ Морева вдова Марья Андреева сказала въ прошломъ де во 551 г. слышала де она явку отъ Семена Борисова, являлъ ей на Дарьицу, какъ де былъ въ деревнѣ Соломиной и онъ де уснулъ на улицѣ, и она де Дарьица, пришодъ къ нему Семену, накрыла его фостомъ. Того жъ села драгунскія жены Өедора Аксифорова жена Авдотья Иванова дочь сказала: въ прошломъ де во 147 году какъ Өедька Филиповъ женился, а она была тутъ же на свадьбѣ. И какъ де поѣздъ на верхъ ѣдетъ, и Дарьица, съ подругою своею пономарихою Марьею выскоча изъ избы, зажгла лучагню и по его Өедькинымъ и по невѣстинымъ слѣдамъ та пономариха лучемъ по слѣду катала, а Некраскова жена Дарьица въ тѣ поры у воротъ, у дверей стояла. Матвѣя Иванова жена Марья Иванова дочь сказала; въ прошломъ де во 154 году передъ Дмитровымъ днемъ была та Некраскова жена Дарьица у нея на пиру, и какъ пошла изъ избы на верхъ, и на дворѣ де при ней та Дарьица похваливалась на Кирѣева сына на Андрея; быть де тебѣ также скопцомъ, какъ Өедька Филиповъ ходитъ скопцомъ; а мужъ де и Некраска молвилъ въ тое жъ пору: то жъ де будетъ Кирѣеву сыну Андрею, что Өедькѣ Филапову. Лукьяна Борисова жена Өекла Ларіонова сказала: въ прошломъ де во 147 году на Свѣтлой недѣлѣ была де она Өеклица съ тою Дарьицею того жъ села у Григорья Семенова на бесѣдѣ. И та де Некраскова жена Дарьица похвалялась на Лукьяна Өедотова, а Лукьянъ де тутъ же былъ быть де тебѣ Лукьяну отъ меня также скопцомъ, какъ де Өедь-

ка Филиповъ отъ меня ходитъ скопцомъ. Өедора Авдѣева жена Марья Өурсова сказала: въ прошломъ де во 155 году послѣ Петрова дни гонючи животину съ поля похвалялась Некраскова жена Дарьица на братовъ ея на Мелентья да на Афанасья Өурсовыхъ, а похваляся молвила: оборочу де я ихъ вверхъ носомъ, и будутъ де они у меня въ четырехъ углахъ. И подъ тое де ночь, послѣ ея словъ, братья ея Марьин. слегли и, полежавши немного, померли. Да въ нынѣшнему же во 156 году передъ Свѣтлою недѣлью въ пятницу Некраскова дочь дѣвка Авдотьица на улицѣ какъ они шли по воду, и въ тѣ поры та дѣвка молвила при нихъ: какъ де матка моя отъ Өедькина челобитья пропадетъ, и ему де Өедьку не воскреснуть. Аверкія Петрова жена Настасья Кузмина дочь, Степана Григорьева жена Домна Григорьева дочь, Ивана Кондратьева жена Мартынова дочь, Харитона Флорова жена Дарья Фролова дочь, сказали: въ прошломъ де во 155 году слышали де мы явки на тое Дарьицу отъ Якова, да отъ Лукьяна Өедотова, да отъ Андрея Киреева въ ея въ Дарьицыной похвалкѣ. Села жъ Морева нищій старецъ Карпо Мартыновъ сказалъ: въ прошломъ де во 154 году лѣтомъ бранился де попъ Яковъ съ Дарьицынымъ мужемъ Некраской и тотъ де Некраска похвалился на того попа Якова, что де тебя чѣмъ нибудь какъ съѣмъ, И послѣ той похвалки тотъ попъ Яковъ полъ лѣта коржавѣлъ и коржався умеръ. Да тотъ же нищій старецъ сказалъ, что де я слышалъ въ прошломъ во 155 году похвалялася Некраскова жена Дарьица при немъ на улицѣ того жъ села на Өурсовыхъ дѣтей на Мелентья броняся похвалилась, что де я тебя всажу у четырехъ углахъ. И Мелентій послѣ той похвалки заболѣлъ, лежалъ немного и умеръ или нѣтъ, того де я не вѣдаю. Деревни Горбуновой драгунъ Артемъ Өедоровъ сказалъ: въ прошломъ де во 147 г. какъ де Өедка пріѣхалъ съ невѣстою своею отъ вѣнчанья и какъ изъ саней вылѣзши пошли въ клѣть, и Некраскова жена Дарьица на слѣду на нихъ на женаховомъ и на невѣстиномъ огонь клала; и какъ де люди про то видя, стали извѣщать той Дарьицѣ, что она не хорошо чинитъ, и Дарьица де сказала, что она про то пошутила; а былъ съ ними тутъ же на свадьбѣ и вѣдаетъ про то драгунъ Могилинъ и Алексѣй Пызинъ. А Алексѣй Пызинъ въ допросѣ сказалъ: въ прошломъ де во 147 году какъ де Өедька Хилиповъ женился въ томъ же селѣ Моревѣ, и какъ де взялъ невѣсту и поѣхали

къ вѣнчанью, и онъ де Алешка въ тѣ поры сидѣлъ у жениховa отца у Ѳедькина у Филиппа Кондратьева, а съ ними де въ тѣ поры сидѣлъ церковный дьячекъ Некраска, и онъ де Алешка сталъ говорить Некраскѣ, чтобъ онъ пошелъ съ попомъ той Ѳедькиной свадьбы вѣнчать, а жена де Некраскова Дарьица тутъ же сидитъ съ ними, и та де Некраскова жена стала изъ избы и ... подворнику Филиппу говорила, и стала грозить, что де ты, Филиппъ, ссылаешь насъ съ двора, а негосту свою попамянуешь де ты, Филиппъ, Дарьицу. И послѣ де того, какъ женихъ съ невѣстою пріѣхали, и онъ Алешка въ тѣ поры слышалъ отъ подворниковой отъ Филипповой старушки, изучи де въ избу говоритъ и чурается, и сказала де, входъ въ избу та старушка, что де пономариха Марьица зажгла на жениховомъ слѣду, какъ повели въ клѣть, лучъ съ Некрасковою женою Дарьицею вмѣстѣ, и защепили лучъ почали на тотъ лучъ сцать. Тоежъ деревни Горбуновой Ѳедоръ Матвѣевъ сказалъ: тому де года съ три слышалъ де я въ селѣ Моревѣ на бесѣдѣ у Гринки Семенова отъ Некрасковой жены Дарьицы похвальныя слова на попа Якова да на Филиппова сына Ѳедора, что де я и родъ вашъ выведу. Тотъ де попъ Яковъ послѣ того де умеръ; а отъ ея ли порчи умеръ или своею смертью, про то де подлинно не вѣдаю. Петръ Алексѣевъ, Ѳедоръ Вавиловъ, Тимоѳѣй Дмитріевъ, Петръ Анисимовъ, Емильянъ Минаевъ, Ѳедоръ Арефьевъ, Мартыня Харлановъ, Дороѳей Никитинъ, Иванъ Ивановъ,, Кондратій Ермаковъ, Михайла Радивоновъ, Иванъ Исаевъ, Климъ, Степановъ, Игнатій Ермаковъ Сидоръ Мартыновъ сказали: Слыхали де мы явки въ разныхъ годахъ отъ Ѳедькина отца отъ Филиппа, что де Дарьица испортила сына его Ѳедьку и учинила скопцомъ, и отъ сельчанъ де отъ моревскихъ про то слыхали жъ. Да села де Морева Дмитровскій попъ Данила являлъ имъ многижды, что де она Дарьица испортила сына его попа Якова, и отъ тое де порчи сынъ его попъ Яковъ умеръ. И про то де имъ являлъ же что де та Дарьица испортила попадью его жъ. И вдовая попадья Яковлевская имъ являла жъ, что мужа ея попа Якова она Дарьица испортила. Вдовы Анна Андреева, Евдокія Антипеева, Настасья Савельева, Анна Осипова, Арина Филиппова, драгунскія жены Петра Анисимова жена Дарья Иванова дочь, Ѳедора Вавилова жена Ефросинья, Тимоѳея Дмитріева жена Ѳедора, Степана Никифорова жена Арина, Мартина Харланова жена Софья, Арефьева жена Марья, Ермолова жена Прасковья, Петра Алексѣева жена Мароа сказали тожъ: явки де они отъ попа Данилы и отъ Яковлевской попадьи отъ Марьи слышали, что будто испорченъ умеръ попъ Яковъ отъ тое Дарьицы; а подлинно де не вѣдаемъ про то, отъ чего онъ попъ Яковъ умеръ.

Деревни Соломиной драгуны Ѳедоръ Ивановъ сынъ Кузнецовъ, Никита Ивановъ сынъ Гранкинъ, Прохоръ Даниловъ сынъ Сальниковъ, Осипъ Ильинъ сынъ Гусаковъ, Филимонъ Андреевъ Кузьминъ, Михайла Самсоновъ, Никита Ивановъ сынъ Медынинъ, Архипъ Григорьевъ, Никита Степановъ, Иванъ Ивановъ сынъ Кузнецовъ, Абрамъ Осиповъ сынъ Позняковъ, Самойла Ивановъ сынъ Кузнецовъ, Иванъ Анисимовъ, Яковъ Осиповъ сынъ Климовъ, сказали по государеву т. Алексѣя Михаиловича всеа Русіи крестному цѣлованью слыхали де мы явки села Морева отъ драгунъ слыхали въ разныхъ годахъ, что Некраскова жена Дарьица Ѳедьку Филиппова испортила и скопцомъ учинила; а сами де мы про то подлинно, не вѣдаемъ. Да они жъ драгуны сказали, что села Морева отъ Онисика Тимоѳѣева слышали явки, что его дѣтей та Некраскова жена Дарьица испортила и отъ ея порчи померли. Семишка Даниловъ сказалъ, что де я отъ Фирсика Тимофѣева про то не слыхалъ. Тоежъ деревни драгунскія жены Осипа Ѳедорова жена Степанида Григорьева дочь, Гаврилы Никифорова жена Анна Андреева дочь, Филимона Андреева жена Анна Захарова дочь, Михайлы Максимова жена Марья Данилова дочь, Осипа Клементьева жена Домна Дмитріева дочь, Филиппа Емельянова жена Анна Иванова дочь, Никиты Осипова жена Анна Осипова дочь, Михайлы Самсонова жена Марья Потапова, Андрея Данилова жена Марья Карпова дочь, Дмитрія Кузьмина жена Прасковья Иванова сказали тожъ, что и мужи ихъ явки де отъ Ѳедьки и слухомъ слыхали отъ сельчанъ про Ѳедькину порчу. Деревни Кузьминки драгуны Иванъ Игнатовъ, Захаръ Игнатовъ сынъ Васильевъ сказали: слыхали де мы явки села Морева отъ вдового попа Данилы и отъ невѣстки его отъ вдовой попадьи отъ Марьицы, что де Некраскова жена Дарьица испортила его попа Якова; только де мы отъ попа Данилы и отъ невѣстки его отъ Марьи про тое порчу явки слыхали, сами де мы про то подлинно не вѣдаемъ, въ чемъ она явки дала. Самсонъ же сказалъ: въ нынѣшнемъ де во 156 году передъ Филипповыми заговѣны, какъ молебщина была въ деревнѣ Соломиной у Андрея Гран-

кина, и въ тѣ де поры ему Самсону сказывалъ села Морева Семенъ Борисовъ, что де онъ Семенъ слышалъ отъ Некрасковой жены Дарьицы на ночлегѣ у Ивана Малика похвальныя слова про Андрея Гранкина: будетъ де ему Андрею тоже, что и Ѳурсовымъ дѣтямъ на Моревѣ. И послѣ де тое похвалки тотъ Андрей заболѣлъ было скорою болѣзнью; а кто де его Андрея отъ тое болѣзни отходилъ или такъ поздоровѣлъ, того де онъ не вѣдаетъ. Андрей Гранкинъ про тое статью не допрашиванъ, потому что его въ тое пору дома не было, какъ про то сыскивано. Исай Игнатовъ, Курдюмъ Савельевъ, Авдѣй Артемовъ, Яковъ Селивановъ, Иванъ Артемовъ, Иванъ Бѣляевъ, Дементій Евдокимовъ, Яковъ Ивановъ, Трофимъ Ивановъ, Мартынъ Степановъ, Степанъ Андреевъ сказали: слыхали де они явки отъ Ѳедьки Филипова въ разныхъ городахъ, что онъ изъявлялъ и жаловался на Некраскову жену Дарьицу въ порчѣ своей; а сами де они про тое порчу подлинно не вѣдаютъ. Драгунскія жены Ивана Игнатова жена Соломонида сказала: въ прошломъ де во 154 году на Свѣтлой недѣлѣ былъ де у нихъ села Морева попъ Іаковъ въ деревнѣ Кузьминкѣ съ брацею у Захара Игнатова и тотъ де попъ Яковъ молвилъ Дарьицѣ Некрасковой женѣ: не садися де тутъ подлѣ меня, ты де у меня и попадью испортила. И та де Дарьица пошла отъ него попа Якова прочь и похвалилась: еще де тебѣ не такъ отъ меня будетъ. И она де Соломонида отъ Некрасковой жены Дарьицы таково похвальное слово въ тѣ поры слышала сама. Ивана Артемова жена Анисья сказала: въ прошломъ де во 154 году являлъ де ей на Дарьицу Ѳедька Филиповъ, что будто она его испортила; а сама де про тое порчу подлинно не вѣдаетъ. Семена Самсонова жена Анна, Якова Иванова жена Анна сказали: слыхали де мы явки села Морева отъ Яковлевской попадьи Марьи, что де Некраскова жена Дарьица испортила попа Якова; а сами де про тое порчу подлинно не вѣдаемъ. Филиппа Кондратьева жена Наталья Терентьева дочь сказала: въ прошломъ де во 147 году какъ де въ селѣ Моревѣ Ѳедька Филиповъ женился и она де въ тое пору у Ѳедьки была на свадьбѣ, и какъ де Ѳедька пріѣхалъ съ невѣстою и съ поѣздомъ отъ вѣнчанья въ дворъ свой, и та де Некраскова жена Дарьица пошла изъ избы отъ Ѳедькина отца вонъ въ встрѣчу противъ поѣзда, и почала де Ѳедькину отцу Филиппу грустить похвальнымъ словомъ: мужикъ, шлюхинъ сынъ, будешь у моихъ ногахъ кла-

няться! А Пономарева де жена Марьица въ тѣ же поры на лапотъ на осметокъ поклала огнь на жениховомъ слѣду, какъ въ клѣть молодыхъ повели, и почала де надъ огнемъ будто блохи прудить, и говорила де въ тѣ поры, чтобъ де молодыхъ комары не заѣли. Ивана Бѣляева жена Наталья, Авдѣя Артемова жена Авдотья, Никифора Терентьева жена Марья, Мартына Степанова жена Ульяна сказали, что де мы про Некраскову жену Дарьицу ничего не вѣдаемъ и не слыхали. Деревни Быльковъ драгуны Аксенъ Азаровъ, Ермакъ Кузьминъ, Григорій Матвѣевъ, Макаръ Ананьинъ, Михайла Тимофѣевъ, Евдокимъ Даниловъ, Иванъ Гавриловъ, Исай Тихоновъ, Абакумъ Алексѣевъ, Карпъ Захаровъ, Акимъ Семеновъ, Иванъ Сергѣевъ, Микита Ивановъ сказали: въ прошломъ де во 154 году слышали де они явки отъ Дмитровскаго вдоваго попа Данилы, что Некраскова жена Дарьица испортила сына его попа Якова, а отъ иныхъ де про тое Дарьицу ничего не слыхали. Той же деревни драгунскія жены вдова Анна Ивлева дочь, Ивана Сергѣева жена Наталья, Абакума Аксенова жена Катерина, Карпа Захарьева жена Акулина, Матвѣя Гаврилова жена Ѳедора, Ѳомы Михайлова жена Катерина, Евдокима Данилова жена Катерина, Исая Ермолова жена Катерина, Луки Иванова жена Анна, Тихонова жена Акулина сказали, что де онъ села Морева отъ сельчанъ слухомъ слыхали про Некраскову жену Дарьицу про порчу ея, а у насъ де она Дарьица ходя на Свѣтлой недѣлѣ за брацею ночевала, и мы де отъ нея никакой глупости не видывали. А сказки писалъ сѣвскій площадной дьячекъ Кузька Семеновъ. (На оборотѣ:) къ симъ обыскнымъ рѣчамъ Григорій Села Морева новый Дмитровскій попъ Яковцовъ вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ и прихожанъ руку приложилъ.

11. Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи въ Шатцкой воеводѣ нашему Григорью Семеновичу Хитрово. Въ нынѣшнемъ во 156 году въ Ноябрѣ писано отъ насъ въ Шатцкой къ Григорью Шанскому, а велѣно женку Агафьицу Савкину дочь Кожевникова и мужика Терешку Ивлева у пытки распросить и пытать накрѣпко и огнемъ жечь, кого имянемъ и какихъ людей они портили и досмерти уморили, и кому именемъ и какимъ людямъ килы и невстанихи дѣлали, и кто съ ними тѣмъ мужикамъ и женкамъ такое дурно дѣлали, и гдѣ и у кого именемъ Терешка Ивлевъ такому вѣдовству и вся-

кому дурну учился, и гдѣ нынѣ его Терешкина сноха, а ея Агаѳьицына сестра Овдотьица. И будетъ женка Агаѳьица и мужикъ Терешка въ роспросѣ и съ пытки передъ прежнимъ ничего не прибавятъ, и учнутъ говорить прежнія свои рѣчи, и женку Агаѳьицу и мужика Терешку, сказавъ имъ ихъ вину и богомерзкое дѣло при многихъ людяхъ, велѣно на площади, въ струбѣ оболокши соломою, сжечь. И февраля въ 26-й день писалъ еси къ намъ, что по нашему указу Григорій Шанскій женку Агаѳьицу и мужика Терешку Ивлева въ вѣдовствѣ пыталъ и огнемъ жегъ, и тѣ роспросныя и пыточныя прислалъ къ намъ. А что по нашему указу велѣно Григорью Шанскому женку Агаѳьицу и мужика Терешку, давъ имъ отца духовного и сказавъ имъ ихъ вину и богомерзкое ихъ дѣло, при многихъ людяхъ, на площади въ струбѣ, облокши соломою, сжечь. И Григорій Шанскій женкѣ Агаѳьицѣ и мужику Терешкѣ противъ нашей грамоты ничего не учинилъ, а ты безъ нашего указа казни имъ учинить не смѣешь, и намъ бы о томъ велѣть указъ учинить. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ женкѣ Агаѳьицѣ и мужику Терешкѣ, давъ отца духовного, велѣлъ ихъ причастить святыхъ Божьихъ таинъ, будетъ достоитъ, а, причастя святыхъ Божьихъ таинъ, велѣлъ ихъ свесть на площадь и, сказавъ имъ ихъ вину и богомерзкое дѣло, при многихъ людяхъ велѣлъ ихъ на площади, оболокши соломою, сжечь. Да о томъ къ намъ отписать. А женку Овдотьицу Терешкину сноху Ивлева велѣлъ сысковать всякими обычаи накрѣпко, чтобъ однолично ту Овдотьицу сыскать. И будетъ женку Овдотьицу сыщутъ, и ты бъ о томъ къ намъ отписалъ, а женку держалъ въ большой крѣпости и въ береженьѣ до нашего указу. Писанъ на Москвѣ лѣта 7156 Сентября въ 11-й день. (На оборотѣ:) Такова громота послана съ Шатцкимъ разсыльщикомъ съ Матюшкою Ермаковымъ Сентября въ 11-й день. Государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи холопъ твой Гришка Хитрово челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 156 году декабря въ 19-й день прислана г. Шатцкой твоя государева т. грамота за приписью твоею государева дьяка Григорія Ларіонова къ прежнему воеводѣ Григорью Шанскому, а по той твоей государевѣ грамотѣ велѣно ему Григорью Шанскому приводную женку крестьянку твоего государева боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго Огаѳьицу Савкину дочь Кожевникову да Шатцкаго уѣзла Ишмалитъ мурзы Исинѣева крестьянина его деревни Лоткозины Терешку Ивлева у пытки распросить и пытать накрѣпко въ другой рядъ и огнемъ жечь, кого имянемъ и какихъ людей они портили, и сколько людей порчею до смерти поморили, и кому имяны килы присаживали и невстанихи дѣлали, и кто съ ними какихъ мужчинъ и женщинъ такое дурно дѣлали, и гдѣ и у кого имянемъ Терешка Ивлевъ такому дурну учился, и гдѣ нынѣ Терешкина сноха, а ея Агаѳьицына, сестра Авдотьица. И по твоей государевѣ т. грамотѣ прежній Шатцкій воевода Григорій Шанскій тое женку Агаѳьицу и мужика Терешку Ивлева въ томъ ихъ вѣдовствѣ у пытки распрашивалъ и пытать велѣлъ накрѣпко и огнемъ жечь, и каковы г. роспросныя и пыточныя рѣчи той женки Агаѳьицы и мужика Терешки Ивлева прежній воевода Григорій Шанскій въ съѣзжей избѣ оставилъ. И тѣ роспросныя и пыточныя рѣчи подклея подъ свою отписку послалъ я х. т. къ тебѣ г. къ Москвѣ и велѣлъ подать въ Разрядъ твоимъ государевымъ дьякамъ думному Ивану Гавреневу, да Михаилу Волошенинову, да дьяку Григорью Ларіонову. А что г. въ твоей государевѣ т. грамотѣ написано къ прежнему воеводѣ Григорью Шанскому, велѣно г. той женкѣ Агаѳьицѣ да мужику Терешкѣ Ивлеву давъ имъ отца духовнаго и, будетъ достоитъ, причастя ихъ святыхъ Божьихъ таинъ и сказавъ имъ ихъ вину и богомерзкое дѣло, при многихъ людяхъ на площади, и вкинувъ ихъ въ струбъ и оболокши соломою, огнемъ сжечь. И прежній г. воевода Григорій Шанскій по твоему государеву указу и по твоей государевѣ грамотѣ той женкѣ Агаѳьицѣ и мужику Терешкѣ такой казни имъ не учинилъ, и я х. т. той женкѣ Агаѳьицѣ и тому мужику Терешкѣ такой казни учинить безъ твоего государеву указу не смѣю, и о томъ г. мнѣ х. т. что ты г. укажешь.

156 года Генваря въ 18-й день по государевѣ т. грамотѣ изъ Разряда за приписью дьяка Григорья Ларіонова воевода Григорій Ивановичъ Шанскій, поставя передъ собою приводную женку крестьянку боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго Огаѳьицу Савкину дочь Кожевникова у пытки, ее распрашивалъ, и та женка Агаѳьица въ роспросѣ и съ пытки сказала прежнія тѣ жъ свои рѣчи, что къ мужикамъ килы присаживала и невстанихи дѣлала, да я жъ де Агаѳьица съ сестрою своею съ Овдотьицею испортила и уморила до смерти приказнаго дьячка боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго Ѳедьку Севергина, да она

жъ де Агаѳьица уморила крестьянина Степанка Шахова, да испортила земскаго дьячка Шишику, да она жъ де присажила килу сестры своей къ Овдотьицыну деверю къ Степанку. А всему де тому дурну учила ее Агаѳьицу сестра ея Овдотьица да сестры ея Овдотьицы свекоръ Ишмамита мурзы Исинѣевъ крестьянинъ деревни Лоткозины Терешка Ивлевъ, а опроче де того я иныхъ людей не порчивала, и никого де такому дурну не учила, и никто де такого дурна, опрично сестры моей Овдотьицы, не дѣлалъ. А про сестру свою Овдотьицу съ пытки сказала, что де сестра ея Овдотьица изъ села Сотницына побѣжала съ Елисѣевымъ человѣкомъ Протасьева сына Лочанова съ Мишкою Кожанкомъ въ Казань, а къ кому они именемъ побѣжали и у кого они нынѣ живутъ, того де я не вѣдаю. Того жъ числа воевода Григорій Ивановичъ Шанскій, поставя передъ собою Ишмамета мурзы Исинѣева крестьянина деревни Лоткозины Терешку Ивлева, у пытки распрашивалъ и велѣлъ пытать накрѣпко и огнемъ жечь нещадно, и тотъ Терешка Ивлевъ въ роспросѣ и съ пытки говорилъ прежнія свои рѣчи. А сказалъ, что де я училъ тому дурну только одну женку Агаѳьицу, а иныхъ людей женщинъ и мужчинъ такому дурну никого не училъ, и самъ никого не порчивалъ, и килъ никому не присаживалъ и невстанихъ не дѣлалъ, и до смерти никого не уморилъ. А про сноху свою Авдотьицу не знаю, куда она побѣжала и съ кѣмъ, потому что она жила не со мною вмѣстѣ, а жила въ селѣ Сотницынѣ за бояриномъ за княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ. А учился де я Терешка тому дурну на Волгѣ на судахъ, слыхалъ у судовыхъ ярыжныхъ людей, а на чьихъ судахъ на Волгѣ и въ которомъ году и у кого именемъ хаживалъ, того де я не помню, потому что де то было давно, какъ я былъ молодыхъ лѣтъ. 155 года Августа въ 28-й день по грамотѣ государя своего боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго приказный человѣкъ Ѳедоръ Порошинъ съ старостою и съ выборными крестьяны пыталъ всякими пытки накрѣпко крестьянку Савкину дочь Кожевникова Агашку противъ прежняго извѣта Савкиной жены Томахина Овдошки Харламовой дочери, что она Агашка съ похвальбою говорила кильный стихъ «на морѣ окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ сыръ дубъ крѣпковистъ, на дубу сидитъ чернъ воронъ, во рту держитъ пузырь и слетаетъ съ дуба на море, а самъ говоритъ: ты, пузырь, въ водѣ наливайся, а ты кила у того развымайся. А

ключъ де тому стиху, какъ та птица воду пьетъ, и сама дуется, такъ бы у того кила дулася по всякъ день и по всякъ часъ отъ ея приговору». А сжилась де она Агашка съ Ѳедоромъ Севергинымъ въ великій постъ, какъ отецъ ея Агашкинъ Савка Ѳедоровъ звалъ къ себѣ Ѳедора вина пить и рыбы ѣсть, и какъ де она съ Ѳедоромъ переспала и взяла де отъ естества его, хошева дала ему Ѳедору съ приговоромъ въ кислыхъ щахъ пить, чтобъ онъ любилъ и по ней сохъ, и дала де ему такое скаредье съ наговоромъ дважды. Да она жъ де ему Агашка дѣлала дважды невстаниху для того, что онъ мимо ея ходилъ къ Сафрошкиной женѣ Тимоѳеева, а невстаниху де ему дѣлала нитью мертваго человѣка съ приговоромъ. И пособляла де ему Ѳедькѣ отъ той невстанихи сестра ея Агашкина Овдошка, лила де сквозь пробоя воду съ приговоромъ и ему давала пить и тѣмъ ему пособила. И какъ де онъ Ѳедоръ женился мимо ея Агашки и отъ нея Агашки отсталъ, и она де его портила на смерть съ тою же сестрою своею Овдошкою. Первую де давала порчу ходила сестра ея Овдошка ночью на погостъ, имала съ могилы землю и ту землю съ приговоромъ давала пить Ѳедору Севергину. А приговоръ: «какъ мертвый не вставаетъ, такъ бы онъ Ѳедоръ не вставалъ; какъ у того мертваго тѣло пропало, такъ бы онъ Ѳедоръ пропалъ вовсе». А къ смерти ему Ѳедору давала тѣ жъ губы и многія коренья съ наговоромъ, и какъ тѣ коренья зовутся и гдѣ они ростутъ, и описать того для дурного вѣдовства не мочно. Да она жъ Агашка испортила на смерть выборного крестьянина Степашка Шахова, а портила де губы, что растутъ на навозѣ, да кореньемъ да отрепьями маленкими, и, все вмѣстѣ зажегши съ тою жъ вехотью Ѳедоровою, давала ему пить. и онъ Степанъ тою порчею и сутокъ живъ не былъ. А портила де его Степана за то, что онъ не велѣлъ ей съ Ѳедоромъ Севергинымъ жить и на боярскій дворъ ходить. А земскаго дьячка Шишику тѣмъ же портила, чѣмъ Ѳедора Севергина. Да она жъ Агашка присадила килу сестры своей Овдошки къ деверю къ Степкѣ тѣмъ же стихомъ. А всему де тому дурну училъ ее Агашку сватъ ея мужикъ Терешка Ивлевъ сестры ея свекоръ, а живетъ онъ селѣ Лоткозинѣ да сестра ея Овдошка вотчины князя Никиты Ивановича Одоевскаго въ Шатцкомъ уѣздѣ въ селѣ Сотницыно.

Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи въ Шотцкой воеводѣ нашему Григорью Ивановичу Шан-

скому. Сказывалъ намъ бояринъ нашъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій: писали де къ нему отъ Шатцкія его вотчины отъ села Сотницы на приказный человѣкъ его Ѳедоръ Порошинъ извѣщала де ему крестьянка Савкина жена Томахина Авдотья Харламова дочь на крестьянку на Савкину дочь Кожевникова на Огаѳьицу, что та Огаѳьица многихъ людей испортила, килы присаживаетъ и невстанихи пускаетъ. Да она жъ де Агаѳьица съ сестрою своею Овдотьицею вѣдовствомъ своимъ испортила и уморила до смерти Ѳедора Севергина. Да та же де Агаѳьица вѣдовствомъ уморила крестьянина Степашка Шахова, да Портила земскаго дьячка Пишшику, да присадила килу сестры своей Овдотьицы къ деверю къ Степашкѣ. И всему де тому дурну учила ее Огаѳьицу сестра ея Овдотьица да сестры ея Овдотьицы свекоръ Терешка, и Овдотьицынъ свекоръ живетъ въ селѣ Лотковинѣ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ Шатцкаго уѣзда боярина нашего князя Никиты Ивановича Одоевскаго вотчины его села Сотницына крестьянку Савкину жену Томахина Овдотьицу и Савкину дочь Кожевникова Агаѳьицу и съ села Лоткозина мужика Терешку Ивлева и сноху его Овдотьицу взялъ въ Шатцкой, и противъ Овдотьицына извѣту женку Агаѳьицу и сестру ея Овдотьицу и мужика Терешку съ очи на очи ставилъ, и вѣдовствѣ, и въ порчахъ, и во всякомъ дурнѣ распрашивалъ и пыталъ накрѣпко, кого имяны и какихъ людей они портили, и до смерти уморили, и къ кому имяны килы присаживали и невстанихи дѣлали, и кто съ ними иные такое дурно дѣлали, и гдѣ и у кого именемъ такому вѣдовству и всякому дурну училися. И будетъ мужикъ Терешка и женка Агаѳьица и сестра ея Авдотьица въ роспросѣ и съ пытокъ въ вѣдовствѣ и въ иномъ какомъ дурнѣ учнутъ на кого говорить и ты бъ тѣхъ людей сыскавъ съ мужикомъ Терешкою и съ женками съ Агаѳьицею и съ Овдотьицею съ очи на очи ставилъ и распрашивалъ накрѣпко. И кто дойдетъ до пытки, и ты тѣхъ потому жъ пыталъ и огнемъ жегъ. А что мужикъ Терешка и женки Агаѳьица и Овдотьица или иные какіе люди въ роспросѣ и съ пытки скажутъ, и ты бъ то все велѣлъ записать подлинно, да о томъ къ намъ отписалъ и роспросныя и пыточныя рѣчи прислалъ, и велѣлъ отдать въ Разрядъ думнымъ нашимъ дьякамъ Ивану Гавреневу, да Михаилу Волошенинову, да дьяку Григорью Ларіонову. А колодниковъ держалъ въ Шатцкомъ въ

тюрьмѣ съ большимъ береженьемъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7156 Октября въ 8-й день.

Государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи холопъ твой Гришка Шанскій челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 156 году Октября въ 19-й день прислана ко мнѣ х. т. твоя государева т. грамота изъ Разряда за приписью твоего государева думного дьяка Михаила Волошенинова. А по твоей государевѣ грамотѣ велѣно мнѣ х. т. твоего государева боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго Шатцкаго уѣзда вотчины его села Сотницына крестьянокъ Савкину жену Томахина Авдотьицу и Савкину дочь Кожевникова Агаѳьицу и села Лоткозина мужика Терешку Ивлева и сноху его Овдотьицу велѣть взять въ Шатцкой и противъ Овдотьицы на извѣту женку Агаѳьицу и сестру ея Авдотьицу и мужика Терешку съ очи на очи ставить, и въ вѣдовствѣ, и въ порчѣ, и во всякомъ дурнѣ распрашивать, и пытать накрѣпко, кого именемъ и какихъ людей они портили, и до смерти уморили, и кому именемъ и какимъ людямъ килы и невстанихи дѣлали, и гдѣ и у кого именемъ такому вѣдовству и всякому дурну училисъ. И будетъ мужикъ Терешка и женка Агаѳьица и сестра ея Авдотьица въ роспросѣ и съ пытки въ вѣдовствѣ и въ иномъ какомъ дурнѣ учнутъ на кого говорить, и тѣхъ людей сыскавъ съ мужикомъ Терешкою и съ женкою Агаѳьицею и съ сестрою ея Овдотьицею съ очи на очи ставить, и распрашивать накрѣпко. И кто дойдетъ до пытки, и тѣхъ велѣно потому жъ пытать и огнемъ жечь. И по твоей государевѣ т. грамотѣ привелъ ко мнѣ холопу твоему въ Шатцкой въ съѣзжую избу твоего государева боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго приказный человѣкъ Ѳедоръ Порошинъ Шатцкаго уѣзда твоего государева боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго вотчины его села Сотницына крестьянокъ Савкину жену Томохина Авдотьицу и Савкину дочь Кожевникова Агаѳьицу; а про Овдотьицу Терешкину сноху Ивлева приказный человѣкъ Ѳедоръ Порошинъ сказалъ, что та Овдотьица сбѣжала изъ села Сотницына до его Ѳедорова пріѣзду Порошина при прежнемъ приказномъ человѣкѣ при Ѳедорѣ Севергинѣ. А въ деревню Лоткозино по мужика Терешку Иванова посылалъ я холопъ твой изъ Шатцкаго пушкаря Евтюшку Семенова съ товарищи, и пушкарь Евтюшка Семеновъ съ товарищи пріѣхалъ въ Шатцкъ, а съ собою привелъ ко мнѣ х. т. въ съѣзжую избу мужика Терешку Ивлева, и я

х. т. женку Агаѳьицу съ мужикомъ Терешкою Ивлевымъ съ очи на очи ставилъ, и про всякія порчи распрашивалъ, и по роспросу пыталъ. А что женка Агаѳьица и мужикъ Терешка въ роспросѣ и съ пытки говорили, я х. т. тѣ ихъ роспросныя и пыточныя рѣчи, подклея подъ сю отписку, послалъ къ тебѣ Г. къ Москвѣ, а отписку и роспросныя и пыточныя рѣчи велѣлъ подать въ Разрядѣ твоемъ государевымъ думнымъ дьякамъ Ивану Гавреневу, да Михаилу Волошенинову, да дьяку Григорью Ларіонову; а женку Агаѳьицу и мужика Терешку Ивлева велѣлъ я х. т. держать въ тюрьмѣ до твоего государева указу съ большимъ береженьемъ. (На оборотѣ:) 156 года Ноября въ 17-й день бояре приговорили мужика и женку пытать накрѣпко въ другіе, и будетъ они съ пытки станутъ говорить прежнія свои рѣчи и нечего не прибавятъ, дать имъ отца духовнаго и, причастя святыхъ Божьихъ тайнъ, велѣть сжечь. 156 года Октября въ 25-й день по государевѣ т. грамотѣ изъ Разряда за приписью думнаго дьяка Михаила Волошенинова воевода Григорій Ивановичъ Шанскій поставя передъ собою въ Шатцкомъ въ съѣзжей избѣ Шатцкаго уѣзду вотчины боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго села Сотницына крестьянку Савкину дочь Кожевникову Агаѳьицу про вѣдовство и про всякія порчи распрашивалъ и въ роспросѣ она Агаѳьица сказала: килы де она Агаѳьица присаживала и невстанихи напускала, да она же де Агаѳьица съ сестрою своею Овдотьицею испортила и уморила до смерти вотчины боярина князя Никиты Ивановича Одоевтого жъ села Сотницына приказнаго его человѣка Ѳедора Севергива, да она жъ Агаѳьица уморила крестьянина Степашка Шохова, да портила земскаго дьячка Шишику и тотъ де земскій дьячекъ живъ, да она жъ де Агаѳьица присадила килу сестры своей Авдотьицы къ деверю къ Степашку. И всему де тому дурну учила де ее Агаѳьицу сестра ея Авдотьица да сестры ея Авдотьицынъ свекоръ Терешка Ивлевъ, а тотъ де Терешка живетъ въ Шатцкомъ уѣздѣ въ деревнѣ Лоткозино за Ишмаметомъ мурзою Исинѣевымъ; а сестра де моя Авдотьица испортила Ѳедора Севергина со мною вмѣстѣ, и та де сестра ея Авдотьица бѣжала изъ села Сотницына во 155 году до Ѳедорова пріѣзду Порошина, а куда де она бѣжала и она Агаѳьица того не вѣдаетъ. Того жъ числа боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго села Сотницына крестьянка Савкина дочь Кожевникова Агаѳьица съ Ишмаметовымъ крестьяниномъ

мурзы Исинѣева съ Терешкою Ивлевымъ сыномъ ставлено и про вѣдовство и про порчу и про всякое дурно распрашивана, и съ очной ставки Савкина дочь Кожевникова Агафьица про вѣдовство и про всякія порчи пытана и въ роспросѣ и съ пытки сказала тѣ жъ рѣчи, что и въ роспросныхъ ея рѣчахъ написаны. Да съ очной же ставки и съ пытки Ишмаметевъ крестьянинъ мурзы Исинѣева Терешка Ивлевъ сынъ про вѣдовство и порчу сказалъ: килы присаживать и невстаниху напускать училъ онъ Терешка Савкину дочь кожевникова Агаѳьицу и сестру ея Авдотьицу, а самъ де онъ Терешка людей не порчивалъ. А учился всему тому худому дурну на рѣкѣ на Волгѣ на стругахъ, и онъ де то слыхалъ у судовыхъ ярыжковъ, а на чьихъ стругахъ хаживалъ по рѣкѣ Волгѣ и въ которомъ году и у кого именемъ, и онъ Терешка того не упомнитъ: было де, то давно въ молодые годы. Да онъ же Терешка сказалъ: сноха моя Авдотьица пасынка моего Якушкина жена Ѳедорова изъ вотчины боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго изъ селъ Сотницына бѣжала во 155 году до Ѳедорова пріѣзду Порошина при прежнемъ приказномъ человѣкѣ при Ѳедорѣ Севергинѣ, куды де бѣжала, и онъ Терешка того не вѣдаетъ; а пасынокъ де его Якушко изъ села Сотницына пошелъ въ вольные казаки на Донъ во 154 году. Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи въ Шатцкой воеводѣ нашему Григорью Ивановичу Шанскому. Ноября въ 17-й день писалъ еси къ намъ, что по нашему указу Шатцкаго уѣзда боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго вотчины его села Сотницына женка Агаѳьица да Шатцкаго уѣзда Ишмаметъ мурзы Ишнѣева деревни Лоткозины мужикъ Терешка Ивлевъ пытаны и съ пытки женка Агаѳьица сказала о томъ, что она килы присаживала и невстаниху напускала, да она жъ де съ сестрою своею Авдотьицею испортила и уморила до смерти боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго вотчины его Состницына приказнаго человѣка Ѳедора Севергина, да она жъ де Агаѳьица уморила крестьянина Степашка Шахова и испортили земскаго дьячка Шишику, да она жъ де присадила килу сестры своей къ Авдовьицыну деверю къ Степанкѣ; а всему де тому дурну учила ее Агаѳьицу сестра ея Овдотьица да сестры ея Одотьицынъ свекоръ Ишмаметевъ крестьянинъ мурзы Исинѣева деревни Лоткозины Терешка Ивлевъ; а сестра де ея Агаѳьицына Авдотьица изъ села Сотницына сбѣжала во 155 году послѣ того,

какъ они испортили прикащика Ѳедьку Севергина, а куды сестра ея сбѣжала, того она Агаѳьица не вѣдаетъ. А Ишмаметъ мурзы Исинѣева деревни Лоткозины крестьянинъ Терешка Ивлевъ въ роспросѣ и съ пытки сказалъ Савкину де дочь Кожевникова Агаѳьицу и сестру ея Овдотьицу, а свою сноху килы присаживать и невстанихи напускать училъ онъ Тереша, а самъ де онъ Терешка людей никого не порчивалъ, а учился де онъ Терешка той порчѣ и всякому дурну на Волгѣ, на судахъ слыхалъ у судовыхъ ярыжекъ, а на чьихъ судахъ на Волгѣ и въ которомъ году и у кого именемъ хаживалъ, того де онъ Терешка не упомнитъ; было де то давно, какъ онъ былъ въ молодыхъ лѣтахъ. А насынка де его Якушка Ѳедорова жена Овдотьица изъ вотчины боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго изъ сел. Сотниц. побѣжала во 155 году, а куда бѣжала того онъ Терешка не вѣдаетъ; а пасынокъ де его Якушко изъ села Сотницына сошелъ на Донъ во 154 году. И ты женку Агаѳьицу и мужика Терешку посадилъ въ тюрьму до нашего указу. И по нашему указу бояре наши женки Агаѳьицыны и мужика Терешки Ивлева роспросныя и пыточныя рѣчи слушали и приговорили мужика Терешку и женку Агаѳьицу въ вѣдовствѣ и въ порчахъ пытать въ другіе и огнемъ жечь. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ Савкину дочь Кожевникова женку Агаѳьицу и мужика Терешку Ивлева у пытки распросилъ и велѣлъ пытать накрѣпко и огнемъ жечь, кого имянемъ и какихъ людей они портили, и до смерти уморили и какимъ людямъ килы и невстанихи дѣлали, и кто съ ними иные люди такое дурно дѣлали, и гдѣ и у кого именемъ Терешка Ивлевъ такому вѣдовству и всякому дурну учился, и гдѣ нынѣ его Терешкина сноха и ея Агаѳьицына сестра Овдотьица. И будетъ женка Агаѳьица и мужикъ Терешка въ роспросѣ и съ пытки про женку про Овдотьицу, гдѣ она скажутъ, или въ вѣдовствѣ и въ порчахъ и въ иномъ въ какомъ дурнѣ учнутъ на кого говорить, и ты бъ женку Авдотьицу и тѣхъ людей, на кого они въ вѣдовскѣ и въ порчахъ учнутъ говорить, сыскавъ съ мужикомъ терешкою и съ женкою Агаѳьицею ставилъ съ очей на очи и распрашивалъ накрѣпко. И женка Овдотьица, или иной кто, дойдетъ до пытки, и тыбъ ихъ потому жъ пыталъ и огнемъ жечъ, а кто что въ роспросѣ и съ пытки скажутъ, и ты бъ то все велѣлъ записать подлинно, да о томъ къ нимъ отписалъ и роспросныя и пыточныя рѣчи при-

слалъ, и велѣлъ отдать въ разрядѣ дьякамъ нашимъ, а колодниковъ держалъ въ Шатцкомъ въ тюрьмѣ до нашего указу съ больщимъ береженіемъ. А будетъ женка Агаѳьица и мужикъ Терешка въ распросѣ и съ пытокъ учнутъ говорить прежнія свои рѣчи и ни на кого въ вѣдовствѣ не учнутъ говорить, и ты бъ женкѣ Агаѳьицѣ и мужику Терешкѣ, давъ отца духовнаго, велѣлъ ихъ причастить святыхъ Божьихъ таинъ, будетъ достоитъ, а причастя святыхъ Божьихъ таинъ, велѣлъ ихъ вывесть на площать и, сказавъ имъ ихъ на вину, богомерзское дѣло, велѣлъ ихъ на площади въ струбѣ, оболокши соломою, сжечь. Да о томъ къ намъ отписалъ, а женку Овдотьицу Терешкину сноху Ивлева велѣлъ сыскивать всякими обычаи накрѣпко, чтобъ однолично женку Овдотицу сыскать. И будетъ женку Овдотьицу сыщутъ, и ты бъ о томъ къ намъ отписалъ, а женку Овдотьицу держалъ въ большой крѣпости и береженьѣ до нашего указу. Писанъ на Москвѣ лѣта 7156 Ноября—въ день.

(На оборотѣ:) Роспросныя и пыточныя рѣчи боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго вотчины его села Сотницына крестьянокъ Савкино жены Томахина Авдотьицы да Савкиной дочери Кожевникова Агаѳьицы 156 года вершены.

12. Государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи холопъ твой Бѣженкаго верха губный старостишка Ѳедька Лопцовъ челомъ бьетъ. Въ прошломъ г. во 156 году Августа въ 27-й день прислана твоя государева т. грамота изъ Разряда за приписью дьяка Григорья Ларіонова ко мнѣ х. т. на челобитную Семена Яковлева. А по той твоей государевѣ грамотѣ велѣно мнѣ х. т. обыскать Бѣженкаго верха на посадѣ и въ уѣздѣ игумны, и православными попы, и всяких чиновъ служилыми и жилицкими людьми, которые живутъ около Семеновы деревни Яковлева верстъ по двѣ, по три, по пяти, и по шести, и больше, про Семенова крестьянина Яковлева, про Первушку Петрова, что тотъ Первушка коренье лихо и траву дурную у себя держитъ ли, и кореньемъ онъ Первушка испортилъ ли, и кого иныхъ тотъ Перушка травою и кореньемъ портилъ, и давноль и кого именемъ людей онъ портилъ, и Корнило Карякинъ давно ль нѣкою болѣзнью боленъ, и отъ Семенова ли крестьянина Яковлева та болѣзнь ему учинилась, и кое время и гдѣ и съ которою травою и кореньемъ онъ Первушка приведенъ былъ въ Бѣжинкомъ верху къ Якову Воронину, и ту траву взялъ и по-

казывалъ многимъ людямъ и конскимъ мастерамъ, и они сказываютъ та де трава конскій ленъ бекнорица и кмытъ. И я х. т. посылалъ обыскивать губного цѣловальника Микитка Пѣтухова, и онъ обыскивалъ. И привезъ ко мнѣ х. т. обыски за руками. И я х. т. тѣ обыски послалъ къ тебѣ Г. къ Москвѣ съ сею отпискою, и велѣлъ подать въ Разрядѣ твоимъ государевымъ дьякамъ думному Ивана Гавреневу да Григорью Ларіонову. (На оборотѣ:) взять къ отпуску. Губный старостишка Θедоръ Лопцовъ руку приложилъ. Лѣта 7159 Іюля въ—день по государевѣ т. грамотѣ исъ Разряда за приписью дьяка Григорья Ларіонова и по наказной памяти Бѣжецкаго верха губного старосты Θедора Михайлова сына Лопцова сказали въ обыску по государеву т. крестному цѣлованью городскому губному цѣловальнику Никитѣ Карпову сыну Пѣтухову Θедора Ивановича Ловчикова приказщикъ Θома Савельева, да староста Василій Мельникъ, да крестьяне Михайло Ивановъ, Карпъ Ивановъ, Иванъ Григорьевъ, Семенъ Матвѣевъ, Григорій Ивановъ, Степанъ Григорьевъ, Сергѣй Михайловъ, Кирилъ Ивановъ, Андрей Елизарьевъ, и всѣ крестьяне сказали: того мы Семенова крестьянина Яковлева Иванова сына Первушку Петрова знаемъ, что онъ Первушка коновалъ, и кругъ лошадей стряпаетъ, и руду мечетъ; а траву дурную и коренье лихое держитъ ли или нѣтъ, того мы не вѣдаемъ, и кого тотъ Первушка портилъ или нѣтъ, того мы не вѣдаемъ же; а Корнила Неупокоева сына Карякина портилъ или нѣтъ, того мы не вѣдаемъ же; а отъ Неупокоя Карякина про то явокъ никакихъ не слыхали и ни отъ кого. То наши и рѣчи. Обыскъ и тѣ рѣчи писалъ городника посаду дьячекъ Богданка Степановъ сынъ Телѣгинъ. (Далѣе слѣдуетъ продолженіе обыска съ перечисленіемъ многочисленныхъ фамилій Н. Н.).

13. Государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи холопъ твой Сенька Болховской челомъ бьетъ Въ нынѣшнемъ государь во 157 году ноября въ день писалъ ко мнѣ х. т. хотмышской изъ Рыльска воевода князь Андрей Солнцевъ, что ноября г., въ 6 день изыманъ въ Рыльскѣ на перевозѣ воръ съ крадеными лошадьми, а въ роспросѣ де г. тотъ воръ сказался хотмышанинъ сынъ боярскій Гаврилка Ивановъ сынъ Мусинъ. Да у того жъ де г. вора Гаврилки Мусина въ карманцѣ сысканъ корень и про тотъ де корень онъ Гаврилка въ роспросѣ сказалъ, тотъ де корень онъ Гаврилка держитъ у себя для звѣринаго промысла. И я, х. т. по твоему государеву указу посылалъ съ хотмышскаго по того вора по хотмышанина сына боярскаго по Гаврилку Мусина въ Рылескъ поручиковъ его хотмышанъ дѣтей боярскихъ Якова Вешнякова съ товарищи, и къ воеводѣ ко знязю Андрею Солнцеву х. т. о томъ писалъ, чтобъ онъ твоему государеву указу того вора хотмышанина сына боярскаго Гаврилку Мусина прислалъ ко мнѣ х. т. съ порутчиками его съ Яковомъ Вешняковымъ съ товарищи. И ноября г. въ 20 день писалъ ко мнѣ х. т. въ хотмышской изъ Рыльска воевода князь Андрей Солнцевъ съ хотмышаны съ дѣтьми боярскими съ Яковомъ Вешняковымъ съ товарищи да съ ними прислалъ хотмышанина Гаврилку Мусина, а во отпискѣ его писано: который де корень у Гаврилки Мусина въ Рыльскѣ сысканъ въ карманцѣ, и тотъ де корень онъ княз. Андр. послалъ ко мнѣ х. т. съ тѣмъ же порутчикомъ съ Яковомъ Вешняковымъ. И я х. т. велѣлъ сыну боярскому Якову Вешнякову тотъ корень принесть въ съѣзжую избу. И тотъ г. сынъ боярскій Яковъ Вешняковъ въ роспросѣ сказалъ: корень де у него на дорогѣ у сонпаго изъ мошны вынялъ Гаврилка· И я х. т. велѣлъ его Гаврилку про тотъ корень у пытки роспросить, какой у него Гаврилки корень былъ. И въ роспросѣ г. онъ Гаврилка сказалъ: корень де онъ Гаврилка у себѣ держалъ для звѣринаго промысла. И я х. т. про его звѣриный промыселъ велѣлъ роспросить его Гаврилковыхъ сосѣдней хотмышанъ дѣтей боярскихъ, которые испомѣщены въ дер. Хотенеск. съ нимъ Гавриловскомъ вмѣстѣ Θедора Бошина съ товарищи, что онъ, Гаврилка для звѣринаго промысла на поля и въ лѣса и на рѣчки ходитъ ли и звѣрей бьетъ ли. И тѣ г. дѣти боярскіе сказали, что де за Гаврилкомъ Мусинымъ звѣринаго промысла никакого нѣтъ. И я х. т. въ томъ корени велѣлъ его Гаврилку пытать для какого волшебнаго дѣла онъ Гаврилка тотъ корень держалъ. И съ пытки г. онъ Гаврилка ни въ чемъ не винился. И я х. т. велѣлъ его Гаврилка до твоего государева указу дать на крѣпкія поруки съ записью, что ему Гаврилкѣ до твоего государева указу изъ хотмышскаго никуда не сбѣжать, и тотъ г. Гаврилка давъ поруку съ записью изъ Хотмыжскаго бѣжалъ, безвѣстно невѣдомо въ которую сторону, и о томъ мнѣ х. т. что ты г. укажешь. (На обор.:) 157 года ноября въ 13 день).

14. Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа Русіи

въ Бѣлгородъ воеводѣ нашему Тимоѳею Ѳедоровичу Бутурлину. Вѣдомо намъ учинилось, что въ Бѣлѣгородѣ и въ иныхъ городахъ и уѣздахъ мірскіе всякихъ чиновъ люди и жены ихъ и дѣти въ воскресные и въ господскіе дни и великихъ святителей во время святаго пѣнья къ церкви Божьей не ходятъ, и умножилось въ людяхъ во всякихъ пьянство и всякое матерное и бѣсовское дѣйство, глумленье и скоморошество со всякими бѣсовскими играми и вѣдовствомъ, и отъ тѣхъ сатанинскихъ учениковъ въ православныхъ христіанахъ учинилось многое неистовство, и многіе люди забыли Бога и православную христіанскую вѣру, тѣмъ прелестникамъ и чародѣямъ послѣдуютъ, на безчинное ихъ прельщенье сходятся по вечерамъ, и по всенощныхъ позорищахъ на улицѣ и на поляхъ, и богомерзкихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ мужского и женскаго пола и до сущихъ младенцевъ, а иные прелестники мужскаго и женскаго пола въ городахъ и уѣздахъ бываютъ со многимъ чародѣйствомъ и волхованьемъ, и многихъ людей тѣмъ своимъ чародѣйствомъ и волхованьемъ прельщаютъ и портятъ, а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ вдовъ къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтямъ, и тѣ волхвы надъ больными и надъ младенцами чинятъ всякое бѣсовское волхованье, и отъ правовѣрья православныхъ христіанъ отлучаютъ, да въ городахъ и въ уѣздахъ отъ тѣхъ прелестниковъ отъ малоумныхъ людей дѣлается бѣсовское сонмище, сходятся многіе люди мужскаго и женскаго пола позоромъ, и въ ночи чародѣйствуютъ солнечного всхода перваго дни луны смотрятъ, и въ громовое громленье на рѣкахъ и въ озерахъ купаются, чаютъ себѣ отъ того здоровья, и прочія всякія безчинства дѣлаютъ. И мы в. г. жалѣя о православныхъ христіанахъ, велѣли отъ богомерзкихъ дѣлъ заказъ учинить, чтобъ православные христіане отъ такого бѣсовскаго дѣйства отстали. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ въ воскресн. не въ одинъ день велѣлъ быть въ соборную церковь игуменамъ чернымъ и мірскимъ попамъ, и головамъ стрѣлецкимъ, и сотникамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и всяк. служилымъ и жилецкимъ людямъ, которые съѣдутся къ торговому промыслу для своихъ дѣлъ, и сю нашу грамоту велѣлъ имъ прочитать не по одинъ всѣмъ вслухъ и приказалъ, чтобъ въ городахъ въ слободахъ и въ уѣздахъ мірскіе и всякихъ чиновъ люди и жены ихъ и дѣти въ воскрес. и въ господ. дни и великихъ святител. къ церкви Божьей къ

пѣнью приходили, и по ночамъ на улицѣхъ и на поляхъ богомерзкихъ и скверныхъ пѣсень не пѣли, и никого безчинства и чародѣйства не дѣлали; а которые люди отъ того богомерзкаго дѣла не отстанутъ и учнутъ и впредь такого богомерзкаго дѣла держаться и по нашему указу тѣмъ людямъ велѣно дѣлать наказанье. И гдѣ такое безчинство объявится, или кто на кого такое безчинство скажутъ, и ты бъ тѣхъ велѣлъ бить батоги, а которые люди отъ такого безчинства не отстанутъ, будутъ чинить такія богомерзкія игры впредь, и ты бъ ослушниковъ велѣлъ бить батоги; а которые люди отъ того не отстанутъ, и объявятся въ такомъ въ третьи и въ четвертые, и тѣхъ по нашему указу велѣно ссылать въ украинные города. А одноличпо бъ еси нашу грамоту всякихъ чиновъ людямъ велѣлъ прочесть по многіе дни, чтобъ нашъ указъ о богомерзкихъ и чародѣйныхъ играхъ всякихъ чинов. люд. город. и уѣзд. былъ вѣдомъ, и съ сей нашей грамоты списки слово розослалъ въ станы и въ волости, и велѣлъ тѣ списки по торгамъ прочитать многижды, чтобъ сей нашъ крѣпкій заказъ вѣдомъ былъ всѣмъ людямъ. А какъ въ Бѣлгородѣ по сему нашему указу всякихъ чиновъ людямъ о богомерзкихъ дѣлахъ заказъ учинишъ, и его тебѣ противъ того духовнаго чину и мірскіе люди скажутъ, и ты бъ о томъ къ намъ отписалъ. А только ты по сему нашему указу дѣлать не станешь, и тебѣ отъ насъ въ великой опалѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7157 Декабря въ 3-й день.

15. Государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи холопъ твой Захарка Ростиславскій челомъ бьетъ въ прошломъ государь во 161 году февраля въ 17-й день билъ челомъ тебѣ т. стольникъ Ѳедоръ Михайловъ сынъ Ладыженскій, а мнѣ х. т. подалъ въ съѣзжей избѣ челобитную за своею рукою, а въ челобитьѣ его пишетъ въ прошломъ во 160 году послѣ Дмитріева дни женилъ де онъ двороваго своего человѣка Ваську Иванова, а послѣ Рождества Христова женилъ другого своего человѣка Амельку Младеновскаго, и тѣхъ г. людей его обоихъ на свадьбахъ перепортили, совокупленье у нихъ съ женами отняли. И послѣ де того его Ѳедоровъ крестьянинъ вологодской вотчины деревни Красковой Сенька Васильевъ сынъ плотникъ почелъ похваляться передъ Ѳедоровыми людьми пьянъ, что тѣхъ его людей на свадьбахъ перепортилъ онъ Сенька. И онъ де Ѳедоръ, слышавъ про его такое воровство, пригрозилъ ему накрѣпко и велѣлъ его посадить на цѣпь, и руки и ноги велѣлъ

сковать въ желѣзо. И тотъ вологодскій крестьянинъ Сенька плотникъ сказалъ: тѣхъ дея Ѳедоровыхъ людей, Амельку Младеновскаго и Ваську Иванова излечу, и велѣлъ къ себѣ принесть чесноку. И онъ де Ѳедоръ Ладыженскій для извѣдыванья его воровства, впрямь ли за нимъ такое воровство есть, велѣлъ ему дать чесноку. И тотъ его крестьянинъ Сенька плотникъ далъ его людямъ Амелькѣ Младеновскому да Васькѣ Иванову по три зуба чесноку и велѣлъ имъ съѣсть. И тѣ Ѳедоровы люди отъ того исцѣлѣли. И то его Сенькино воровство стало знатно, что онъ Ѳедоровыхъ людей портилъ да излечилъ. И Ѳедоръ Ладыженскій прислалъ своего крестьянина въ Алексинъ къ роспросу въ съѣзжую избу, и я х. т. того Ѳедорова крестьянина вологодской вотчины Сеньку Васильева сына плотника въ съѣзжей избѣ роспрашивалъ, и тотъ Ѳедоровъ крестьянинъ противъ челобитной Ѳедоровой во всемъ запирался. И я х. т. тѣ его роспросныя рѣчи послалъ къ тебѣ в. г. къ Москвѣ подъ отпискою, а отписку г. и роспросныя рѣчи велѣлъ подать въ Разрядъ и марта государь съ 20 числа о томъ Ѳедоровѣ крестьянинѣ Ладыженскаго ко мнѣ х. т. въ Алексинъ октября по 16 число не бывало указу и о томъ г. мнѣ х. т. о Ѳедоровѣ крестьянинѣ, что ты г. укажешь. (На оборотѣ:) Послать въ Алексинъ грамоту и велѣть отписать, котораго числа Ѳедоръ Ладыженскій его прислалъ и съ кѣмъ про то въ листѣ писалъ, и челобитье и роспросныя рѣчи прислать, а подъ отпиской роспросныхъ рѣчей нѣтъ.

(162 года октября въ день.)

16. Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи холопъ твой Самошко Исуповъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 161 году февраля въ 27-й день прислана твоя государева царева и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи грамота въ Карпово ко мнѣ х. т. за приписью твоего государева дьяка Григорія Ларіонова. А въ твоей государевѣ грамотѣ написано: велѣно мнѣ х. т. сказать карповцамъ и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ у приказныя избы не по одинъ день и въ торговые г. дни велѣть бирючамъ проклинать не по одинъ же день, что въ польскихъ и въ украинныхъ и въ уѣздахъ многіе незнающіе люди, забывъ страхъ Божій и не памятуя смертнаго часу и не чая себѣ за то вѣчныя муки, держать отреченныя еретическія, и гадательныя книги, и письма и заговоры, и коренья, и отравы, и ходять къ колдунамъ и

ворожеямъ, и на гадательныхъ книгахъ костьми ворожать, и тѣми кореньми, и отравы, и еретическими наговоры многихъ людей на смерть портятъ, и отъ тое ихъ порчи многіе люди мучатся разными болѣзньми и помираютъ, и карповцы бъ, государь, всякихъ чиновъ служилые и жилецкіе люди, и ихъ жены, и дѣти съ ними, по твоему государеву указу, отъ такихъ ото всѣхъ богомерзкихъ и злыхъ дѣлъ отстали. А у кого какія отреченныя и еретическія письма были, и они бъ тѣ письма сожгли, и въ нынѣшній въ великій постъ ко отцамъ духовнымъ приходили безо всякаго сумнѣнья, и впредь никакихъ богомерзкихъ дѣлъ не держались и тѣ бъ г. отреченныя и еретическія книги, и письма, и заговоры, и гадательныя книжки, и коренья, и отравы пожгли, и къ вѣдунамъ, и къ ворожеямъ не ходили, и никакого вѣдовства не держались, и костьми и инымъ ничѣмъ не ворожили, и людей не портили. А которые г. люди съ сего твоего государева указу отъ такихъ злыхъ и богомерзкихъ дѣлъ не отстанутъ, и писемъ, и коренья, и отравъ не сожгутъ, и послѣ г. нынѣшняго твоего государева указу отреченныя еретическія письма, и книги, и коренья, и отраву учнутъ у себя держать или учнутъ къ вѣдунамъ и къ ворожеямъ ходить, или вѣдовства какого держаться и костьми и инымъ чѣмъ учнуть ворожить или, которые учнуть людей портить, и по твоему государеву указу такихъ злыхъ людей и враговъ Божіихъ велѣно въ стругахъ сжечь безо всякія пощады и домы ихъ велѣно разорить до основанья, чтобъ г. впредь такіе злые люди и враги Божіи и злыя ихъ дѣла николи нигдѣ не воспомянулись. И я х. т. тотъ твой государевъ указъ всякихъ чиновъ собравъ многихъ людей въ торговый день сказалъ того жъ числа февраля въ 27-й день и въ иные г. торговые дни не по одинъ день бирючамъ кликать велѣлъ же. (На оборотѣ:) Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи 161 года Марта въ 13-й день подалъ сотникъ Василій Ребенинъ.

17. Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи холопъ твой Ивашко Языковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. въ 161 году Апрѣля въ 5-й день прислана мнѣ твоя государева т. грамота на Осколъ ко мнѣ х. т. изъ Разряда за приписью твоего государева дьяка Ивана Сѣверова. А въ твоей горударевѣ грамотѣ указано: велѣно мнѣ х. т. всякихъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ у приказныя избы, сказать не въ одинъ день, и въ торговые дни велѣть

бирчамъ прокликать не по одинъ день, для того—вѣдомо учинилось, что на осколѣ многіе незнающіе люди, забывъ страхъ Божій"... (и т. д. дословно тоже, что и въ столбцѣ № 361 Н. Н.). А какъ на Осколѣ я х. т. всякихъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ твой государевъ указъ скажу, и мнѣ бъ х. т. о томъ къ тебѣ г. отписать съ иными твоими государевы дѣлы. И въ нынѣшнемъ г. во 161 году Марта въ 22-й день писанъ ко мнѣ х. т. съ Яблонова твой государевъ бояринъ князь Григорій Семеновичъ Куракинъ о томъ на Осколѣ велѣно всякимъ людямъ сказать и по твоему государеву т. указу я х. т. на Осколѣ всякихъ чиновъ служилымъ и жилецкимъ людямъ у приказныя избы твой государевъ указъ сказывалъ не въ одинъ день, и въ торговые дни велѣлъ биричемъ прокликать многіе дни, чтобъ они съ нынѣшняго твоего государева указу отъ такихъ отъ всякихъ злыхъ и богомерзкихъ дѣлъ отстали, и у кого такіе отреченные и еретическіе письма были и они бъ тѣ письма сожгли, и въ нынѣшній въ великій постъ ко отцамъ духовнымъ приходили безо всякаго сумнѣнья, и впредь никакихъ богомерзкихъ дѣлъ не дѣлали, и отреченные еретическіе письма и заговоры, и гадательныя книжки, и коренья, и отравы пожгли, и къ вѣдунамъ и къ ворожеямъ не ходили, и костьми инымъ чѣмъ не ворожили, и людей не портили. И тотъ твой государевъ указъ всякимъ людямъ Осколеномъ вѣдомъ.

18. Государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу все Русіи холопъ твой Мишка Ушаковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 162 году октября въ 22-й день билъ челомъ тебѣ государю т., а ко мнѣ х. т. пришелъ въ съѣзжую избу и извѣщалъ мценскій петровскій попъ Василій мценскаго петровскаго монастыря на игуменова сына Аничька да на успенскаго церковнаго дьячка на Ивашку Панкратьева сына; а въ съѣзжей избѣ въ роспросѣ своемъ передо мною х. т. сказалъ: были де дѣти его Васильевы Филька да Ивашка на монастырѣ, а пришли де къ игумену въ келью для ключа, и игуменовъ де сынъ Аничька да успенскій дьячекъ Ивашко поднесли дѣтямъ его браги, а въ брагѣ де смѣшено невѣдомо какое отравное зелье и они Г., испивши той травы, стали внѣ ума. Да того жъ числа билъ челомъ тебѣ государю т., а ко мнѣ х. т. въ съѣзжую избу пришелъ и извѣщалъ словесно мценскій стрѣлецъ Ивашко Казеевъ; а сказалъ: пришелъ де братъ его Ѳедька домой и подѣялось ему невѣдомо что, деретъ де на стѣну и рубаху на себѣ

деретъ. А слышалъ де онъ, что поили его въ монастырѣ у игумена въ кельѣ его игуменовъ сынъ Аничька да успенскій дьячекъ попа Панкратья сынъ Ивашка невѣдомо какимъ зельемъ; а что Г. они въ распросѣ передо мною х. т. сказали, и я х. т. тѣ ихъ распросныя рѣчи и извѣсныя челобитныя и осмотръ за руками, подклея подъ сю отписки, послалъ къ тебѣ Г. къ Москвѣ со мценскимъ разсыльщикомъ съ Кондрашкомъ Плотниковымъ. А тѣхъ, государь, дьячковъ игуменова сына Анички, да успенскаго дьячка Ивашка, да мечнянина Дементья Авихмина велѣлъ я х. т. дать ихъ на поруки до твоего государева указу. И о томъ Г. мнѣ х. т. какъ укажешь, а сю Г. отписку велѣлъ я х. т. подать въ Разрядѣ твоему государеву думному дворянину Ивану Афанасьевичу Гавреневу, да дьякамъ думному Семену Заборовскому, да дьякомъ Григорью Ларіонову, да Ивану Сѣверову.

162 года Октября въ 25-й день пришелъ въ съѣзжую избу передъ воеводу передъ Михаила Алексѣевича Ушакова мценскій петровскій попъ Василій и извѣщалъ мценскаго жъ петровскаго монастыря на игуменова сына на Аничку да на успенскаго дьячка на Ивашку Панкратьева сына, а сказалъ: были де дѣти мои, Филька да Ивашко на монастырѣ и пошли де они просить ключа въ келью къ игумену, и игуменовъ де сынъ Аничька да Успенскій дьячекъ Ивашко поднесли дѣтямъ моимъ браги, а въ брагѣ смѣшено невѣдомо какое отравное зелье, дѣти мои, испивъ у нихъ той браги, стали внѣ ума.

И того жъ числа по извѣсту мценскаго петровскаго попа Василья посылалъ съѣзжей избы подьячаго Ананья Лепендина тѣхъ его Васильевыхъ дѣтей Фильку да Ивашку досматривать, и по его осмотру тѣ его Васильевы дѣти лежатъ безъ памяти, и не говорятъ, и вскоча дерутся на стѣну. Этого жъ числа билъ челомъ государю (т.), а въ съѣзжей избѣ воеводѣ Михаилу Алексѣевичу Ушакову словесно мценскій стрѣлецъ Ивашко Казѣевъ, а сказалъ: пришелъ де братъ мой Ѳедька къ себѣ домой и подѣялось ему невѣдомо отъ чего, дерется на стѣну и рубаху на себѣ деретъ, а слышалъ де я, что поилъ его въ монастырѣ у игумена въ кельѣ его игуменовъ сынъ Аничька да успенскаго попа Панкратья сынъ его Ивашко невѣдомо какимъ пойломъ. И по челобитью мценскаго стрѣльца Ивашка Козѣева посылалъ мценскія съѣзжія избы подьячаго Ананья Лепендина брата его Ѳедьку Козѣева осматривать, и по осмотру онъ Ѳедька лежитъ безпамятно, и не говоритъ, и вскоча дерется на стѣну

162 года Октября въ 26-й день ставъ въ съѣзжей избѣ передъ воеводою передъ Михаиломъ Алексѣевичемъ Ушаковымъ мценскаго петровскаго монастыря игуменовъ Пафнутьевъ сынъ, по извѣту тогожъ мценскаго петровскаго монастыря попа Василья сказалъ: въ нынѣшнемъ де во 162 году Октября въ 22 день пришелъ де къ намъ въ келью успенскій дьячекъ Иванъ Панкратьевъ сынъ, а принесъ де невѣдомо какую траву и сыпалъ де у насъ въ брагу, и я де тою брагою поилъ попа Васильевыхъ дѣтей Филиппа да Ивана и сестру свою дѣвку Феврошку да мценскаго стрѣльца Өедора Казѣева. Къ сей скызкѣ петровскаго монастыря игуменъ Пафнутій въ сына своего мѣсто руку приложилъ. Того жъ числа ставъ въ съѣзжей избѣ передъ воеводою передъ Михайломъ Алексѣевичемъ Ушаковымъ мценскаго успенскаго попа Панкратья сынъ его Ивашко въ роспросѣ своемъ сказалъ противъ извѣта петровскаго попа Василья: въ нынѣшнемъ де во 162 году былъ де я у праздника у Покрова пресвятыя Богородицы у мечнянина у Дементья Русинова сына Авихмина, и у него Дементья растетъ на огородѣ трава незнаемая, и поилъ де онъ Дементій тою травою гостей своихъ, и я де не знаючи сорвалъ у него той травы, и привезъ во мценскъ, и давалъ де я въ кельѣ на кружку и игуменову сыну Аничькѣ, и сыпали де тое траву мы съ нимъ въ брагу и поили де тою брагою мценскаго стрѣльца Өедора Казѣева да попа Василья дѣтей Фильку да Ивашку. Къ симъ распроснымъ рѣчамъ Успенскій попъ Панкратій вмѣсто сына своего Ивашка руку приложилъ.

162 года Ноября въ 21-й день ставъ въ съѣзжей избѣ передъ воеводою передъ Михаиломъ Алексѣевичемъ Ушаковымъ мечнянинъ Дементій Русиновъ сынъ Авихминъ распрашиванъ по сказкѣ церковнаго дьячка Ивашка Панкратьева сына Попова, а въ роспросѣ своемъ сказалъ: въ прошломъ де во 161 году ѣхалъ де я изъ города изо Мценска домой и подлялъ де я на дорогѣ траву невѣдомо какую и привезъ де ее домой, и тое де траву ребята изволокли на огородъ, и она де узрѣла. Незавѣдомо де я ее привезъ къ себѣ. И то де дьячекъ Ивашко тое траву рвалъ ли или нѣтъ, и я де того не вѣдаю; а я де той травы ему не давалъ и не знаю де я какая она; а гостей де я о Покровѣ тою травою не паивалъ, и больше ничего не знаю. Къ симъ роспроснымъ рѣчамъ Васька Богдановъ вмѣсто Дементья Русинова сына Авихмина по его велѣнью руку приложилъ.

19. Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу бьетъ челомъ сирота твоя бѣдная, вдова горькая Ржевы Володимеровы Матренка Микифорова дочь. Въ прошломъ, государь, во 162 году посажена я бѣдная въ тюрьму изъ Разряду по ложному воровскому умышленному извѣту, по не дружбѣ гулящаго человѣка Исачка, а отцу его имя пропамятовала, и сидячи Г. въ темницѣ умираю напрасно съ голоду и со всякой темничной нужи, а вины Г., я бѣдная на себя никакія не вѣдаю опроче его Исайковы недружбы и побранки, и въ роспросѣ Г. я ничего на себя не говорила. Милосердый государь т. пожалуй меня сироту свою бѣдную вдову вели Г. тотъ мой приводъ и роспросныя рѣчи взнесть передъ своихъ государевыхъ бояръ передъ князя Григорья Семеновича Куракина съ товарищи и по роспросу свой государевъ указъ учинить и меня бѣдную вдову изъ темницы свободить, чтобъ мнѣ бѣдной въ напрасномъ заключеньи съ темничной нужи безъ покаянія не умереть. Царь, государь, смилуйся. (На оборотѣ:) государь пожаловалъ велѣлъ взнесть къ боярамъ. И того же числа женка вдова Матренка съ Васильева двора Чеглокова взята въ Разрядъ, и противъ Исачкова извѣту Онтипова роспрашивана, а въ роспросѣ сказала: Матренкою зовутъ Микифорова дочь, ржевитина посадскаго человѣка Исаевская жена Оголнишникова; изо Ржевы де они сошли и жили на Костромѣ, а давноль она замужъ шла и сколько замужемъ была того не упомнитъ, а съ Костромы пришла она къ Москвѣ и на Москвѣ живетъ лѣтъ съ 13 и больше въ разныхъ мѣстахъ, кормится своею работою, шьетъ портное, а Васька де Медвѣдевъ приходя къ ней по добротѣ жилъ съ нею блуднымъ дѣломъ лѣтъ съ 13. И тому де денъ съ 10 Васька Медвѣдь привелъ съ собою на дворъ того мужика Исачка пьянаго, и жилъ де онъ съ ними денъ съ 10, а приходили де они домой по вся дни пьяны, а гдѣ пили, того она не вѣдаетъ. А что онъ Исачко на нее Матренку затѣявъ своимъ воровскимъ умысломъ взвелъ на нее вѣдовство, и она де Матренка того ничего не знаетъ и не вѣдаетъ, и никакимъ воровствомъ не промышляетъ и никакія волшебныя хитрости не знаетъ. И знатно де то, что онъ такое воровство извѣщаетъ на ней пьянскимъ обычаемъ напрасно, а она де плется изъ виноватыхъ на отца сво-

его духовнаго на Успенскаго попа Аѳанасія, да на князя Ивана, княжъ Ѳедорова сына Шеховскаго, да на Ивана Ѳедорона сына Голенищева съ братомъ, да на князя Алексѣя Лыкова, да на Микиту Васильева сына Калтырева, да на князя Семена, княжъ Васильева сына Мосальскаго въ томъ, что тѣ люди ее знаютъ и воровства за ней никакого не видали, да окольные многіе люди ее знаютъ же, что за нею никакого дурна и хитрости нѣтъ. И мужикъ Исачко Онтиповъ съ женкою Матренкою съ очей на очи ставлены, а на очной ставкѣ мужикъ Исачко говорилъ тѣ жъ свои прежнія рѣчи, какъ онъ пришелъ на Васильевъ дворъ Чеглокова жить къ Васькѣ Медвѣдеву, и ему такое привидѣнье въ подклѣтьѣ и въ конюшнѣ видѣлось, а мнѣньемъ мнитъ, что ему учинилось такое привидѣнье отъ тое вдовы Матренки и и отъ ея плутовства. А женка Матренка съ Исачкомъ на очной ставкѣ запиралась и говорила прежнія свои рѣчи, что за нею никакого дурна нѣтъ и не бывало и никакихъ волшебныхъ причтъ отнюдь не знаетъ. 162 года августа въ 18 день сотникъ стрѣлецкій Яковлева Приказу Соловцова Савва Ждановъ привелъ въ Разрядъ мужика, а сказалъ приказали де ему бояре князь Михайло Петровичъ Пронскій съ товарищи того мужика въ Разрядѣ роспрашивать и рѣчи его записать. И приводный мужикъ въ Разрядѣ роспрашиванъ, а въ роспросѣ сказался Исачкомъ, зовутъ Онтиповымъ, родомъ лушенинъ, живалъ по разнымъ городамъ, и тому нынѣ съ годъ пришелъ къ Москвѣ, и на Москвѣ живетъ въ разныхъ мѣстахъ, кормится своею работою, могилы копаетъ и мертвыхъ носитъ, и тому нынѣ недѣль съ 10 на Кружечномъ дворѣ спознался онъ съ Ваською Медвѣдевымъ, а какого чину Васька того онъ Исачко не вѣдаетъ, а слухомъ слышалъ, что Васька напередъ сего служилъ во дворѣ у Семена Мосальскаго, а сказалъ ему Васька, что живетъ на дворѣ у Василья Александрова сына Чеглокова, а съ нимъ живетъ гулящая женка вдова Матренка Микифорова дочь; и тому де нынѣ денъ съ 10 привелъ его Васька съ собою на Васильевъ дворъ Чеглокова и жилъ онъ Исачко съ женкою съ Матренкою, а та де женка Матренка вѣдуетъ. Тому де денъ съ 4 легъ онъ Исачко спать съ ними въ подклѣти, и почело де въ подклѣти быть свѣтло и послѣ того темно, что мгла, и съ избы дранины почало драть, и онъ де Исачко отъ нихъ изъ подъ клѣти вышелъ въ конюшню, и около де конюшни почалъ быть шумъ, и показался де ему лѣсъ великій и дубравы большія и люди многіе землю толкутъ и сѣютъ, а кажется де что на Дѣвичьемъ полѣ; и онъ де Исачко изъ конюшни пришелъ къ нимъ же въ подклѣть и легъ на лавкѣ, и почело ему видѣться, что та женка Матренка показала себѣ правую руку и на персты дунула и въ подлѣти де почали быть луны и свѣтлость большая, и видѣлось де ему, что сидятъ многіе косматые и сѣютъ муку и землю, и показалось де ему лѣсъ и дубравы великія и отъ того де его Исачка обнялъ страхъ и ужасъ великой. И на утріе де говорилъ онъ Исачко вдовѣ Матренкѣ, что она его Исачка въ такой страхъ и ужасъ ввела. И она де Матренка ему сказала: есть де за нею и иныя причты, учнетъ де она то дѣлать, чего человѣку и въ умъ не вмѣстится; и онъ де Исачко на вдову Матренку въ той ея волшебной хитрости извѣщалъ боярамъ князю Михаилу Петровичу Пронскому съ товарищи, чтобъ вдову Матренку взять въ Приказъ и про ея волшебство роспросить, а Васька де Медвѣдевъ сегодня умеръ. Августа въ 20 день мужикъ Исачко изъ Разряда свобоженъ, а женка Матренка послана въ тюрьму Богданова Приказу Коковинскаго съ стрѣльцомъ съ Кондрашкомъ Ѳедоровымъ да съ Еремкомъ Анисимовымъ.

(Г.) бояринъ князь Михайло Петровичъ Пронскій съ товарищи.

20. Государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа великія и бѣлыя и малыя Росіи самодержцу холопи твои Васька Унковскій, Илюшка Кириловъ челомъ бьютъ. Въ прошломъ, государь, *во 171 году*, билъ челомъ тебѣ т. стольникъ князь Михайло княжъ Ѳедоровъ сынъ Шейдяковъ, а намъ х. т. въ съѣзжей избѣ подалъ челобитную, а въ челобитной его написано: въ прошломъ де, государь, во 171 году волею Божьею занемогъ онъ князь Михайло и жена его и при:едъ де къ нему князь Михайлу люди его, дворовые сказали на дворовую жъ его женку Ѳеньку, что та женка портила его князь Михаила и жену его, травами и кореньемъ окармливала. И онъ де князь Михайло по ихъ извѣту тое женку допрашивалъ, и та де женка Ѳенька не заперлась, что его князь Михаила и жену его портила и травами и кореньемъ окармливала, и травы де и коренья принесла къ нему, чѣмъ его князь Михаила и женку его портила и окармливала, и чтобъ ты, великій государь, пожаловалъ его, велѣлъ тое женку роспросить. И мы, холопи твои, тое женку роспрашивали, а въ роспросѣ сказала: Ѳенькою де ее

зовутъ, Тимоѳеева дочь, его князь Михаилова дворовая женка, Микифоркова жена Иванова. А про коренье и траву сказала: тому де нынѣ годъ, украла де она Ѳенька у князь Михайловы жены княгини Катерины кресты и перстни, и тѣ де кресты и перстни въ тожъ время у ней Ѳеньки вынели и за то ей Ѳенькѣ отъ княгини Катерины было наказанье. И съ тѣхъ де мѣстъ стала она Ѳенька мыслить и такихъ людей изыскивать, чтобъ ей кто далъ травы и коренья, чтобъ де до нея княгиня Катерина по прежнему была добра. И она де Ѳенька ходила въ деревню Скрипино къ крестьянкѣ Дарьицѣ Ѳедоровѣ дочери Нестерковѣ женѣ Исаева, и отравахъ, и о кореньяхъ ее спрашивала, буде у нея есть или кого вѣдаетъ, чтобъ она ее промыслила. И она де Дарьица сказала, что такія травы и коренья, что княгиня Катерина къ ней Ѳенькѣ будетъ добра есть, у брата ея, Дарьицына, Надыру Мурзина крестьянина Кутумова у Трошки Ѳедорова. И по тому де слову, она Ѳенька, съ нею Дарьицею къ тому Трошкѣ ходила дважды, и Трошка де у себя, такія травы и коренья сказалъ, и въ тѣ де поры онъ имъ тѣхъ травъ и коренья не давалъ, обязался принести самъ къ сестрѣ своей. И послѣ де того Трошка къ той сестрѣ своей такія коренья принесъ, а она де Ѳенька въ то время прилучилась у ней Дарьицы въ дому, и тотъ де Трошка показалъ ей 3 корешка, и одинъ корешекъ при ней Ѳенькѣ истеръ въ горшкѣ, и отдалъ ей Ѳенькѣ, и велѣлъ ей тое траву давать княгинѣ Катеринѣ въ яствѣ, а два корешка велѣлъ ей у себя на вороту носить. И тое де траву она Ѳенька, давала княгинѣ Катеринѣ въ яствѣ, въ ухѣ въ два пойма, и въ квасу тое траву подавала жъ, и отъ того де она княгиня лежала въ два пойма недѣли по двѣ. А смертныхъ де кореней она у него Трошки и ни у кого не прашивала и въ мысли де у ней на смерть испортить не было. А князь Михайлу де она тое травы и никому иному не давывала жъ, а тотъ де Трошка, тое траву и коренье далъ ей наговоря. И та г. женка Дарьица и братъ ее Трошка сысканы и противъ женкиныхъ Ѳенькиныхъ рѣчей роспрашиваны порознь, а въ роспросѣ женка Дарьица стольника князь Михаилова крестьянка Мещерскаго, и братъ ея Надыръ Мурзы крестьянинъ Кутумова Трошка Ѳедоровъ сказали, что де они женкѣ Ѳенькѣ никакихъ травъ и коренья не давывали и у себя де такихъ травъ и коренья не держатъ и во всемъ запираются. А какъ г. тотъ крестьянинъ Трошка былъ не сысканъ и въ его мѣсто взятъ правой крестьянинъ Алешка

Семеновъ, и тотъ Алешка сказалъ, что онъ де за нимъ Трошкою
никакого воровства и вороженья не вѣдаетъ. И тѣ г. привод-
ные люди не пытаны, потому что стольникъ князь Михайло
Шейдяковъ, поѣдучи на твою в. г. службу били челомъ тебѣ
в. г., а намъ холопямъ твоимъ за своею рукою подалъ челобит-
ную, а въ челобитьѣ его написано, что де г. безъ него князь
Михаила за тѣмъ дѣломъ ходить некому, а какъ де онъ съ твоей
в. г. службы пріѣдетъ, и онъ де тебѣ в. г. будетъ о томъ дѣлѣ
челомъ бить. И мы х. т. тѣхъ приводныхъ людей безъ твоего
государева указу пытать не смѣемъ и о томъ напередъ сего къ
тебѣ в. г. къ Москвѣ въ Разрядъ писали мы х. г. не однова и
до твоего в. г. указу розданы они за приставы. И о томъ что
ты в. г. намъ х. т. укажешь. (На обор.:) великій государь ука-
залъ отписать къ нимъ же, чтобъ они про тѣ травы, и про ко-
ренья, и про порчи женку, и крестьянина, и иныхъ такихъ лю-
дей, кого въ томъ дойдетъ распрашивали, и сыскивали всякими
сыски на крѣпко. А буде кто дойдетъ пытать велѣлъ, чтобъ того
воровствства до пряма, а какъ сыскъ учинится во всемъ, и они бъ
ему великому г. писали и изъ подлиннаго дѣла перечневую вы-
писку прислали съ кѣмъ пригоже. 172 года августа въ 3 день.
Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича (т.) въ Яро-
славль, воеводѣ нашему Василью Яковлевичу Унковскому, да
дьяку нашему Ильѣ Кирилову. Въ нынѣшнемъ во 172 году
августа въ 3 день писали вы къ намъ в. г. въ прошломъ во
171 году по челобитью князь Михаила княжъ Ѳедорова сына
Шейдякова взята у него князь Михаила въ съѣзжую избу дво-
ровая его женка, человѣка его Микифоркова, жена Иванова
Ѳенька, въ воровской травѣ и въ кореньяхъ, что де та женка
Ѳенька тою травою и кореньемъ портила его князь Михаила
и жену его князь Михаилову. И та его женка въ роспросѣ не
запиралась, траву и коренье въ яствѣ и въ питьѣ ему князь
Михаилу и женѣ его князь Михаиловѣ давала, а взяла де она
ту траву и коренье стольника у князь Михаиловы крестьянки
Мещерскаго у Нестерковы жены Исаева Дарьицы, да у брата ея
у родного у Дарьицына Надыръ мурзы крестьянина Кутумова
у Трошки Ѳедорова, и та де женка Дарьица и братъ ея Трошка
во всемъ запирались. И какъ къ вамъ вся наша в. г. грамота
придетъ, и вы бъ про тѣ травы, и про коренья, и про порчи
женку, и крестьянина, и иныхъ, до кого въ томъ дойдетъ и про
иныхъ такихъ роспрашивали, и сыскивали всякими сыски. А бу-

деть кто доведется до пытки, и вы объ ихъ велѣли пытать накрѣпко, чтобъ одноличио про то доискаться до пряма, а сыскавъ про то къ намъ, в. г. писали вскорѣ перечневую выписку изъ подлиннаго дѣла за своею прислали, а отписку и выписку велѣли подать въ Разрядѣ дьякомъ нашимъ думному Дементью Башмакову да Ѳедору Грибоѣдову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7172 августа въ 9 день. А у подлинной грамоты припись дьяка Ѳедора Грибоѣдова. Такова государева грамота послана съ ярославскимъ подьячимъ Маркомъ Петровымъ).

21. Государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу х. т. Бориско Репнинъ съ товарищи челомъ бьютъ. Въ прошломъ г. во 173 году декабря въ 26 день прислана твоя т. грамота изъ Разряда къ намъ, холопямъ твоимъ, въ Бѣлгородъ за приписью дьяка Ѳедора Грибоѣдова, а въ твоей в. г. грамотѣ написано: указалъ ты в. г. подлинное дѣло Умая Шамордина съ черкешаниномъ съ Кондрашкомъ Леонтьевымъ для вершенья послать съ Москвы къ намъ х. т., въ Бѣлгородъ, и потому дѣлу велѣно учинить по твоему в. г. и по соборному уложенью дочего доведется, и о томъ къ тебѣ в. г. велѣно намъ х. т., писать въ Разрядъ. А въ дѣлѣ г. Умая Шамордина, каково прислано къ намъ х. т., въ Бѣлгородь за приписью дьяка Ѳедора Грибоѣдова нынѣ съ обыску сумскихъ жителей всякихъ чиновъ людей 1452 человѣка сказали въ прошломъ во 168 году довотчикъ и бунтовщикъ Кондрашко Леонтьевъ да Ивашко Швейда Дороѳейко Безрукій съ твоими не со многими людьми воровскую черницкую раду чинили и кто не пойдетъ въ раду тѣхъ людей побить хотѣли до смерти, и Кондрашка Леонтьевъ чародѣя къ себѣ принималъ и чародѣйствовалъ и съ того де бою многіе люди къ нему Кондрашкѣ поневолѣ въ раду приходили, а для того Кондрашка бунтъ и раду заводилъ и чародѣя къ себѣ принималъ и чародѣйствовалъ, чтобъ ему Кондрашкѣ быть въ Суминѣ полковникомъ. Да во 173 году генваря въ 20 день били челомъ тебѣ т., а намъ х. т. въ Бѣлгородѣ въ съѣзжей избѣ подали двѣ за руками челобитныя суминскіе всякихъ чиновъ люди жъ, а въ челобитныхъ ихъ написано: будучи де Кондрашко Леонтьевъ въ Суминѣ полковникомъ воровалъ и для своего воровскаго умышленья держалъ у себя во дворѣ чародѣя черкашенина Ѳеська Крестиченка. И тотъ воръ, живучи у него Кондрашка, за одно воровалъ, чары чинилъ, а нынѣ де имъ вѣдомо учинилось, что Кондрашка

Леонтьевъ живетъ въ Бѣлгородѣ и присылаетъ въ Сумы тайно къ своимъ прежнимъ совѣтчикамъ, хотя по прежнему бунты и заводы чинить, и городъ до конца погубить, и пустъ учинить. И суминскіе де жители, слыша его Кондрашковы бунтъ и городовое разоренье, и боясь его Кондрашка, идутъ розно, а иные изготовились идти, и чтобъ ты в. г. ихъ пожаловалъ, не велѣлъ ему Кондрашкѣ за его воровство и чародѣйство и за бунты у нихъ въ Сумахъ и въ сумскомъ уѣздѣ нынѣ и впредь быть, а жену его Кондрашкову и товарища его Ѳеска Крестиченка изъ Сумъ взять, гдѣ ты в. г. укажешь. А только онъ Кондрашка будетъ въ Суминѣ или въ сумскомъ уѣздѣ, и они де отъ него Кондрашка и отъ товарища его вора и чародѣя черкашенина Ѳеська Крестиченка опасны, чтобъ онъ Кондрашка съ нимъ Ѳеськомъ надъ ними градскими людьми своимъ воровствомъ и чародѣйствомъ какого дурна не учинили. И по твоему т. указу мы х. т. по обыскамъ и позаручнымъ челобитнымъ Сумина города всякихъ чиновъ людей черкасъ Ѳеська Крестиченка и Кондрашка Леонтьева велѣли въ чародѣйствѣ распросить порознь и по роспросу буде межъ ими Кондрашкомъ и Ѳеськомъ въ чемъ учинится споръ дать очныя ставки и съ очной ставки пытать. И Кондрашка Леонтьевъ и Ѳеська Крестиченко распрашиваны, и пытаны, и огнемъ сжены. И въ чемъ на себя, и на которыхъ людей въ роспросѣ и съ пытки воровскія свои слова говорили, и тѣ люди сыскиваны жъ, и распрашиваны, и пытаны жъ. А что въ роспросѣ и съ пытки говорили, и о томъ къ тебѣ т. мы х. т. писали и Кондрашки Леонтьева и Ѳеська Крестиченка и тѣхъ людей, на которыхъ говорили роспросныя и пыточныя рѣчи, послали къ Москвѣ въ Разрядъ апрѣля въ 6 числѣ съ бѣлогородскимъ стрѣльцомъ съ Микиткою Ѳотьяновымъ, а черкасъ Кондрашку Леонтьева и Ѳеську Крестиченка и женку Наску велѣли мы х. т., держать за крѣпкими приставы и за караулы порознь въ Болховомъ, а черкашенинъ Филька Басовъ зять посаженъ въ тюрьму въ Бѣлгородѣ до твоего в. г. указу и о тѣхъ черкасахъ мая по—число твоего в. г. указу къ намъ х. т. въ Бѣлгородъ не прислано. Да апрѣля, государь, въ 21 день писалъ къ намъ х. т. изъ Болхового Петръ Голтяевъ, что черкашенинъ Кондрашка Леонтьевъ въ Болховомъ въ приказной избѣ умеръ, и былъ у него Кондрашка отецъ духовный. Апрѣля въ 23 числѣ извѣщалъ намъ х. т. въ Бѣлгородѣ въ приказной избѣ прапорщикъ Мосей Дьяконовъ, которому отданъ

былъ за пристава въ Болховомъ въ чародѣйствѣ Ѳеська Крестиченко, будучи де у него за карауломъ Ѳеська апрѣля въ 23 числѣ умеръ же. И мы х. т. прапорщика Мосея Дьяконова распрашивали, черкашенинъ Ѳеська будучи у него за приставомъ вина не опился ли, и зелья ему отравного кто не прислалъ ли, и не скорою-ль смертью умеръ. И прапорщикъ Мосей Дьяконовъ намъ х. т. въ распросѣ сказалъ, что тотъ де черкашенинъ умеръ не скорою смертью, и вина и зелья къ нему никто не приношивалъ, и язвъ на немъ никакихъ не было, и не удавился. Да мы жъ, х. т. писали въ Болховъ къ приказному къ Петру Голтяеву, чтобъ онъ Петръ Кондрашки Леонтьева отца духовнаго и караульщиковъ, которые приставлены были у тѣхъ черкасъ у Кондрашки Леонтьева и Ѳеська Крестиченко, допросилъ, которыми обычаи тѣхъ черкасъ не стало, не было ли у нихъ язвъ, и не удавились ли, и вина не опились, и зельемъ какимъ не отравлены ль, и иного какого дурна сами надъ собою не учинили ль. И апрѣля въ 24 день писалъ къ намъ х. т. изъ Болхова Петръ Голтяевъ, что по досмотру на Кондрашкѣ язвъ никакихъ нѣтъ и умеръ онъ Кондрашка своею смертью. Да апрѣля жъ де въ 25 да въ 26 да мая въ 15 числахъ писалъ къ намъ х. т. изъ Бѣлгорода Петръ Голтяевъ и прислалъ соборнаго покровскаго попа Карпа и караульщиковъ, которые у тѣхъ черкасъ приставлены были для береженья полковыхъ казаковъ и станичниковъ Ермолка Новаляева съ товарищи 8 человѣкъ, сказка за руками. а въ сказкахъ ихъ написано, что тѣ черкасы Конд. Леонтьевъ, Ѳеська Крестиченко померли за карауломъ своею смертью, а не опились, и никто къ нимъ отравнаго зелья не приношивалъ, и не удавились, и никакого дурна надъ собою не учинили, и они караульщики ото всякаго дурна ихъ берегли и смотрѣли накрѣпко. А Филька Босовъ зять и женка Наська, которые въ томъ же дѣлѣ пытаны до твоего великаго государя указу сидятъ: Филька въ Бѣлгородѣ въ тюрьмѣ, жен. Нас. за приставомъ въ Болховомъ, и о томъ дѣлѣ вели свой в. г. указъ учинить намъ х. т.

(На оборотѣ:) (174 года мая въ 6 день.)

Великій государь указалъ сослать на вѣчное житье Фильку въ Синбирскъ, а женку свободить. А буде до Умая дѣло не достало, выслать его на свою государеву службу въ сѣвскій полкъ тотчасъ. Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича т. боярину нашему и воеводамъ князю Борису Александровичу Репнину съ товарищи: Въ нынѣшнемъ во 174 году писали есте къ намъ в. г. черкасы Кондрашко Леонтьевъ, да Ѳеська Крестиченко Филька Басовъ зять, да женка Наська пытаны и огнемъ сжены. И послѣ де пытки Кондрашко и Ѳеська померли въ Болховомъ. И намъ, в. г. велѣти бъ объ ихъ Филькѣ и женкѣ нашъ в. г. указъ учинить. И какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, и ты бъ бояринъ нашъ и воевода князь Борисъ Александровичъ съ товарищи черкашенина Фильку Басова зятя велѣли изъ Бѣлгорода послать въ Симбирскъ съ провожатыми, а въ Симбирску велѣно ему быть на вѣчномъ житьѣ въ стрѣльцахъ. И нашъ в. г. указъ о томъ въ Симбирскъ къ стольнику и воеводѣ ко князю Ивану Дашкову посланъ изъ Приказа Казанскаго Дворца. А женку Наську изъ за пристава велѣли освободить. А Умая Шамордина велѣли выслать на нашу государеву службу въ Сѣвскъ въ полкъ къ стольнику и воеводамъ ко князю Юрью Петровичу Трубецкому съ товарищи. Буде до него Умая никакого дѣла нѣтъ, да о томъ о всемъ къ намъ в. г. писали, а отписку велѣли подать въ Разрядѣ дьякамъ нашимъ, думному Дементью Башмакову, да Ѳедору Грибоѣдову, да Василью Семенову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7174 іюля въ 1 день. Государю т. х. т. Бориско Репнинъ съ товарищи челомъ бьютъ. Въ прошломъ во 173 году окт. въ 27 числѣ прислана твоя т. грамота въ Бѣлгородъ къ намъ х. т. за приписью дьяка Ѳедора Грибоѣдова. а въ твоей в. г. грамотѣ написано: указалъ ты в. г. подлинное дѣло Умая Шамордина съ сумскимъ черкашениномъ съ Кондрашкомъ Леонтьевымъ для вершенья прислать ко мнѣ х. т. Бориску съ товарищи, что онъ Кондрашко билъ челомъ ото всѣхъ черкасъ ото всего города въ налогахъ и во многихъ взяткахъ въ прошломъ во 169 году, какъ онъ Умай будучи въ Сумахъ на Приказѣ сумскимъ черкасамъ чинилъ всякіе налоги иималъ съ нихъ черкасъ лошади, и волы, и всякую животину, а челобитныя у дѣла не за руками градскихъ людей, и по тому дѣлу Умаю Шамордину съ нимъ Кондрашкомъ велѣно твой великаго государя указъ учинить по твоему в. г. и по соборному уложенью до чего доведется, и что г. по тому дѣлу учинено имъ будетъ и о томъ къ тебѣ в. г. велѣно намъ х. т. писать въ Разрядъ. И Умай Шам. пріѣхалъ въ Бѣлгородъ въ томъ же числѣ, какъ прислана твоя в. г. грамота и дѣло. И съ того числа іюня по 25 число нынѣшняго 174 года былъ онъ въ Бѣлгородѣ, и сумскіе черкасы всѣмъ городомъ ска-

зали въ Бѣлгородѣ на Умая Шамордина противъ того дѣла, что билъ челомъ Кондрашко Леонтьевъ тебѣ в. г. ни въ какихъ своихъ налогахъ и во взяткахъ не били челомъ, а били челомъ тебѣ в. г. они сумскіе черкасы всемъ городомъ и подали въ Бѣлгородѣ мнѣ х. т. съ товарищи двѣ заручныя челобитныя на него Кондрашка во многомъ его воровствѣ и чародѣйствѣ. А въ челобитныхъ ихъ написано, что они на Умая Шамардина и нынѣ не челобитчики, а билъ челомъ тебѣ в. г. онъ Кондрашко безъ ихъ градскихъ людей вѣдома съ небольшими людьми съ пьяницы. А что г. его Кондрашково прежне воровство и чародѣйство и про то г. его воровство сыскивано, и съ кѣмъ онъ Кондрашко чародѣйствовалъ, и въ томъ они пытаны и о томъ о всемъ о къ тебѣ в. г. х. т. Бориско съ товарищи напередъ сего писалъ. А онъ Кондрашко и черкашенинъ Ѳесько Крестиченко послѣ пытки померли. А Умая Шамордина къ тебѣ т. мы х. т., къ Москвѣ отпустили іюня въ 27 день, потому что по дѣлу, которое прислано ко мнѣ, холопу твоему, съ товарищи по Кондрашкову челобитью и по его Кондрашковымъ роспроснымъ рѣчамъ до него Умая дѣло не дошло.

22. Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца въ Бѣлгородъ боярину нашему и воеводамъ князю Григорью Григорьевичу Ромадановскому съ товарищи: билъ челомъ намъ в. г. обоянецъ отставной стрѣлецъ Володька Кузнецовъ прежъ де сего обоянецъ Василій Чиркинъ чинилъ ему обиды и гонительства, а въ прошломъ во 176 году онъ же Василій научилъ жену свою Агаѳьицу сказать на жену его, будто приходила жена его къ той его Васильевой женѣ къ двору и научала ее чародѣйству высѣчь середку изъ козюльки и его Василья испортить. И въ томъ де поклепѣ безъ нашего великаго государя указу и безъ розыску жена его пытана, и выломанными де руками и нынѣ не владѣетъ, и приказный человѣкъ Яковъ Чеплыгинъ держитъ ее въ тюрьмѣ и по се число невѣдомо для чего, а нашего государева указу и свободы ей не учинитъ. И та де его Васильева жена Агаѳьица поклепавъ жену его въ застѣнку не была и не распрашивана, и намъ в. г. пожаловать бы его, велѣть ему о томъ нашъ великаго государя указъ учинить. И какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, и ты бъ, бояринъ нашъ и воевода, по челобитью Володьки Кузнецова учинилъ по нашему в. г. указу и по соборному уложенью, до чего доведется, а что учинено будетъ, о

томъ къ намъ в. г. писали въ Разрядъ съ иными дѣлы. Писанъ на Москвѣ лѣта 7178 апрѣля въ 21 день. Царю государю и великому князю Алексѣю Михаиловичу т. х. т. обоянецъ отставной стрѣлецъ Володька Кузнецовъ челомъ бьетъ: прежде г. сего чинилъ мнѣ бѣдному обиды и гонительства сусѣдъ мой обоянецъ Василій Чиркинъ, и въ прошломъ г. во 176 году онъ Василій научилъ жену свою Агаѳью желобницу сказать на женишку мою, будто приходила та женишка моя Овдотьица къ той его женѣ къ двору и научала ее чародѣйству высѣчь середку козюльки и его Василья испортить. И въ томъ поклепѣ женишка моя безъ твоего государева указу и безъ розыска пытана, и въ застѣнку на треть, и кнутомъ смертно изувѣчена, выломаными съ плечь руки не владѣетъ, по сю пору лежитъ на смертной постелѣ, да ее жъ приказный человѣкъ Яковъ Тимоѳеевъ сынъ Чеплыгинъ держитъ въ тюрьмѣ по се число, незнать для чего, а твоего государева указу ей не чинитъ, въ тюрьмѣ моритъ только одною смертью напрасно. А Васильева жена Агаѳья, поклепавъ женишку мою, въ застѣнку не была и не распрашивана. Милосердый государь т. пожалуй меня, бѣдного х. с. вели г. мнѣ по него Василья въ Обоянь и по жену его Агаѳью дать свою государеву грамоту, чтобъ его Василья изъ Обоянска за поруками прислать къ Москвѣ, а женишку мою вели г. изъ тюрьмы свободить, чтобъ ей, сидя въ тюрьмѣ въ напрасномъ поклепѣ, въ конецъ не погинуть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

(На оборотѣ:) 178 года марта въ 22 день дать о томъ в. г. грамоты въ Обоянскій.

23. Въ прошломъ во 174 году августа въ 8 числѣ къ великому государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу г. писали изъ Бѣлгорода бояринъ и воевода князь Борисъ Александровичъ Репнинъ съ товарищи. По указу великаго государя Умай Шамординъ да суминскій черкашенинъ Кондрашко Леонтьевъ и дѣло подлинное, что билъ челомъ онъ Кондрашка ото всего города на Москвѣ на Умая въ налогахъ и во взяткахъ прислано къ нимъ, боярину и воеводамъ въ Бѣлгородъ, велѣно по тому дѣлу Умаю указъ учинить по соборному уложенью до чего доведется, и по его боярина и воеводъ разсмотрѣнью у того дѣла челобитная на Умая не за руками. А Умай Шамординъ для вершенья того дѣла былъ въ Бѣлгородѣ октября 27 числа 173 года іюня по 24 число 174 года, а суминскіе черкасы всемъ го-

родомъ сказали, что они на Умаю напередъ сего не бивали челомъ, и нынѣ великому государю не челобитчики; а Кондрашко билъ челомъ безъ вѣдома. А били челомъ великому государю въ его суминскіе черкасы Кондрашка воровствѣ и въ чародѣйствѣ. А что Кондрашково воровство и чародѣйство, и съ кѣмъ онъ воровалъ и чародѣйствовалъ, и про то сыскивано, и онъ, Кондрашка, и товарищи его въ томъ пытаны, и съ пытки Кондрашко и черкашенинъ Өедорко Крестиченко номерли, и по его Кондрашкинымъ роспроснымъ и пыточнымъ рѣчамъ до Умая ни въ чемъ дѣло недостало. И онъ бояринъ и воевода Умая Шамордина отослалъ со отпискою къ Москвѣ.

24. 175 года Сентября въ 30 день сказалъ Іона Гаврилова сынъ Леонтьевъ, какъ я былъ у боярина и гетмана войска Запорожскаго Ивана Мартыновича Брюховецкаго въ Гадячѣ, и я понаслышался у сотника московскихъ стрѣльцовъ у Кирила Кокошева: бояринъ де и гетманъ Иванъ Мартыновичъ велѣлъ сжечь пять бабъ вѣдьмъ да шестую гадяцкаго полковника жену; а сжечь де ихъ велѣлъ, за то мнилъ по нихъ, то что онѣ его гетмана и жену его портили и чахотную болѣзнь на нихъ напустили. Да онъ же Кирила сотникъ мнѣ Іонѣ сказывалъ носятся де у нихъ въ Гадячѣ слова, будто бы де тѣ жь бабы выкрали у гетмановой жены дитя изъ брюха, а иная де баба вѣдьма и ухо жъ. А какъ де тѣ бабы сидѣли за карауломъ въ меньшомъ городѣ въ погребу, и отъ нихъ де изъ погреба бѣгивали мыши и кошки, и по городу бѣгаютъ многое время; а бѣгавъ де не знамо, гдѣ подѣваются. А какъ онъ, Іона, былъ у боярина и гетмана войска Запорожскаго у Ивана Мартыновича Брюховецкаго, и онъ ко мнѣ выхаживалъ боленъ гораздно. А сказку писалъ я, Іона, своею рукою.

25. Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу т. х. г. Любимка Кровковъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 181 году іюня въ 17 день билъ челомъ тебѣ, (т.) боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго человѣкъ его Никифоръ Микулинъ, а въ Шатцкомъ въ Приказной избѣ подалъ мнѣ х. т. челобитную и привелъ стольника Ивана Вельяминова шатцкаго его помѣстья села Высокихъ Полянъ съ конскаго его двора человѣка его скотника Нестерку Семенова сына поляка, а въ челобитной его написано: въ нынѣшнемъ де во 181 году іюня въ 14 день объявился въ шатцкомъ уѣздѣ въ деревнѣ Бреховѣ и въ селѣ Нестеровѣ вѣдунъ, тотъ Нестерка Полякъ. И ѣздя по

селамъ и деревнямъ, людей прельщаетъ и портитъ, и сказываетъ людямъ прельщеньемъ своимъ, гдѣ клады лежатъ. И пришодъ въ вотчину боярина князя Якова Никитича Одоевскаго въ село Нестерово къ приказному его человѣку Якову Косаковскому сказалъ ему Якову: я де тебя обогачу, есть де въ лѣсу подъ дубомъ лежитъ кладъ, и тотъ де кладъ ему Якову вынетъ. И поднесъ де ему Якову наговорную чарку вина: выпьетъ, такъ де и кладъ у него будетъ. И онъ де Яковъ то велѣнье Нестерки послушалъ, и наговорную чарку вина взялъ, и выпилъ. И съ той де чарки вина взяла его Якова рвота, и какъ де онъ тое наговорную чарку вина выпилъ, того жъ дни онъ Яковъ и умеръ. И онъ де Микифоръ того Вѣдуна Нестерку поимавъ привезъ въ Шатцкой, и чтобъ ты. великій государь, пожаловалъ его Микифора, велѣлъ того вѣдуна Нестерку принять и въ его вѣдунствѣ, и въ прельщеньѣ, и въ порчѣ Якова Косаковскаго распросить, и пытать, какимъ онъ вѣдунствомъ тое чарку вина наговаривалъ, и съ какою порчею ему Якову поднесъ и велѣлъ выпить. И того же, государь, числа противъ того его челобитья въ Шатцкомъ въ приказной избѣ передо мною, холопомъ твоимъ, тотъ приводный мужикъ стольника Ивана Вельяминова человѣкъ, его скотникъ Нестерка Полякъ распрашиванъ, а въ роспросѣ сказалъ: въ нынѣшнемъ де во 181 году іюня въ 14 день былъ де онъ Нестерка въ вотчинѣ боярина князя Якова Никитича Одоевскаго, въ селѣ Нестеровѣ, у прикащика у Якова Косаковскаго и сказывалъ де онъ ему Якову, что за селомъ Нестеровымъ на Мордовскомъ селищѣ. въ лѣсу, подъ дубомъ есть кладъ денегъ, и на томъ де Мордовскомъ селищѣ, въ лѣсу того села Нестерова съ старостою и съ прикащиковымъ сыномъ, имянъ имъ не вѣдаетъ, подъ тѣмъ дубомъ кладу не нашли. И послѣ де того тому прикащику Якову вина онъ Нестерка подносилъ безъ наговору просто. И послѣ де того на другой день тотъ прикащикъ Яковъ умеръ не съ его Нестеркова наговору. А въ шатцкихъ де селахъ и деревняхъ онъ Нестерка бывалъ для того, у которого де мужеска полу съ женою совѣта нѣтъ, и тѣмъ де людямъ онъ Нестерка на винѣ наговаривалъ и то наговорное вино пить давывалъ. Былъ де онъ въ селѣ Потапьевѣ дѣвки Прасковьи Михайловы дочери Вельяминова у крестьянина ея Якушки и лечилъ у него дочь женку, а имени не упомнитъ, и съ наговоромъ давалъ ей воды отъ скорби. И гдѣ де и у кого какая скорбь или младенческая скорбь же, и его де съ такое

дѣло будетъ, отъ наговору де его болѣзнь унимается. А еретичества и вѣдунства за нимъ злого нѣтъ, и многіе де люди его Нестерку для лекарства имовали. А въ иныхъ де мѣстахъ и въ городахъ кладовъ не сыскивалъ, а изъ села де Высокихъ Полянъ отпущалъ его Нестерку для наговорныхъ питей въ міръ прикащикъ Харитонъ Өедоровъ. И того жъ числа въ Шатцкомъ въ застѣнкѣ передо мною, холопомъ твоимъ, тотъ колдунъ Нестерка Полякъ у пытки на вискѣ распрашиванъ; а въ роспросѣ сказалъ: вотчины де боярина князя Якова Никитича Одоевскаго села Нестерова прикащику Якову Косаковскому, наговоря вина пить давалъ, и онъ де Яковъ того наговорнаго вина не пилъ и онъ де Нестерка то наговорное вино самъ пилъ, онъ де Яковъ той чарки достольного того наговорнаго вина полъ малго чарки выпилъ, на другой день того питья онъ Яковъ умеръ. Да онъ же Нестерка говорилъ на старомъ де Бреховскомъ селищѣ ворожбою и знатьемъ своимъ сыскать де онъ Иванову крестьянину Большово Брюхатова деревни Брюхатовой Минайку кладь 500 р. денегъ, а чей тотъ Минайка и прозвищемъ слыветъ, и того де онъ не упомнитъ, а ему де Нестеркѣ изъ того клада ничего не далъ. Да онъ же говорилъ села де Нестерова боярина князя Якова Никитича Одоевскаго староста, а имени ему не вѣдаетъ, и тотъ староста съ крестьяны съ Сенькою . . . . . да съ Кондрашкою подъ Мордовскимъ селищемъ подъ дубомъ вынули кладъ—котелъ денегъ съ 1000 руб. И тѣ де кладовыя деньги 1000 руб, у того старосты и у крестьянъ у Сеньки да у Кондрашки, а ему де Нестерку ничего жъ не дали, потому что онъ Нестерка тѣхъ кладовыхъ денегъ себѣ не емлетъ, только де взялъ онъ съ нихъ три ведра вина, развѣ де тотъ прикащикъ Яковъ умеръ отъ тѣхъ кладовыхъ денегъ, будетъ де далъ ему староста со крестьяны тѣхъ кладовыхъ денегъ, а не отъ наговору его умеръ, а отъ кладовыхъ денегъ умираютъ, какъ де кому кладъ дается. А что де Иванову крестьянину Брюхатова Минайку 500 руб. денегъ онъ Нестерка сыскалъ и тѣ деньги его жъ Иванова крестьянина Брюхатова Гораски портной мастера. И іюня г. въ 18 день билъ челомъ тебѣ, великому государю, боярина князя Никиты Ивановича Одоевскаго человѣкъ его Микифоръ Микулинъ, а въ Шатцкомъ въ приказной избѣ подалъ челобитную мнѣ х. т., а въ челобитной его написанно, что тотъ воръ Нестерка колдунъ боярина князя Якова Никитича Одоевскаго села Нестерова крестьянъ

Ларьку Семенова, Кондратку Поляка, Сеньку Селютина въ кладовыхъ деньгахъ оговорилъ напрасно съ приводу его. А по твоему в. г. указу и уложенью, кто какого вора приведетъ, и тотъ воръ станетъ въ роспросѣ и съ пытки говорить и клепать на того, кто его приведетъ, или людей его, или крестьянъ, и тому, по твоему в. г. указу и по соборному уложенью вѣрить не велѣно. И по тому твоему в. т. указу боярина князя Якова Никитича Одоевскаго тѣ крестьяне въ Шатцкой къ роспросу и къ очной ставкѣ не ставлены. Іюля въ въ 14 день въ застѣнкѣ передо мною х. т. тотъ приводный воръ Нестерка Полякъ у пытки про наговорное вино и про порченья прикащика Якова Косаковскаго распрашиванъ и пытанъ. А въ распросѣ и съ пытки тотъ воръ, колдунъ Нестерка говорилъ тѣ жъ рѣчи, что въ первомъ застѣнкѣ на вискѣ, говорилъ боярина де князя Якова Никитича Одоевскаго приказный его человѣкъ Яковъ Косаковскій умеръ не отъ его Нестеркова наговорнаго вина, наговаривалъ де онъ Нестерка ему Якову вина пить, и того де вина онъ Яковъ не пилъ, пилъ де самъ онъ Нестерка, а ему де Якову того наговорнаго вина оставилъ и далъ выпить полъ малыя чарки вина, а наговаривалъ де онъ не для порчи, а для здоровья, и послѣ де того питья вскорѣ онъ Яковъ и умеръ, а уморить де его Якова до смерти никто не вѣливалъ. А про кладовыя деньги онъ Нестерка сказалъ: указывалъ де имъ онъ спроста умомъ своимъ, а не ворожбою своею, а въ селѣ Нестеровѣ боярина князя Якова Никитича Одоевскаго староста со крестьяны подъ Мордовскимъ селищемъ да Ивановъ крестьянинъ Брюхатова Минайка кладовыя деньги вынились или нѣтъ, и того де онъ не вѣдаетъ, какъ де тѣхъ кладовыхъ денегъ они искали и землю рыли, и въ то де число онъ съ ними не былъ, а въ прежнихъ въ роспросныхъ своихъ рѣчахъ въ кладовыхъ деньгахъ себя и села Нестерова старосту со крестьяны клепалъ напрасно. А тому де приказчику Якову Косаковскому наговаривалъ онъ Нестерка на винѣ стихъ: „помилуй Христосъ и пречистая Богородица великая государыня, вступитесь за насъ грѣшныхъ на семъ свѣтѣ отцовою и матернею милостью, и съ міромъ крещеннымъ согрѣшили, и солнце праведное вступитеся за наши души грѣшныя, помилуй раба своего Якова отъ скорби и отъ болѣзни, даде ему благъ и здоровья во вѣки вѣковъ“ А больше де того стиха ему Якову на винной той чаркѣ ничего не наговаривалъ. Да онъ же Нестерка говорилъ, у котораго

де человѣка мужика полу съ женою совѣту нѣтъ и онъ де межь ими совѣтъ уставливалъ, посыловалъ женскаго полу по рѣчную воду и на той рѣчной не на питой водѣ наговаривалъ стихъ: „смилуйся пресвятая Богородица, вступись за насъ грѣшныхъ, буди милостива, за крой нетлѣнною ризою своею души наши грѣшныя, раба своего имя рекъ и рабу свою имя рекъ на семъ свѣтѣ закрой ихъ, дай имъ, Богородица, любовь межь ими и совѣтъ жити по старинѣ въ любви и, чтобъ имъ нынѣ и до вѣку жити въ совѣтѣ, и какъ де въ рѣкѣ вода въ ночи трижды причещается, такъ бы причещалась имрица къ мужу своему къ рабу своему имрику во дни и въ ночи и, въ часы куды ты рѣка течешь и тебѣ слава вѣчная, а тѣмъ имрекамъ мужу съ женою жительство вѣчное." А больше де того стиховъ у него не бывало. А ко младенцамъ де у него Нестерки наговоръ на водѣ не на питой же отъ скорби стихъ: „Вступись, Пресвятая Богородица за насъ грѣшныхъ, помилуй раба своего младенца имя рекъ отъ скорби и болѣзни и тяжкія нужды, дай ему здоровья отъ нынѣ и до вѣка." И взявъ де ту наговорную воду въ ротъ и, возрѣвъ на небо, изъ рота на того младенца спрыскивалъ, и отъ того де тѣхъ младенцевъ Богъ и миловалъ. А больше де того иныхъ стиховъ не вѣдаетъ, а тѣ де стихи даны ему отъ Бога, просто никто де его Нестерку не учивалъ и людей самъ онъ Нестерка колдовству своему ни къ какому дѣлу никого не учивалъ. И сверхъ г. того тотъ колдунъ, воръ Нестерка про вѣдунство его и про наговоры роспрашиванъ и пытанъ накрѣпко и больше того онъ въ роспросѣ и съ пытки ни въ чемъ не винился. И о томъ мнѣ х. т. что ты в. г. укажешь.

(На оборотѣ:) (182 года сентября въ 30 день.) Послать память въ Приказъ сыскныхъ дѣлъ къ стольнику къ Викулѣ Извольскому и съ сей отписки списокъ слово въ слово для розыску того дѣла.

Лѣта 7182 ноября въ 13 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича (т.) указу память стольнику Викулѣ Ѳедоворичу Извольскому да подьячему Василью Камезеву. Въ нынѣшнемъ во 182 году сентября въ 30 день писалъ къ великому государю изъ Шатцкаго Любимъ Кровковъ о вѣдунѣ о Нестеркѣ Полякѣ и в. г. указалъ для розыска того дѣла списокъ со отписки послать къ вамъ въ Приказъ Сыскныхъ дѣлъ, и по указу в. г. списокъ со отписки изъ Шатцкаго отъ

Любима Кровкова слово въ слово о вѣдунѣ Нестеркѣ за дьячею приписью изъ Разряда въ Приказъ сыскныхъ дѣлъ къ вамъ посланъ съ подьячимъ съ Михаиломъ и по государеву указу и памяти учинить о томъ по указу великаго государя.

26. Государю царю и великому князю Ѳедору Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу холопъ твой Тимошка Карауловъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 184 году марта въ 11 день привелъ въ Доброе городище въ приказную избу передъ меня х. т. Добраго городища Богородицкій попъ Давыдъ наймита своего добренца Мишку Кирѣева съ женою его Аринкою и сказалъ: въ прошлыхъ де годахъ и въ нынѣшнемъ во 184 году въ разныхъ числахъ объявилась у него попа Давыда въ горницѣ подъ потолкомъ заткнута въ углу коренья и земля, да тѣ же де коренья осмотрѣлъ онъ попъ и попадья его въ питьяхъ, въ брагѣ и въ квасу, а подносила де имъ то питье наймита его Мишкина жена Аринка. И отъ тѣхъ де отравныхъ кореньевъ попадья его Давыдова и дѣти кончаются смертью. А въ той де порчѣ невѣрка ему попу Давыду на того своего наймита на Мишку и жену его Аринку, и чтобъ ты в. г. пожаловалъ его Давыда, велѣлъ наймита его Мишку и жену его Аринку въ порчѣ и въ кореньяхъ распросить. И по твоему великаго государя (т.) указу и по челобитью попа Давыда наймитъ его Мишка Кирѣевъ про отравныя коренья и про порчу попадьи его Давыдовой и дѣтей въ приказной избѣ передо мною х. т. роспрашиванъ, а въ роспросѣ сказалъ: которая де земля и и коренья заткнуто было у него попа Давыда въ горницѣ подъ потолкомъ, и то де коренье и землю во 183 году затыкалъ вотчимъ его добренскій драгунъ Исайка Некиреевъ о святой недѣлѣ для того, чтобъ де онъ попъ Давыдъ со всею семьею посохли, и отъ той сухотной болѣзни они померли. А жена его Мишкина Аринка сказала: попадью его Давыдову и дѣтей дѣвокъ портила жъ, а отравныя коренья въ питьѣ во брагѣ и въ квасу питье давала. И по тому г. оговору по добренскаго драгуна по Исайку Некирѣева и по жену его, а по Мишкину мать по Агриненку посылалъ я х. т. добренскія приказныя избы подьячаго Евфима Семенова съ добренскими пушкарями. И того жъ г. числа подьячій Евфимъ Семеновъ съ добренскими пушкарями привели въ Приказную избу передъ меня х. т. Мишкина вотчима драгуна Исайку съ женою его Агрипенкою да съ ними жъ

принесли передъ меня, холопа твоего, толченыхъ травъ въ 12 узлахъ завязано да во 6 мѣшкахъ травы жъ, да отъ ружья заговоръ, написанъ въ маленькой тетрадкѣ, да пукъ разныхъ пяти травъ. А сказалъ онъ подъячій и пушкари, тѣ де травы и отъ ружья заговоръ взяли они у него жъ Исайки Некирѣева въ дому. И по тому г. его Мишкину оговору вотчимъ его Исайка Некиреевъ и мать его Агрипенка про порчу и про коренье роспрашиваны и пытаны. И что г. въ роспросѣ и съ пытки они говорили, и тѣ г. роспросныя и пыточныя рѣчи, и на нихъ челобитье Богородицкаго попа Давыда, и все подлинное дѣло за ихъ руками послалъ я х. т. къ тебѣ в. г. къ Москвѣ въ Разрядъ запечатавъ столбецъ съ добренскими дѣтьми боярскими съ Сергѣемъ Ковригинымъ съ товарищи, а отписку г. и роспросныя и пыточныя рѣчи велѣлъ подать въ Разрядъ дьякамъ думному Семену Титову, Василью Семенову, Петру Кавелину. А приводныхъ г. людей Мишку и вотчима его Исайку велѣлъ держать въ тюрьмѣ, а женъ ихъ за карауломъ до твоего в. г. указу. И о томъ г. мнѣ, х. т., что ты в. г. укажешь.

Государю царю и великому князю Θедору Алексѣевичу (т.) бьетъ челомъ богомолецъ твой Добраго городища Богородицкій попъ Давыдъ на наймита своего на Мишку Кирѣева и на жену его Аринку. Во прошлыхъ г. годахъ и въ нынѣшнемъ во 184 году въ разныхъ числахъ объявились у меня, богомольца твоего, въ домишку въ избѣ за потолкомъ въ углу заткнуты коренья и земля, а невѣрка мнѣ, богомольцу твоему, въ томъ волшебномъ кореньѣ на него наймита своего на Мишку и на жену его Аринку. А отъ того, государь, ихъ волшебства я богомолецъ твой и попадья моя и дѣти кончаются смертью лютою, болѣзнью. И тѣ коренья въ питьѣ, въ брагѣ и въ квасу осматривали не въ одно время. Милостивый государь т. пожалуй меня, богомольца своего, вели г. наймита моего Мишку съ женою въ Добромъ въ Приказной избѣ въ кореньяхъ и въ порчѣ роспросить, кто имъ тѣ коренья давалъ, и научалъ портить меня, и попадьишку мою и дѣтишекъ, чтобъ мнѣ, богомольцу твоему, отъ тѣхъ еретиковъ съ семьею и съ дѣтишки въ конецъ не погинуть и напрасною смертью не умереть, а по роспросу свой государевъ милостивый указъ учинить. Царь, государь, смилуйся, пожалуй. (На оборотѣ:) къ сей своей челобитной Богородицкій попъ Давыдъ руку приложилъ. (184 года марта въ 11 день роспросить противъ челобитной. 184 года апрѣля въ 13 день выписать изъ сего дѣла вѣдомость тотчасъ: 184 года марта въ 11 день Добраго городища Богородицкій попъ Давыдъ въ Добромъ въ Приказной избѣ воеводѣ Тимоѳею Леонтьевичу Караулову подалъ челобитную за рукою на добренца на Мишку Кирѣева и на жену его Аринку, который добренецъ Мишка у него Давыда съ женою живетъ въ наймитахъ, чтобъ его Мишку и жену его по той челобитной роспросить. И марта того жъ числа приводный дѣтина Мишка Кирѣевъ противъ его Давыдова челобитья въ порчѣ попадьи и дѣтей его Давыдовыхъ роспрашиванъ. И въ роспросѣ сказалъ: которыя де коренья и земля заткнуты были у него попа Давыда въ избѣ подъ потолкомъ и то де коренье и землю въ прошломъ во 183 году о святой недѣлѣ затыкалъ за потолокъ вотчимъ его добренскій драгунъ Исайка Некирѣевъ для того, чтобъ онъ попъ Давыдъ со всею семьею сохли и отъ той сухотной болѣзни они померли.

Да у него жъ де попа Давыда нынѣ въ великій постъ онъ Мишка клалъ коренья въ бѣлой горницѣ на кошку для того, чтобъ де онъ попъ Давыдъ съ семьею своею сохли и отъ той сухотной болезни померли. А далъ ему Мишкѣ то коренье вотчимъ его Исайко да мать его Агрипенка и велѣли ему Мишкѣ ихъ протить. Да жена же Мишкина Аринка завалявъ въ питье попадьѣ и дочерямъ его въ брагѣ и въ квасу коренья для того, чтобъ ихъ помортить, а заваляла де имъ нынѣшней зимы, а тѣ де коренья имала жена его у вотчима его у Исайьи да у матери его Мишкиной у Агрипенки, а у своей свекрови. Да онъ же Мишка живучи у него попа Давыда вынималъ изъ слѣдовъ землю и относилъ вотчиму своему Исайкѣ и матери своей для порчи жъ, а землю вынималъ изъ слѣдъ, гдѣ ходилъ попъ Давыдъ и попадья его. Къ симъ роспроснымъ рѣчамъ добренецъ Иванко Поифиловъ вмѣсто Мишкиной жены Кирѣевой Арины Еремѣевой дочери руку приложилъ.

Того жъ числа Мишкина жена Аринка противъ челобитья Давыда попа распрашивана, а въ роспросѣ сказала: въ нынѣшнемъ де году въ сентябрѣ она Аринка коренья во брагѣ и въ квасу попадьѣ Давыдовой и дочерямъ его пить давала по велѣнью свекрови своей Агрипенки. Да она жъ Аринка украла у попадьи кокошникъ да подубрусникъ и тотъ кокошникъ и подубрусникъ съ наговоромъ свекровь ея велѣла положить подъ столбъ и говорить: „каковъ де тяжелъ столбъ, такъ де

бы и подадьѣ было тяжело“, и она де Аринка то все учинила повелѣнью свекрови своей. Да она жъ де Аринка по наученью свекрови своей у попадьи изъ рубахи выдрала лоскутъ противъ сердца, и тотъ лоскутъ отнесла она къ свекрови своей для порчи жъ. Да она жъ де Аринка у Давыдовыхъ дочерей тянула у рукъ персты и приговаривала „чтобъ де бы имъ до замужества тѣми руками ни ткать, ни прясть.“ А велѣла ей то учинить свекровъ ея Аграфенки. Да ей же де Аринкѣ свекровь ея велѣла: „какъ де попадья пойдетъ изъ хоромъ, и ты де пойди ей въ стрѣчу, и молви ей тихонько приговоръ, и дунь на нее и ее де отшибетъ обморокъ“. И она де то все надъ попадью учинила. Къ симъ роспроснымъ рѣчамъ добренецъ Ивашка Понфиловъ вмѣсто Мишкиной жены Кирѣева Арины Васильевой дочери по ея велѣнью руку приложилъ. А которую де траву вынилъ попъ Давыдъ у себя въ дому, и ту де траву дала ей свекровь ея и велѣла давать тое траву попадьѣ и дѣтямъ ея въ питьѣ для порчи. Да она жъ де Аринка нынѣ въ великій постъ дала желтой травы въ питьѣ наймиту Давыдову Анискѣ, и онъ де пилъ, и отъ того де нынѣ сохнетъ. И марта того жъ числа противъ челобитья Доброго городища богородицкаго попа Давыда, а по оговору приводнаго его человѣка Мишки Кирѣева и жены его Иринки воевода Тимоѳей Леонтьевичъ Карауловъ посылалъ къ добренскому драгуну къ вотчиму его Мишкину къ Исайкѣ Некирѣеву въ домъ его для осмотру и выемки всякихъ травъ у коренья добренскія приказныя избы подъячаго Евфима Семенова да пушкаря Екима Барсукова съ добренскими караульщики. И того жъ числа подьячій Евфимъ Семеновъ и пушкарь Екимъ Барсуковъ принесли въ Доброе въ приказную избу въ кузовѣ толченныхъ всякихъ травъ въ узлахъ завязаны въ 12 узлахъ, да во 4 мѣшкахъ травы жъ, да отъ ружья заговоръ, написанъ на малой тетрадкѣ, да пукъ разныхъ пяти травъ, а сказали они, что де травы и отъ ружья заговоръ вынили они въ домѣ у добренскаго драгуна у Исая Некирѣева. Добренскія приказныя избы подьячій Ефимъ Семеновъ у добренскаго драгуна у Исайки Некирѣева въ дому въ узлахъ и въ мѣшкахъ толченныя коренья и пукъ разныхъ травъ сыскавъ принесъ въ Приказную избу вмѣстѣ съ Исайкою и руку приложилъ.

Марта того жъ числа по оговору Мишки Кирѣева и жены его Аринки добренскій драгунъ Исайка Ѳедоровъ сынъ Неки-

рѣевъ въ роспросѣ про отравныя коренья сказалъ: въ прошломъ де во во 183 году о святой недѣлѣ онъ Исайка у попа
Давыдова подъ потолокъ землю и коренья никакого не затыкивалъ, и для порчи пасынку своему Мишкѣ и снохѣ Аринкѣ
отравно коренья не давывалъ, и портить попа Давыда и попадью его и дѣтей ему, пасынку своему Мишкѣ, и снохѣ своей
Аринкѣ не веливалъ, тѣмъ де всѣмъ онъ Мишка и сноха его
Аринка клеплетъ напрасно. А про коренье, что у него Исайки
вынето, сказалъ, то де коренье его Исайка держалъ онъ отъ
пострѣла и отъ иныхъ болѣзней. А что де соль въ платкѣ завязана съ купоросомъ да съ каменемъ, тою де солью онъ Исайка
умываетъ себя и ребятъ своихъ. А про иныя про многія статьи
и про отравы, онъ Исайка сказалъ не знаетъ. А что де обернено въ листу корлукъ, и то де онъ сказалъ не знаетъ же. А
заговоръ де у него Исайки, что вынетъ, и тотъ де заговоръ
жены его Аграфены перваго мужа ея Кирюшки принесла жена
его съ собою. Къ симъ роспроснымъ рѣчамъ добренскія площади дьячекъ Панкрашка Дрожжинъ вмѣсто добренскаго драгуна Исая Некирѣева, по его велѣнью, руку приложилъ. И того жъ
числа Мишкѣ Кирѣеву въ застѣнкѣ съ вотчимомъ Исайкою
дана очная ставка, а съ очной ставки Мишка на вотчима своего
говорилъ прежнія свои рѣчи, а Исайка во всемъ запирался. И
марта того жъ числа добренскій драгунъ Исайка Некирѣевъ въ
застѣнкѣ пытанъ, дано десять ударовъ, а съ первой стряски да
съ десяти ударовъ сказалъ: пасынку де своему Мишкѣ и снохѣ
своей его Мишкиной женѣ коренья давалъ онъ Исайка и велѣлъ портить попа Давыда и попадью его и дѣтей, чтобъ отъ
того посохли и померли. И гдѣ попъ Давыдъ и попадья его
ходятъ изъ слѣдъ землю пасынку своему Мишкѣ вынимать велѣлъ, и онъ де Мишка изъ слѣдовъ землю, гдѣ онъ попъ Давыдъ и попадья его ходили, вынималъ и къ нему Исайкѣ землю
приносилъ, и онъ де Исайка тое землю съ наговоромъ у него
попа Давыда заткнулъ въ горницѣ подъ потолкомъ, чтобъ де
попъ Давыдъ и попадья посохли, и отъ той скорби померли, и
на конику въ горницѣ коренья велѣлъ пасынку своему класть
для порчи жъ. И внуку его Давыдову младенцу Ивану въ колыбель коренья пасынокъ его Мишка клалъ, чтобъ его уморить,
а отъ того де тотъ младенецъ умеръ или не отъ того, того не
знаетъ. И снохѣ своей, а пасынка своего Мишкиной женѣ,
Аринкѣ коренья давалъ и въ питьѣ попу Давыду и попадьѣ и

дѣтямъ Давыдовымъ давать велѣлъ, чтобъ ихъ перепортить, и въ томъ де во всемъ онъ Исайка передъ великимъ государемъ виноватъ, а иныхъ де людей никого онъ не порчивалъ. Къ сей очной ставкѣ и къ роспроснымъ и пыточнымъ рѣчамъ добренскія площади дьячекъ Панкрашка Дрожжинъ вмѣсто добренскаго драгуна Исая Некирѣева, по его велѣнью, руку приложилъ. Того жъ числа Мишкина мать Агрипенка сыскана и по оговору его въ отравныхъ кореньяхъ роспрашивана, а въ роспросѣ сказала: нынѣ де въ великій постъ сыну своему Мишкѣ коренья не давала, а портить попа Давыда и попадью и дѣтей его не веливала. И изъ слѣдовъ де земли сыну своему Мишкѣ она вынимать не веливала жъ. И снохѣ своей Аринкѣ въ осень коренья отравныхъ никакихъ не давала, и портить Давыдовой попадьи и въ питьѣ давать не веливала жъ, и у дѣтей Давыдовыхъ у дѣвицъ у рукъ перстовъ съ приговоромъ и съ волшебствомъ тянуть не веливала жъ. И на попадью его Давыдову снохѣ своей Аринкѣ на встрѣчи въ хоромахъ съ волшебствомъ дуть не веливала жъ, и приговоровъ никакихъ ей снохѣ своей не сказывала, и у рубахи попадьи его Давыдовой противъ сердца лоскута выдирать не веливала, и тѣмъ де всѣмъ сноха клеплетъ напрасно. А что де въ узлѣ съ волосами завязано корлукъ, и тотъ де пузырь въ чемъ родился сынъ ея Кирюшка, и она де его блюла по се время. И травы, которыя вынеты въ дому мужа ея осматривала и сказала про иныя травы, что знаетъ что они отъ скорбей и имяна указывала, а про иныя травы сказала—не знаетъ. Къ симъ роспроснымъ рѣчамъ добренскія площади дьячекъ Алешка поповъ вмѣсто драгунской Исаевой жены Некирѣева Агрипенки Васильевой дочери, по ея велѣнью, руку приложилъ. Марта того жъ числа Мишкинѣ женѣ Аринкѣ съ свекровью Аграфенкою въ застѣнкѣ дана очная ставка, а съ очной ставки Аринка свекровь свою уличала, травы и коренья ей давала и велѣла окормить попадью и дѣтей, а Аграфенка запиралась. Того жъ числа Исайкина жена, а Мишкина мать Агрипенка пытана, дано ей десять ударовъ, а съ пытки говорила сыну своему Мишкѣ и женѣ его Аринкѣ коренья давать въ питьѣ попу Давыду попадьѣ и дѣтямъ велѣла, чтобъ ихъ перепортить и поморить. И у попадьи изъ рубахи лоскутъ противъ сердца выдрать велѣла для порчи жъ. И кокошникъ и подубрусникъ велѣла украсть и подъ столбъ съ наговоромъ заткнуть и приговаривать велѣла: «каковъ де тяжелъ

столбъ, такъ бы тяжело было попадьѣ». И на встрѣчи въ хоромахъ и попадью дуть съ приговоромъ велѣло, чтобъ де попадью обморокъ отшибъ. А у дочерей его Давыдовыхъ у рукъ персты тянуть и приговаривать велѣла, чтобъ де тѣми руками до замужества ни прясть ни ткать. И во всемъ противъ оговору сына своего Мишки и снохи своей Аринки винилась. Къ сей очной ставкѣ и пыточнымъ рѣчамъ добренской площади дьячекъ Алешка поповъ вмѣсто драгунской Исаивой жены Некирѣева Агрипенки Васильевой дочери, по ея велѣнью, руку приложилъ. Въ докладъ въ нынѣшнемъ во 184 году апрѣля въ 13 день къ в. г. писалъ изъ Добраго городища воевода Тимоѳей Карауловъ и прислалъ челобитье Богородицкаго попа Давыда на работника его на Мишку Кирѣева и на жену его Ирину въ волшебствѣ и въ порчѣ и того работника и жены его и вотчима его съ женою роспросныя и пыточныя рѣчи. А въ Разрядѣ изъ того дѣла выписано на перечень. Въ челобитной попа Давыда написано: въ нынѣшнемъ во 184 году въ разныхъ числахъ объявились у него въ дому въ углу заткнуты коренья и земля, и невѣрка ему въ томъ на работника его Мишку и на жену его. И отъ того де волшебства онъ попъ и жена его кончаются смертью. А работникъ Мишка въ Добромъ въ роспросѣ сказалъ: то де коренье и землю у попа въ углу заткнулъ вотчимъ его Мишкинъ драгунъ Исайка Некирѣевъ для того, чтобы они всѣмъ домомъ посохли и померли. Да онъ же де Мишка клалъ коренья въ питье для порчи жъ, а далъ де ему то коренье вотчимъ его Исайка да мать его Мишкина Аграфенка. Да жена де его Аринка попову жену и дочерей портила. А Мишкина жена въ томъ волшебствѣ и въ порчѣ винилась же, и сказала, что она поповѣ женѣ и дочерямъ и работнику Аниськѣ коренья и траву давала пить и портила, и наговаривала, и поповымъ дочерямъ у рукъ персты тянула, и приговаривала, чтобъ имъ до замужества перстами, ни прясть, ни ткать, и дѣлала она то все по наученью свекрови своей Аграфенки. И драгунъ Исайка и жена его Аграфенка въ Добромъ сысканы и вынето у нихъ въ дому толченыхъ травъ 12 узловъ, да 5 пуковъ, да заговоръ въ тетрадкѣ отъ ружья. И Исайка и жена его Аграфенка роспрошиваны и пытаны, а съ пытки въ порчѣ и въ заговорахъ винились, и сказали, что они попову работнику Мишкѣ и женѣ его Иринкѣ попа и женѣ его и дочерей портить велѣли, и траву и коренья давали для того, чтобъ онъ попъ съ женою и дѣтьми

посохли и померли, и въ той де ихъ винѣ воленъ в. г. а иныхъ де людей они не портили.

И нынѣ тѣ воры и чародѣи въ Добромъ въ тюрьмѣ.

И великій государь, что о тѣхъ ворахъ укажетъ.

27. Государю царю и великому князю Өедору Алексѣевичу всеа великія малыя и бѣлыя Росіи самодержцу холопъ твой Өедька Вяземскій челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 184 году іюня въ 26 день привелъ въ Кашинъ въ съѣзжую избу передъ меня х. т. кашинецъ кузнецъ посадскій человѣкъ Еремка Милковъ Матвѣева крестьянина Иванова сына Поздѣева Савку Кирилова деревни Туникова съ кореньемъ, и съ травами, и съ зубомъ. И я х. т. того приводнаго человѣка Савку Кирилова роспрашивалъ, а въ роспросѣ онъ Савка про то коренье, и про траву, и зубъ сказалъ: съ тѣмъ де кореньемъ, и съ травами, и съ зубомъ онъ ходитъ въ мірѣ и лечитъ людей и лошадей ото всякихъ скорбей, а тотъ де зубъ сазана рыбы, а жена де его Савкина и дѣти про то вѣдають, что онъ съ кореньемъ и съ травами въ мірѣ ходитъ, а сосѣди де и никто иные про то коренье и травы у него Савки не вѣдають. И я х. т. съ тѣхъ роспросныхъ рѣчей велѣлъ списать да тотъ списокъ за своею я х. т. рукою подклея подъ сею отпискою послать къ тебѣ в. г. къ Москвѣ и велѣлъ подать въ Разрядѣ твоимъ в. г. дьякамъ думнымъ Дементью Башмакову, да Василью Семенову, да дьякамъ Петру Ковелину, да Өедору Шакловитому и о томъ, что ты в. г. мнѣ х. т. укажешь. (На оборотѣ:) По указу в. г. послать его государеву грамоту къ нему, чтобъ того мужика роспросилъ, которыя у него травы и коренья вынеты, и тѣмъ травы и кореньемъ отъ какихъ болѣзней онъ лечилъ, и какихъ людей, и кого имяны, и которыхъ онъ лечилъ людей допросить, тѣми травами и кореньемъ онъ ихъ лечилъ ли, и отъ какихъ болѣзней лечилъ, и зубомъ сазанъ рыбы какія онъ болѣзни лечилъ, да о томъ писать къ великому государю вскорѣ, а его держать за карауломъ до указу. (184 года іюля въ 19 день.) Списокъ съ роспросныхъ рѣчей слово въ слово. 184 года іюня въ 26 день привелъ въ Кашинъ въ съѣзжую избу передъ воеводу передъ князя Өедора Михаиловича Вяземскаго кашинецъ посадскій человѣкъ кузнецъ Еремка Степановъ сынъ Милковъ Матвѣева крестьянина Иванова сына Поздѣева Савку Кирилова деревни Туникова съ кореньемъ и съ травами и съ зубамъ. И тотъ приводной крестьянинъ Савка Кириловъ въ роспросѣ сказалъ про то коренье, и про травы, и про зубъ: съ тѣмъ де я кореньемъ, и съ травами и съ зубомъ хожу въ міру, ото всякихъ скорбей отъ человѣчьихъ и отъ лошадиныхъ излечаю, а тотъ де зубъ сазанъ рыбы. А бояринъ мой Матвѣй Ивановичъ про то коренье и про траву и зубъ у меня вѣдаетъ, а жена де моя и дѣти про то вѣдають, что я хожу съ кореньемъ, и съ травами. А я де живу въ кашинскомъ уѣздѣ въ Кочемскомъ стану за государемъ своимъ за Матвѣемъ Ивановичемъ въ деревнѣ его Туниковѣ, а жену де мою зовутъ Анюткою. А сосѣди мои тое деревни староста Кононъ Андреевъ крестьяне Трифонъ Емельяновъ, Митрофанъ Михайловъ, Өалалей Андреевъ, Максимъ Михайловъ. Они де про то у меня коренье, и про траву, и про зубъ не вѣдають и по се число. А подлинныя роспросныя рѣчи писалъ [illegible]нскій площадной подъячій Өедька Гришенинъ. А у подлинныхъ рѣчей пишетъ вмѣсто Еремѣя Ивашко Нильскій руку приложилъ вмѣсто Матвѣева крестьянина Поздѣева Савки Кирилова Левка Добрынинъ руку приложилъ. Отъ царя и великаго князя Өедора Алексѣевича т. въ Кашинъ воеводѣ нашему князю Өедору Михаиловичу Вяземскому іюля въ 19 числѣ писалъ ты къ намъ в. г. о Матвѣевѣ крестьянинѣ Поздѣева Савкѣ Кириловѣ, который приведенъ съ кореньемъ и съ травами, и намъ в. г. велѣти бъ тебѣ о томъ нашъ в. г. указъ учинить. И какъ къ тебѣ ся наша в. г. грамота придетъ, и ты бъ того Матвѣева крестьянина Поздѣева Савку Кирилова роспросилъ, которыя у него травы и коренья вынеты, и тѣ травы и коренья какія, и отъ какихъ болѣзней онъ ими лечилъ, также и сазановымъ зубомъ какихъ людей и кого имяны и которыхъ онъ Савка людей лечилъ, и тѣхъ людей роспросилъ же, тѣми травами, и кореньемъ, и зубомъ онъ ихъ лечилъ ли, и отъ какихъ болѣзней лечилъ. Да о томъ къ намъ в. г. писалъ и роспросныя ихъ рѣчи за ихъ руками прислалъ вскорѣ, а отписку и роспросныя ихъ рѣчи велѣлъ подать въ Разрядѣ думнымъ нашимъ дьякамъ Дементью Башмакову, да Василью Семенову, да дьякамъ же Петру Корелину, да Өедору Шакловитому, а его Савку до нашего государева указу держалъ за крѣпкимъ карауломъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7184 іюля въ 23 день.

28. Государю царю и великому князю Өедору Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу холопъ твой Емелька Тяпкинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 185 году октября въ 29 день прислана т. грамота изъ Разряда ко мнѣ

х. т. въ Сокольскій, а въ той твоей в. г. грамотѣ написано: велѣно мнѣ х. т. сокольскому пушкарю Панкѣ Ломоносову и женѣ его Аноскѣ дать имъ отца духовнаго, и сказать имъ ихъ вину въ торговый день при многихъ людяхъ, и велѣть казнить смертью, сжечь въ срубѣ съ кореньемъ и съ травами, чтобъ инымъ не повадно было такъ воровать и людей кореньемъ до смерти отравливать, а въ которомъ государь числѣ та казнь имъ учинена будетъ, и о томъ къ тебѣ в. г. велѣно мнѣ х. т. писать а отписку велѣть подать въ Разрядѣ твоимъ государевымъ дьякамъ думному Василью Семенову, да Петру Ковелину, да Өедору Шакловитому. И по твоему великаго государя т. указу сокольскому пушкарю Панкѣ Ломоносову и женѣ его Аноскѣ далъ я х. т. отца духовнаго и сказалъ имъ вину ихъ въ торговый день при многихъ людяхъ, и велѣлъ ихъ казнить смертью, сжечь въ срубѣ и съ кореньемъ и съ травами. И Панкѣ т. Ломоносову, и женѣ его Аноскѣ, учинена смертная казнь, сожжены въ срубѣ ноября въ 3 день нынѣшняго 185 года, а съ сею отпискою къ тебѣ в. г. послалъ я х. т. соколенъ Ягейку Горбарукова съ товарищемъ и велѣлъ имъ подать въ Разрядѣ твоимъ государевымъ дьякамъ думному Василью Семенову да Петру Ковелину да Өедору Шакловитому.

29. Лѣта 7185 Мая въ 6 день по государеву цареву и великаго князя Өедора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца указу память дьякамъ думному Василью Семенову, да Петру Кавелину, да Өедору Шакловитову, да Любиму Домнину. Въ нынѣшнемъ во 185 году Марта въ 22 день писали къ великому государю т. изъ Курмыша стольникъ и воевода Иванъ Соловцовъ да подьячій Михайло Дуровъ, что въ нынѣшнемъ во 185 году сысканъ на Курмышѣ противъ челобитья Курмышскихъ жителей въ еретичествѣ и въ порчѣ людей пришлый человѣкъ Сенька Ивановъ да жена его Сенькина Манька Иванова дочь, а въ роспросѣ и съ пытокъ сказали, что они на Курмышѣ испортили еретическими словами и отравами мужеска полу и женска многихъ людей, и отъ того де порченые люди кличутъ, а училась де она Манька еретичеству людей портить въ Шуйскомъ уѣздѣ въ селѣ Шуехъ у крестьянина у Ивашки Өедорова, прозвище Сорока. И великій государь т. указалъ того крестьянина Ивашку Өедорова Сороку Шуйскаго уѣзда въ селѣ Шуехъ сыскать и, заковавъ въ кандалы, послать на Курмышъ съ приставомъ и съ провожатыми, и везть его съ

великимъ береженьемъ, и о томъ въ Шую къ воеводѣ послать свою в. г. грамоту изъ Разряда. А въ которомъ числѣ великаго государя грамота послана будетъ и о томъ для вѣдома отписать въ Приказъ Казанскаго Дворца къ боярину ко князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову да дькомъ къ думному къ Аѳанасью Зыкову, Андрею Ташлыкову, къ Петру Самойлову, къ Михаилу Прокофьеву. И по государеву т. указу дькомъ думному Василью Семенову, Петру Ковелину, Өедору Шакловитому, Любиму Домнину учинить о томъ по указу в. г. Дьякъ Михайло Прокофьевъ. Справилъ Ивашко Еремѣевъ. (На обор.:) учинить по сему в. г. указу. Отъ царя т. въ Шую воеводѣ Ивану Ивановичу Баркову. Мая въ 6 числѣ въ памяти въ Разрядъ изъ Приказа Казанскаго Дворца написано: марта въ 22 числѣ писали къ намъ великому государю съ Курмыша стольникъ нашъ и воевода Иванъ Соловцовъ да подьячій Михайло Дуровъ: въ нынѣшнемъ во 185 году сысканъ на Курмышѣ противъ челобитья курмышскихъ жителей въ еретичествѣ и въ порчѣ людей пришлый человѣкъ Сенька Ивановъ да жена его Сенькина Манька Иванова дочь, а въ роспросѣ и съ пытокъ сказали, что они на Курмышѣ испортили еретическими словами и отравами мужеска полу и женска многихъ людей, и отъ того де порченые люди кличутъ, а училась де она Манька еретичеству людей портить въ Шуйскомъ уѣздѣ въ селѣ Шуехъ у крестьянина у Ивашки Өедорова прозвище Сорока. И какъ къ тебѣ ся наша в. г. грамота придетъ, и ты бъ въ Шуйскій уѣздъ въ село Шуевъ послалъ изъ Шуи какихъ чиновъ нѣсколько человѣкъ приставовъ, и велѣлъ того крестьянина Ивашку Өедорова, прозвище Сороку, увзять и, заковавъ въ кандалы, послалъ на Курмышъ съ приставомъ и съ провожатыми и велѣть имъ того крестьянина везть съ великимъ береженьемъ, чтобъ въ дорогѣ на станѣхъ не ушелъ, и надъ собою какого дурна не учинилъ. А въ которомъ числѣ тотъ крестьянинъ сысканъ и съ кѣмъ съ приставомъ и съ провожатыми изъ Шуи на Курмышъ посланъ будетъ, и о томъ къ намъ в. г. писалъ съ иными дѣлы, а отписку велѣлъ подать въ Разрядѣ дьякомъ нашимъ думному Василью Семенову да Петру Ковелину да Өедору Шакловитову да Любиму Домнину. Писанъ на Москвѣ лѣта 7185 мая въ 10 день. (Такова великаго государя грамота послана за приписью дьяка Өедора Шакловитова Холопья Приказу съ приставомъ съ Евдокимомъ Елагинымъ мая въ 17 день.)

30. Государю царю и великому князю Өедору Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу бьетъ челомъ холопъ твой чемлицкаго стану деревни Алешкова починку Митька Кондратьевъ сынъ Печеный. Въ нынѣшнемъ Г. во 185 году объ Рождествѣ Христовѣ былъ я х. т. съ женишкою своею Акулькою Микифоровою дочерью въ гостяхъ тое жъ деревни у драгуна у кума своего у Емельяна Кирѣева сына Обыденнаго. И бывъ у него въ гостяхъ, пришелъ домой, и женишка моя съ того жъ числа скорбя роспухла. Да въ нынѣшнемъ Г. во 185 году передъ сырною недѣлею въ мясное заговѣнье былъ онъ кумъ мой Емельянъ тое жъ деревни у Корнушки Иванова, и вышелъ онъ Емельянъ отъ него Корнушки со двора и побранился тое жъ деревни съ драгуномъ съ Петромъ Андреевымъ, а похвалялся при людяхъ: ну, ихъ де кума моя... и ты отъ меня пухнуть будешь. И по той его Емельяновѣ похвальбѣ женишкѣ моей въ той порчѣ на святки никого на_себя я холопъ твой не имѣю. Милосердый государь т. пожалуй меня х. т. вели Г. про порчу женишки моей и въ его Емельяновѣ похвальбѣ сыскать при комъ онъ похвальныя слова говорилъ, и о томъ дать мнѣ свою великою государя сыскную грамоту. Царь, государь, смилуйся, пожалуй. (На оборотѣ:) 185 года Марта въ 10-й день государь пожаловалъ, велѣлъ того драгуна, сыскавъ по его челобитью, распросить и дать въ томъ очную ставку, и сыскать про то накрѣпко. А будетъ дойдетъ до пытки, и пытать въ томъ накрѣпко и огнемъ жечь. А что въ томъ сыскѣ объявится, къ себѣ государю отписать, и дать о томъ свою государеву грамоту въ Сѣвскѣ къ стольнику и воеводѣ къ Леонтью Неплюеву и къ дьяку Алексѣю Мискову. Отъ царя и великаго князя Өедора Алексѣевича т. въ Сѣвскъ стольнику нашему и воеводѣ Леонтью Романовичу Неплюеву да дьяку нашему Мискову. Билъ челомъ намъ великому государю комарицкія волости чемлицкаго стану деревни Алешкова Починку драгунъ Митька Кондратьевъ сынъ Печеный, а въ челобитной его написано: въ нынѣшнемъ во 185 году объ Рождествѣ Христовѣ былъ онъ съ женою своею Окулькою въ гостяхъ тое жъ деревни у драгуна у кума своего у Емельки Обыденнаго, и пришедъ де отъ него домой, жена его съ того числа скорбя распухла вся. Да послѣ де того передъ сырною недѣлею въ мясное заговѣнье онъ Емелька былъ въ гостяхъ тое жъ деревни у драгуна у Корнушки Иванова, и пошлъ де онъ отъ него съ двора, и побранился тое жъ деревни

съ драгуномъ съ Петромъ Андреевымъ, и похвалялся при людяхъ: „пухнетъ де жена Митькина, будешь де и ты отъ меня пухнуть". И съ тое его похвальбы жена его отъ той порчи умираетъ. И намъ бы великому государю пожаловати бъ его Митьку велѣть ему о томъ нашъ государевъ указъ учинить. И какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, и вы бъ того драгуна Емельку велѣли въ Сѣвску сыскать, и противъ его челобитья въ Сѣвску распросить, и дали бъ ему въ томъ очную ставку, и сыскали про то накрѣпко. А будетъ доведется, и его Емельку велѣли въ томъ пытать и огнемъ жечь. И что о томъ въ сыску объявится, и вы бъ о томъ къ намъ в. г. писали, а отписку велѣли подать въ Разрядѣ дьяковъ нашимъ думному Василью Семенову, да Петру Кавелину, да Өедору Шакловитому, да Любиму Домнину.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7185 марта въ 16-й день.

31. Лѣта 7195 сентября въ 9 день по указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи. Великія государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ т. указали стольника и полковника Лаврентьева полку Сухарева стрѣльца Ваську Баранникова отставного стрѣльца Левку Барана за воровство и волшебство сослать въ ссылку въ украинные городы на вѣчно житье. И по тому ихъ в. г. указу тѣ стрѣльцы Васька холость Левка съ женою Танькою Трофимовою изъ срѣлецкаго приказу въ Разрядъ къ тебѣ думному дьяку Василью Григорьевичу съ товарищи посланы стрѣлецкаго приказу съ деньщикомъ съ Климкою Абакумовымъ. И по указу т. думному дьяку Василью Григорьевичу съ товарищи учинить о томъ по указу великихъ государей. Дьякъ Кирило Алексѣевъ.

32. Великимъ государямъ царямъ и великимъ князьямъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцамъ бьетъ челомъ богомолица ваша Бѣлагорода Рождества Богородицы дѣвичьяго монастыря старица Александра. Въ прошломъ государи во 196 году была Г. въ городѣ черкасская женка Марья Глушиха давала мнѣ травы порченой и отъ тѣхъ травъ рвало у меня руки, ноги и животъ и поставила меня въ стень въ одну вѣчно, а я, богомолица ваша, жила у отца своего въ то число вдовою и хотѣла о той

порчѣ вамъ, великимъ государямъ, на нее Марью бить челомъ, а отецъ мой той порчи не вынать и бить челомъ не пустилъ. И по велѣнью отца своего, убогая постриглась въ томъ и била челомъ въ Бѣлгородѣ боярину Борису Петровичу Шереметеву на ту женку въ той порчѣ и бояринъ велѣлъ бить челомъ на Москвѣ вамъ, государямъ объ розыску, и за тѣмъ дѣломъ таскаюсь на Москвѣ многое время. Милосердые великіе государи г. пожалуйте меня богомолицу свою, велите Г. мнѣ грамоту дать въ Бѣлгородъ, и допросить тое женку Марью, и пытать накрѣпко, и розыскать. Великіе государи, смилуйтеся. (На оборотѣ:) 198 года мая въ 27 день по указу в. г. бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ приказалъ послать в. г. грамоту въ Бѣлгородъ къ боярину и воеводамъ къ Борису Петровичу Шереметеву съ товарищи, чтобъ они велѣли про то розыскать и указъ учинить до чего доведется. Отъ царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича (т.) въ Бѣлгородъ боярину нашему и воеводамъ Борису Петровичу Шереметеву съ товарищи била челомъ намъ в. г. изъ Бѣлгорода Богородицкаго дѣвичьяго монастыря старица Александра. Въ прошломъ де во 196 году, какъ она была вдовою и жила въ Бѣлгородѣ, у отца своего, и черкасская женка Марья Хлуниха давала ей травы порченыя, и отъ тѣхъ травъ рвало у ней руки, ноги и животъ, и по велѣнью отца своего, она постриглась, и намъ в. г. пожаловать бы ее, старицу велѣть тое женку въ Бѣлгородѣ по ея челобитью допросить и розыскать. И какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, и ты бъ бояринъ нашъ и воеводы Борисъ Петровичъ съ товарищи противъ ея старицына челобитья велѣли тое женку розыскать и по розыску до нашего в. г. указу учинить ей до чего доведется, а что учинено будетъ, о томъ къ намъ в. г. писали, а отписку велѣли подать въ Разрядѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7198 мая въ 27 день.

33. (Л. 1) 147 г. ноября въ 16 день извѣщали государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи мастерицы Иванова жена Сновидова Марья, да Степанида Арапка: какъ государь (т.) былъ въ троецкомъ осеннемъ объѣздѣ и безъ него г. приходила вверхъ къ мастерицѣ къ Дарьѣ Л мановѣ невѣдомо какая жонка; а какъ де та жонка приходила и то видѣли онѣ Марья да Степанида Арапка, да свѣтлишной сторожъ Мишка Григорьевъ, да кормовой сторожъ Мишка Семеновъ; да тажъ де Дарья Ламанова остатки государевыхъ дѣланыхъ скатертей дала тѣмъ сторожомъ не вѣдомо для чего; да какъ Государь Царь (т.) пришелъ изъ троецкаго объѣзду и пріѣхалъ де изъ того объѣзду, подруги ея мастерицы Овдотья Ярышкина шла вверхъ по каменной лѣстницѣ, ажно де говорятъ, стоячи вверху мастерица Марья Сновидова на слѣдъ Государыни царицы и великія княгини Евдокіи Лукьяновны, мастерица Дарья Ламанова сыпала песокъ; а какъ де она Марья то слово говорила, и то де слышала она Авдотья Ярышкина да свѣтлишная писица Ненила Волонская; а отъ писицы то слово слышала мастерица Анна Коробанова, да какъ де послѣ того государя царя шла по переходомъ мимо свѣтлицы, и въ тѣ де поры говорили ей (л. 2) Дарьѣ про свѣтлишную пропажу государскихъ дѣланныхъ скатертей, тѣжъ подруги ея мастерицы Марья Сновидова, да Степанида арапка и она де имъ сказала: только бъ де мнѣ царицу уходить, а иные де мнѣ дешевы; а слышали де у ней Дарьи то слово золотные жъ мастерицы Оксинья Грачова, Оксинья Кривцова, Степанида Петрова; да она жъ де Дарья Ламанова, какъ государь былъ въ троецкомъ объѣздѣ и безъ нево государя ѣздила за Москву рѣку къ серпуховитину къ Ивану Сойманову начевать, а пріѣзжала къ нему покрыта государскимъ полотномъ, въ которыхъ полотнахъ дѣлаютъ государскимъ дѣтямъ сорочки, и она де то полотно ѣздя изодрала.

И государь (т.) указалъ про то дѣло сыскати подлинно и золотныхъ мастерицъ распросить окольничему Василью Ивановичу Стрѣшневу да дьяку Сурьянину Тороканову. И 147 г. ноября въ 20 день окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов про то дѣло роспрашивали мастерицъ Дарью Ламанову и ея подругъ, да свѣтлишнаго да протомойнаго сторожей, извѣщали государю золотныя мастерицы Марья Сновидова, Степанида Арапка на нее Дарью: какъ Государь былъ въ троецкомъ осеннемъ объѣздѣ и безъ него Государя къ ней Дарьѣ вверхъ въ свѣтлицу какая жонка приходила ли и для чего приходила; да она жъ Дарья укратчи остатки Государевыхъ дѣланыхъ скатертей свѣтлишному да портомойному сторожомъ давала ли и для чего (л. 3) дала; а какъ Государь пришолъ изъ троецкаго осенняго объѣзду и она Дарья подругѣ своей мастерицѣ жъ Овдотьѣ Ярышкинѣ такое слово, что она на слѣдъ государыни (т.) Евдокѣи Лукьяновны песокъ сыпала, говорила ли, для чего тотъ песокъ наслѣдъ государыни царицы сыпала; а какъ государыня царица шла по переходомъ мимо

свѣтлицу, и въ тѣ поры подруги ея Дарьины учали ей Дарьѣ говорить про свѣтлишную пропажу, и она имъ то слово „только бъ де ей Дарьѣ царицу уходить, а они ей дешевы“ говорила ли и чѣмъ было ей царицу уходить; да какъ государь же былъ въ троецкомъ объѣздѣ, и она Дарья за Москву рѣку къ серпуховитину къ Ивану Сойманову, покрывся государскимъ полотномъ, начевать ѣздила ль и для чего ѣздила;—про то бъ она про все сказала подлинно въ правду (л. 4). И мастерица Дарья Ламанова въ роспросѣ сказала: какъ Государь пошелъ съ Москвы въ троецкой осеннiй объѣздъ и къ ней де Дарьѣ приходила вверхъ октября въ 6-мъ числѣ въ субботу золовка ея Тимохина жена Бахарева Матренка и стояла съ нею у нижней свѣтлицы, да стоявъ у той свѣтлицы, взяла ее Матренку она Дарья къ себѣ въ верхнюю свѣтлицу, и, потчивавъ ее медомъ, отпустила на подворье. А какъ де та ея золовка была у ней въ свѣтлицѣ, и то де видѣли подруги ея мастерицы Иванова жена Сновидова да Степанида Арапка, да свѣтличной сторожъ Мишка Григорьевъ да портомойной сторожъ Мишка Семеновъ; а которые де государевыхъ дѣланыхъ скатертей скатертные остатки дала она сторожомъ, и тѣ остатки ни къ чему не пригодятца; а на царицынъ слѣдъ песку она Дарья не сыпывала и такова слова подругѣ своей Овдотьѣ Ярышкинѣ не говаривала: а что на него жъ Дарью извѣщали подруга жъ ея Марья Сновидова да Степанида Арапка, какъ будто они ей говорили про свѣтлишную пропажу государскихъ скатертей, и она имъ сказала „надобе де уходить царицу, а иные де ей дешевы“, и она де Дарья такова слова подругамъ своимъ не говаривала, а говарила де она Дарья тѣмъ своимъ подругамъ Марьѣ Сновидовѣ да Степанидѣ Арапкѣ про свѣтлишную пропажу «толко бъ де ее Дарью Государыня царица пожаловала, а иные де ей не дороги»; а къ серпуховитину де къ Ивану Соиманову покрывся государскимъ полотномъ за Москву рѣку ночевать не ѣзживала (л. 5). А мастерица Марья Сновидова да Степанида Арапка въ роспросѣ сказали, что они въ тотъ день октября въ 6 числѣ вверху не были и заловки ея Тимохины жены Бахарева не видали; а были вверху октября въ 8-мъ числѣ въ понедѣльникъ, и то они видѣли, что приходила къ ней Дарьѣ вверхъ и стояла съ нею у свѣтлицы жонка въ клубѣ, покрыта платомъ; а какъ ее зовутъ, того не вѣдаютъ. И они де Марья и Степанида спросили ее Дарьи, какая къ ней жонка пришла, и она де имъ про нее ничего не сказала. А мастерица Овдотья Ярышкина сказала: какъ государь (т.) и государыня (т.) пришли изъ троецкаго осенняго объѣзду, и она мастерица Овдотья Ярышкина бывъ вверху пошла къ себѣ; и какъ будетъ на крылцѣ противъ полатки, гдѣ стоятъ на караулѣ, и тутъ стояла мастерица Марья Сновидова, а съ нею стояла сестра ея родная Кузмина жена Волкова Домна, и та де Домна, приказывая мужу ея Марьину Ивану Сновидову, чтобъ онъ сестру ея, а свою жену, проучилъ гораздо за то, что она покрала въ свѣтлицѣ (л. 6) у мастерицы у Анны Коробановы коробью, а она де Домна тое свою сестру завтра въ свѣтлицѣ передъ всѣми мастерицы хотѣла выучить, чтобъ она впередъ не дуровала. И мастерица Марья Сновидова учала говорить, то де на насъ поноситъ мастерица Дарья Ламанова, и только де она въ томъ на насъ посягаетъ, ино де и то будетъ наруже, какъ она на слѣдъ государыни царицы сыпала песокъ. И услышавъ де отъ нее то слово, она Овдотья ударила ее Марью плетнымъ батагомъ въ голову «не ври де ты, жидовка, блядь; какъ де ты то слово говоришь, отъ чего головѣ твоей пропасть». И назавтра де того пришедъ она Овдотья вверхъ сказывала то слово подругамъ своимъ мастерицамъ же Аннѣ Коробановѣ, Оксиньѣ Кривцовѣ, Оксиньѣ Грачевѣ, Степанидѣ (л. 1) Петровѣ. Да и не одна де она Овдотья то слово отъ Марьи Сновидовой слышала, слышала де съ ними тожъ слове писица Ненила Волонская, а отъ нея Ненилы слышала Анна Коробанова; а писица Ненила про то сказала тѣ жъ рѣчи, что и мастерицы жъ. Да мастерицы жъ Марья Сновидова да Степанида Арапка сказали: какъ де государыня царица шла съ передовъ мимо свѣтлицу и Дарья де Ламанова говорила: „лишь бы де мнѣ уходить царицу, а они ей не дороги“. Да мастерицы жъ Марья де Сновидова и Степанида Арапка сказали: сказывала де имъ подруга ихъ тажъ Дарья Ламанова, есть де у ней Дарьи такая баба, что всему тому пособитъ, да и къ той де бабѣ ее Арапку та Дарья за Москву рѣку съ собою звала, и она съ нею не пошла. (Л. 8). И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов для подлиннаго сыску мастеринъ Марью Сновидову да Степаниду Арапку, Аксинью Грачову, Оксинью Кривцову, Анну Коробанову, Овдотью Ярышкину, Степаниду Петрову съ тою мастерицею съ Дарьею Ламановою передъ собою съ очей на очи ставили и противъ тѣхъ статей, что тѣ мастерицы на нее сказывали, и роспрашивали. И Дарья Ламанова въ томъ во

всемъ запиралась, а сказала, что къ ней Дарьѣ вверхъ опричь золовки ея никто не прихаживалъ; а приходила къ ней та ея золовка въ субботу, а не въ понедѣльникъ, и про государыню царицу и великую княгиню Евдокію Лукъяновну она Дарья ни какова слова ни говаривала и на ее государской слѣдъ песку не сыпывала; а только де она Дарья говорила про пропажу подругамъ своимъ тѣмъ мастерицамъ, которые на нее извѣщаютъ: «только бъ де ее Дарью въ той пропажѣ государыня царица и великая княгиня Евдокея Лукъяновна пожаловала, а они де ей всѣ не дороги». Да за Москву де рѣку она Дарья подруги своей Степаниды Арапки къ бабѣ, которая всему тому пособитъ, не зывала, и у серпуховитина у Ивана Соиманова не ночевала, то де все подруги ея затѣяли на нее Дарью ложно. (Л. 9). И окольничей Василій Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов говорили той мастерицѣ Дарьѣ Ломановѣ съ пригрозою, только она вины своей къ государю и къ государынѣ царицѣ не принесетъ и правды не скажетъ, и ее въ томъ указалъ государь пытать накрѣпко и огнемъ жечь. И мастерица Дарья Ламанова, постоявъ немного заплакала, и учала виниться въ томъ де она словѣ, что будто на слѣду государыни царицы сыпала песокъ передъ государемъ и передъ государынею царицею виновата, нѣчто де будетъ то слово она подругамъ своимъ молыла со пьяна, и въ томъ де воленъ государь и государыня царица, да и въ томъ де она виновата жъ, что къ серпуховитину къ Ивану Соиманову за Москву рѣку, покрывся государскимъ полотномъ, начевать ѣздила; а какъ отъ Ивана Соиманова пріѣхала, и она то полотно привезла съ собою; а какъ де она пріѣхала къ себѣ на подворье, и ее де учелъ мужъ спрашивать, куды де она ѣздила и гдѣ ночевала, и она де Дарья, боясь мужа своего побой, сказала мужу своему, что грѣшнымъ де обычаемъ прожгла она Дарья царевны и великіе княжны Ирины Михайловны сорочку, и она де будто ѣздила за Москву рѣку къ той сорочкѣ вмѣсто того (л. 10) прозженого полотна, чѣмъ была покрыта, прибирать иное полотно, а въ свѣтлицу де къ ней жонка никакая опричь золовки ея не прихаживала. И околничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов распрашивали про то жъ дѣло свѣтлишнаго и портомойнаго сторожей, въ свѣтлицу къ Дарьѣ Ломановѣ какая жонка приходилали, и будетъ приходила, и котораго числа приходила, и тое они жонку въ рожей знаютъ ли, и мастерица

Дарья Ламанова, какіе скатертные остатки имъ давала ли и для чего давала.

И свѣтлишной сторожъ Мишка Григорьевъ да портомойной сторожъ Мишка Семеновъ въ роспросѣ сказали: приходила де къ Дарьѣ Ламановѣ въ свѣтлицу (л. 11) жонка, покрыта платомъ; а какъ ее зовутъ и для чего приходила, того они не вѣдаютъ; а котораго числа и въ который день та жонка приходила, того они сказали не упомнятъ; а лоскутки де скатертные имъ та мастерица дала, потому что они ни къ чему не пригодятся, и въ томъ воленъ Богъ да государь, что они у ней тѣ остатки спроста взяли да положили остатки, и тѣхъ остатковъ въ трехъ мѣстахъ по смѣтѣ съ полъаршина. И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов роспросныя ихъ рѣчи велѣли записать, а мастерицъ Марью Сновидову да Степаниду Арапку и Дарью Ламанову велѣли держать въ свѣтлицѣ, а сторожей отдать за пристава до государева указу. (л. 12). И 147 г. ноября въ 21 день государь царь (т.) сего дѣла слушавъ, велѣлъ золотную мастерицу Дарью Ламанову и ее подругъ Марью Снавидову да Степаниду Арапку да свѣтличнаго и портомойново сторожей пытати, какъ та мастерица Дарья на слѣдъ государыни царицы сыпала песокъ и какъ она Дарья звала съ собою за Москву рѣку Степаниду арапку къ бабѣ, и говорила: надобе де государское сердце уходить, а иные де ей подруги ея сошлися даромъ, и та мастерица Дарья для государскіе порчи хотѣла итить къ бабѣ или для инова какова дѣла, и кто съ нею въ томъ дѣлѣ и какіе люди въ думѣ были, и вверхъ къ ней Дарьѣ въ свѣтлицу та ли баба, которая живетъ за Москвою рѣкою, приходила или какая иная, и для чево приходила. И ноября въ 22 день околничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов противъ государскаго приказу ѣздили къ пыткѣ золотныхъ мастерицъ (л. 13) Дарью Ламанову, Марью Снавидову, Степаниду Арапку противъ сѣхъ статей распрашивали, разводя порознь. И золотная мастерица Дарья Ламанова повинилась, въ томъ де она передъ государемъ и передъ государынею царицею виновата, что къ бабѣ къ ворожеѣ подругу свою мастерицу Арапку за Москву рѣку звала, а тое де бабу зовутъ Настасьицею, живетъ за Москвою рѣкою на Всполье; а свезнала ее съ нею подруга ея золотная жъ мастерица Авдотья Ярыжкина для того, что она людей привораживаетъ, а у мужей къ женамъ сердцо и ревность отымаетъ, а наговариваетъ

на соль и на мыло; да тое соль даютъ мужьямъ въ яствѣ и
питьѣ, а мыломъ умываютца; да и надъ мужемъ де она Овдотья
своимъ тожъ дѣлала и у него къ собѣ серцо и умъ отняла:
что она Овдотья ни дѣлаетъ, а онъ де ей въ томъ молчитъ;
да она жъ де Овдотья воруетъ съ братьями своими съ Борис-
комъ да съ Ивашкомъ Сонмановыми, и ею Дарьею та жъ Ов-
дотья братьямъ своимъ сводничаетъ, а какъ она ею имъ свод-
ничала, тому нынѣ четвертый годъ; да била челомъ, чтобъ съ
нею поставить съ очей на очи Овдотью Ярыжкину, и ее рас-
просить, потому что она про то дѣло, что ей Дарьѣ давала баба
колдунья, подлинно вѣдаетъ; да та жъ де баба давала нагова-
риваючи золотной же мастерицѣ Аннѣ Тяпкинѣ, чтобъ мужъ
ея Алексѣй Коробановъ добръ былъ до ее Анниныхъ дѣтей
(л. 14). И околничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ
Сурьянинъ Тоpакановъ ве..ѣли золотную мастерицу Дарью Ла-
манову пытати накрѣпко, чтобъ она сказала вправду, такими
она у той бабы къ государю или къ государынѣ царицѣ ка-
кими лихими дѣлы не пытывала ль, и будетъ пыталась и она
чѣмъ пыталась или однимъ она тѣмъ пыталась, что мужа при-
ворожить, и которая баба къ ней вверъ съ свѣтлицу приходила
та ли, которую съ нею спознала подруга ея Овдотья Ярыжкина,
или иная какая баба. И Дарья Ламанова съ пытки говорила
тожъ что она. У той жонки пыталась для мужа, чтобъ ее лю-
билъ мужъ, а къ государю и къ государынѣ царицѣ у ней не
пыталась, и вверхъ къ ней въ свѣтлицу приходила Стенкина
женка Ламанова, а не та жонка, которую съ нею спознала
Овдотья Ярыжкина; а подруга ея мастерица Марья Сновидова
говорила на нее въ примѣръ, что къ ней приходила вверхъ въ
свѣтлицу не жена Ламанова, иная жонка, невѣдомо какая, и
то она слово ей Марьѣ сказывала, что де ей надобетъ уходить
государское серцо, а иные де ей подруги даромъ сошлись. (л. 15).
А Степанида Арапка на тое Дарью Ламанову сказывала; что она
ее за Москву рѣку къ бабѣ, а не вѣдомо къ какой, звала, и
она къ ней не пошла. И Дарья Ламанова въ томъ во всемъ за-
пиралась, что такова слова, что уходить государское серцо не
говаривала и на слѣдъ государыни царицы песку не сыпала, и
Арапки съ собой за Москву рѣку къ бабѣ не зывала, и жонка
никакая къ ней въ свѣтлицу, опричь Степановы жены Лама-
нова, не прихаживала, да въ томъ очи межъ себя учини споръ.
И околничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурь-

янинъ Тораковъ велѣли пытать другую мастерицу Марью
Сновидову, и какъ ее учали розболокать, и подруга ея масте-
рица жъ Дарья Ломанова учала бити челомъ, чтобъ ее не пор-
тить, а какъ сыщуть тое бабу, съ которою ее спознала Овдотья
Ярышкина, тутъ все объявится, а она Дарья тое бабу укажетъ.
и гдѣ она живетъ и она дворъ знаетъ. И околничей Василей
Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороковъ по-
слали тотчасъ съ золотною мастерицею съ Дарьицею Ламановою
царицыныхъ дѣтей боярскихъ да стрѣльцовъ, а велѣли имъ
взявъ тое жонку, которую укажетъ Дарья Ламанова, привести
къ себѣ. И того жъ часу дѣти боярскіе и стрѣльцы привели
жонку, которую указала Дарья Ламанова, а въ роспросѣ жонка
сказалась: зовутъ ее Настасьицею, Иванова дочь, родомъ чер-
ниговка, а мужъ у ней кормовой литвинъ, зовутъ его Янкою
Павловъ. И околничей Василій Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ
Сурьянинъ Тороковъ поставили золотныхъ мастерицъ Марью
Сновидову да Степаниду Арапку съ тою жонкою съ Настасьи-
нею съ очей на очи (л. 16) и ее опознавать давали, таки ли та
жонка, которая приходила въ верхъ въ свѣтлицу къ Дарьѣ
Ламановѣ, и мастерицы Марья Сновидова да Степанида Арапка,
смотря тое жонки сказали, что въ верхъ въ свѣтлицу къ масте-
рицѣ къ Дарьѣ Ламановѣ приходила та жонка Настасьица; да
и Дарья Ламанова тожъ сказала, что у ней та жонка въ свѣт-
лицѣ была и медомъ она ее подчивала, а женка Настасьица въ
томъ во всемъ запиралась, что она мастерицъ никого не знаетъ,
у нихъ въ свѣтлицѣ не бывала. И окольничей Василей Ивано-
вичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороковъ велѣли тое
жонку Настьку пытати на крѣпко и огнемъ жечь, для чего она
вверхъ въ свѣтлицу къ мастерицѣ къ Дарьѣ Ламановѣ прихо-
дила, и чѣмъ у ней Дарья къ государю или государыни пыта-
лась, и какими лихими дѣлы пыталась, или тѣмъ, чтобъ ей
Дарьѣ мужа къ себѣ приворотить. И послыша то, мастерица
Дарья Ламанова учела виниться и плакать, а той жонкѣ Настькѣ
говорить, чтобъ повинилась, а она Дарья подлинно вину свою
къ государю принесла, да учела сказывать, какъ у ней съ тою
жонкою съ Настькою дѣлалось: помнишь де ты сама, какъ мнѣ
про тебя сказывала мастерица Овдотья (л. 17) Ярышкина, и я
де по ея скаскѣ къ тебѣ пришла, и воротъ черной своей ру-
башки отодравъ къ тебѣ принесла, да съ тѣмъ же воротомъ
принесла къ тебѣ соль и мыло; и ты меня спросила, прямое-ли

имя Овдотья, и я тебѣ сказала, что прямое, и ты въ тѣ поры той моей рубашки воротъ на овосткѣ у пѣчи сожгла, и на соль и на мыло наговорила; а какъ наговорила, и ты велѣла мнѣ тотъ пепелъ сыпать на государской слѣдъ, куда государь и государыня царица и ихъ царскіе дѣти и ближніе люди ходятъ, и тебѣ де въ томъ отъ государя и отъ царицы кручины никакіе не будетъ, а ближніе люди учнутъ любити; а мыломъ велѣла ты мнѣ умыватся съ мужемъ; а соль велѣла давати ему жъ въ питьѣ и въ ествѣ, такъ де у мужа моево серцо и ревность отойдетъ и до меня будетъ добръ; да и не одна де я у тебя была, приходили де послѣ того со мною жъ къ тебѣ Васильева жена Колоднича да Семенова жена Куровцова, и ты имъ наговоря соль и мыло давала; а Овдотья де Ярышкина приходила къ тебѣ съ братьями своими и Борискомъ да съ Иваномъ Сонмановыми, да у тебя и ночевали. И жонка Настька въ томъ во всемъ запиралась, а Дарья Ламанова говорила на нее въ примѣръ, что она на слѣдъ государыни царицы (т) сжоные ея Дарьины рубашки пепелъ сыпати велѣла, и она тотъ пепелъ сыпала на слѣдъ государыни царицы у свѣтлицы по крыльцу, что ходятъ на переходы, да у дверей проходные палаты, что ходятъ на тѣ жъ переходы, а сыпала она Дарья тотъ пепелъ на царицынъ слѣдъ, какъ государь пришелъ изъ Рубцовскаго объѣзду. (л. 18) И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов велѣли тое жонку Настку пытати въ другой рядъ накрѣпко и огнемъ жечь, и та жонка Настька съ пытки повинилась; а сказала, что мастерицамъ Дарьѣ Ламановѣ и ея подругамъ, которыхъ знаетъ, и иныхъ не знаетъ, зжегши женскихъ рубашекъ вороты и наговоря, соль и мыло давала, а пепелъ зженыхъ рубашекъ воротовъ велѣла сыпать на государской слѣдъ, а сыпать велѣла не для лихова дѣла для того какъ тотъ пепелъ государь или государыня царица перейдетъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье, и то де дѣло и дѣлается, да отъ того жъ де бываетъ государская милость и ближніе къ нимъ люду добры; а соль и мыло велѣла она давать мастерицамъ мужьямъ своимъ, чтобъ до нихъ были добры. (л. 19). И окольничей Василій Ивановичъ да дьякъ Сурьянинъ спросили тое жонки Настьки, сколько она давно тѣмъ промысломъ промышляетъ, и отъ польскаго и отъ литовскаго короля къ мужу ея литвину Янкѣ присылка или заказъ, что ей государя или государыню царицу испортить былъ ли, и чѣмъ она и какими ли-

хими дѣлы ихъ государей портила и давно ль она тому дѣлу, что мужей приворачивать, научилась, и кто ее тому училъ, и мужъ ее про то вѣдаетъ ли. (л. 20) И жонка Настька пытана и огнемъ зжена сказала, что къ мужу ея къ литвину къ Янкѣ и къ ней изъ Литвы отъ короля для государскія порчи приказу и иного ни какова заказу не бывало, и сама де она ихъ Государей не порчивала, только она дала мастерицѣ Дарьѣ Ламановѣ зженыя ея рубашки ворота пепелъ; а велѣла сыпать на государской слѣдъ, чтобъ государь и государыня царица и ближніе люди до нея были добры; а что она мужей приворачиваетъ, и она только и наговорныхъ словъ говоритъ: „какъ люди смотрятца въ зеркало, такъ бы мужъ смотрилъ на жену да не насмотрился; а мыло сколь борзо смоетца столь бы де скоро мужъ полюбилъ; а рубашка какова на телѣ бѣла, столь бы де мужъ былъ свѣтелъ". Да иные де она не лихіе слова наговавала, чтобъ государь и государыня царица жаловала, а ближніе бы люди любили; учила де ее тому на Москвѣ жонка Манка, словетъ (л. 21) Козлиха, а живетъ за Москвой рѣкой у Покрова, а мужъ де ея Литвинъ Янка Павловъ про тотъ ея промыселъ не вѣдаетъ.

И окольничей Василей Ивановичъ да дьякъ Сурьянинъ послали тотчасъ дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ по тое жонку по Манку Козлиху, которая тое жонку Настку вѣдовству учила; а велѣли, ее сыскавъ, привести къ себѣ, а ее отдали держать приставу. И царицыны дѣти боярскіе и стрѣльцы тое женку Манку, словетъ Козлихою, сыскавъ привели, и та жонка Манка, ставлена съ женкою съ Насткою съ очей на очи, въ роспросѣ сказала, что она ее Настку знаетъ, а ворожить ее не учивала и мастерицы и иные никакіе люди для ворожбы къ ней не ходятъ (л. 22) а жонка Настька сказала, что она ворожить и ворожбу знаетъ, а ворожить ее учила она Манка, да въ томъ они межъ себя учинили споръ; Настька сказывала, что ее ворожить научила она Манка, а Манка сказала, что не учивала. И окольничей Василей Ивановичъ (Стрѣшневъ) да дьякъ Сурьянинъ велѣли въ томъ во всемъ пытати жонку Манку, таки ль она жонку Настьку ворожить учила и сама она ворожбу знаетъ ли, къ государю и къ государыне царицѣ хто у ней и чѣмъ не пытался ли, и сама она надъ государи чѣмъ не ворожилали, и людей ворожа приворачиваетъ ли.

И жонка Манка съ пытки сказала, что она жонка Настька

ворожить не учивала и ворожбы не знаетъ, и государя и государыню царицу не порчивала; а только и знаетъ, что малыхъ дѣтей смываетъ да жабы, у кого прилучится во ртѣ, уговариваетъ, да горшки на брюхо наметываетъ, а опричь того ничего не знаетъ. А жонка (л. 23) Настька на тоѣ Манку говорила примѣръ, что та Манка ворожитъ и ворожить ее Настьку учила она Манька. И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороkановъ велѣли въ другорядъ тое женку Манку пытати накрѣпко и огнемъ жечь, и та жонка Манка въ томъ во всемъ запиралась. И жонка Настька, уличаючи ту жонку Манку, сказала, что де она запирается, будто она мастеринъ никого не знаетъ, а она де и портомой знаетъ, а кого имянемъ знаетъ, того она не упомнитъ, женился де солдатъ у портомой, словетъ Лидовской, а имяни она ему не помнитъ, и тотъ де солдатъ съ тою портомоiею къ ней Манкѣ приходилъ. И жонка Манка сказала, что тотъ солдатъ приходилъ къ ней съ портомоею не для ворожбы, для того что онъ у нее стоялъ.

Да та жъ жонка Настька сказала: въ прошломъ де во 145-мъ году приводилъ къ ней къ Насткѣ на подворье (л. 24) сынъ ея Манкинъ дѣтина, Якимкомъ зовутъ, мастерицу Дарью Ламанову, а та мастерица Дарья принесла къ ней съ тѣмъ дѣтиною наговаривать соль да мыло, и она де Настька ему сказала, для чего къ ней съ тою мастерицею мимо матери своей ходитъ, и тотъ сынъ ея Якимко сказалъ, что мать де его спитъ пьяна, и она Настка, наговоря соль и мыло, для привороту ей Дарьѣ дала, а наговаривала ту соль отнимаючи ревность у мужей. И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тораkановъ для подлинного сыску ставили мастерицу Дарью Ламанову съ обоими жонками съ Настькою и съ Манкою съ очей на очи. И мастерица Дарья Ламанова въ томъ во всемъ повинилась, а сказала, что она въ прошломъ во 147-мъ году жонки Манки Козлихи съ сыномъ съ Якимкомъ у той Настьки была, и мыло и соль къ ней для наговору приносила, а водилъ къ той жонкѣ Насткѣ сынъ ея Манкинъ для того, что мать его въ тѣ поры спала пьяна.

А жонка Манка въ томъ во всемъ запиралась, а сказала, что она жонки Настки ворожить не учивала и сама не ворожила, и людей не (л. 25) приворачиваетъ, и на соль и на мыло и на зеркало не наговариваетъ, да била челомъ, чтобъ велѣть пытать жонку Настьку, потому что она ее клеплетъ. И та жонка Настька

пытана, а съ пытки говорила на тое жонку Манку въ примѣтъ, прежнее жъ своей рѣчи, что она ворожитъ и ворожить ее учита та жонка Манка. И околничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороkановъ велѣли жонку Манку пытати въ третей накрѣпко и огнемъ жечь, и жонка Манка съ пытки повинилась, а сказала, что она сама ворожитъ и ворожить жонку Настьку учила она жъ Манка, а ей Манкѣ тое ворожбу оставила при смерти мать ея родная Оленка, а какъ тое ее матери не стало, тому нынѣ семой годъ, а ворожа де она въ приворотѣ на соль и на мыло и на зеркало наговаривала: «какъ смотрятца въ зеркало да не насмотрятца, такъ бы де мужъ на жену не насмотрился; а соль какъ де тое соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ; а на мыло наговаривала: „сколь скоро мыло съ лица смоетца, столь бы скоро мужъ жену полюбилъ“; а вороты рубашечные жегши приговаривала: «какова де бѣла рубашка на тѣлѣ, таковъ бы де мужъ до жены былъ». И жабу де у кого прилучитца, во ртѣ уговариваетъ: «святый ангелъ хранитель умири и исцѣли у того имянемъ, у кого прилучитца, болѣзнь сѣю». А ино де она ничего лихова опричь того не знаетъ и лихимъ словомъ не наговариваетъ. Да и не одна де она тѣмъ ремесломъ промышляетъ, есть де на Москвѣ и иные бабы, которыя подлинно умѣютъ ворожить—одна де живетъ за Арбацкими вороты, зовутъ ее Ульянкою, слѣпая, а двѣ живутъ за Москвою рѣкою—одна въ Свержникахъ, а другая въ Стрѣлецкой слободѣ, которая въ служникахъ, тое имяни не вѣдаетъ; а которая въ Стрѣлецкой слободѣ, тое зовутъ Дункою, а дворы тѣхъ всѣхъ трехъ бабъ она Манка знаетъ. И околничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьяникъ Тороkановъ послали тотчасъ по тѣхъ бабъ царицыныхъ дѣтей боярскихъ да стрѣльцовъ, а велѣли, ихъ сыскавъ, привести къ себѣ. (Л. 27). И царицыны дѣти боярскіе и стрѣльцы тѣхъ бабъ Олексѣева приказу Ѳилософова стрѣлецкую Ондрюшкину жену Еремѣева Ульянку слѣпую, да другую жонку Михаилова приказу Свицова стрѣлецкую Володкину жену Кирилова Дунку слѣпую, да Гришкину сапожника жену Ѳеклицу Степанову сыскавъ привели, и тѣ бабы Улка да Дунка да Ѳеклица слѣпые, ставлены съ женкою съ Манкою Козмихою съ очей на очи въ роспросѣ, сказали, что они тое Манки не знаютъ, и сами не ворожатъ, и съ ворожеями не знаютца. (Л. 28). И жонка Манка, словетъ Козмиха, сказала, что они сами ворожатъ и ворожитца къ нимъ

изо многихъ дворовъ всякіе люди ходятъ, а не они къ нимъ ходятъ. И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов велѣли тое жонку Ульянку слѣпую пытати накрѣпко, таки ль она подлинно ворожбы не знаетъ. И къ Государю и къ Государынѣ Царицѣ и къ ихъ царскимъ дѣтямъ, хто у ней и какими лихими дѣлы не пытался ли, и сама она ихъ государей не портила ль, и портить кому иному не велива ли, и людей она не привораживаетъ ли, и на соль и на мыло и на зеркало что не наговариваетъ ли, и у рубашекъ женскихъ вороты для волшебства зжетъ ли, и верховыхъ постельницъ и мастерицъ кого знаетъ ли (л. 29). И жонка Ульянка съ пытки сказала, что она государя и государыню царицу и царскихъ дѣтей не порчивала и портить никому не веливала, а только она и знаетъ, что около малыхъ дѣтей ходитъ, хто поболитъ, и она ихъ смываетъ, и жабы во ртѣ уговариваетъ, да горшки на брюхо наметываетъ. И околничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов спросили тое жонки Ульянки сказываетъ она, что больши того ничего вѣдовскаго не знаетъ, что малыхъ дѣтей смываетъ да жабы уговариваетъ, и она бъ сказала какіе у ней тому наговорныя слова. (Л. 30). И жонка Ульянка слѣпая сказала, что у ней къ тому наговорныя слова таковы: «Ангелъ хранитель утиши во младенцѣ семъ, у кого объявитца болѣзнь сія»: да наговоря на воду, дѣтей смываетъ; а жабы во ртѣ давитъ, да тѣми жъ словы наговариваетъ; а опричь де того за нею ворожбы никакіе нѣтъ. И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тараканов велѣли тое жонку Ульянку слѣпую въ ворожбѣ пытати накрѣпко и огнемъ жечь и та жонка Улька слѣпая повинилась, а сказала, что она не однимъ тѣмъ промышляетъ, что около малыхъ дѣтей ходитъ, есть де за нею и иной промыслъ, у которыхъ людей въ торговлѣ товаръ заляжетъ, и она тѣмъ торговымъ людемъ наговариваетъ на медъ, а велитъ имъ тѣмъ медомъ умыватца, а сама приговариваетъ: „какъ де пчелы ярыя роядца да слетаютца, такъ бы де къ тѣмъ торговымъ людемъ для ихъ товаровъ купцы сходились“, и отъ того де ея наговору у тѣхъ торговыхъ людей на товары купцы бываютъ скорые. Да она жъ съ пытки сказала, какъ де она мужей къ женамъ приговаривала и она де наговаривала на хлѣбъ съ солью да на мыло, а наговариваючи (л. 31) тотъ хлѣбъ съ солью велѣла женамъ ѣсть: «какъ де хлѣбъ да соль люди любятъ

такъ бы де мужъ жену любилъ»; а мыломъ женамъ же велѣла умываютца: «сколь де скоро мыло къ лицу прильнетъ, столь бы де скоро мужъ жену полюбилъ».

Да она жъ сказала, у кого только лучитца сердечная болѣзнь, или лихорадка, или иная какая нутреняя болѣзнь, и она тѣмъ людемъ наговариваючи на вино да на чеснокъ да на уксусъ давала, а въ приговорѣ наговаривала: „утиши самъ Христосъ въ человѣкѣ болѣзнь сію, да Уваръ Христосъ мученикъ, да Иванъ Креститель, да Михайла Архангелъ, да Тихонъ святый»; и иные божественные слова, а не лихіе наговаривала, и отъ того тѣмъ людемъ была легость. И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов велѣли тое жонку Ульку въ иныхъ вѣдовскихъ статьяхъ пытати накрѣпко и огнемъ жечь, и та жонка Улька, пытана накрѣпко и огнемъ зжена, больши того въ рѣчахъ своихъ ничего не прибавила. (Л. 32). И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов велѣли другую жонку стрѣлецкую жену Дунку слѣпую въ вѣдовскихъ статьяхъ пытати накрѣпко и огнемъ жечь, таки ль она государя или государыню царицу и ихъ царскихъ дѣтей чѣмъ не порчивала ль, и портить не веливала ли, и жонка Дунка слѣпая съ пытки сказала, что она государя и государыню не порчивала и портить никому не веливала, и ворожбы де она и вѣдовства ни какова не знаетъ, а только знаетъ, что малыхъ дѣтей отъ уроковъ смываетъ, да жабы во ртѣ уговариваетъ; да она жъ де на брюха, у кого что пропадаетъ, смотритъ; а на кого скажутъ невѣрну, и она посмотря на серцо узнаетъ, потому что у него серцо тренещетъ; а болши она того не знаетъ. И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов велѣли пытати третью жонку Гришки сапожника жену Ѳеклицу, таки ль она государя и государыню царицу и ихъ царскихъ дѣтей не порчивала и портить кому иному не веливала ли, и вѣдовскія статьи въ ворожбѣ знаетъ ли, и чѣмъ ворожитъ. И жонка Ѳеклина съ пытки сказала, что она государя и государыню царицу и ихъ царскихъ дѣтей не порчивала и портить никому не веливала, и сама порчи никакіе не знаетъ (л. 33), а только и знаетъ, что грижи людемъ уговариваетъ, а наговариваетъ на громовую стрѣлку да на медвѣжій ноготь, да съ тое стрѣлки и съ ногтя даетъ пить воду, а приговариваючи говворитъ: «какъ де ей старой жонкѣ дѣтей не раживать, такъ бы де у кого та грыжа

и болѣзни не было»; да она жъ де у кого лучитца, на брюха горшки наметываетъ, а болши она того ничего съ пытки не сказала. И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов̃ъ противъ пыточныхъ рѣчей мастерицы Дарьи Ламановы да черниговки жонки Настки золотныхъ мастерицъ Овдотью Ярышкину, Анну Коробанову, Парасковью Суровцову, Парасковью Колодничью роспрашивали порознь и тѣ мастерицы въ роспросѣ сказали (л. 34) Овдотья Ярышкина сказала: Черниговки она жонки Настькѣ, которыя къ женамъ мужей привораживаетъ она Овдотья не знаетъ. И къ Государю и къ Государынѣ царицѣ и къ ихъ царскихъ дѣтямъ у ней ничѣмъ не пытывалась, и мужа своего по ея наговорнымъ статьямъ ничѣмъ не привораживала, и знатья у ней съ нею нигдѣ никакова не бывало, и съ мастерицою она съ Дарьею Ламановою тое жонки Настьки не спазнавала, и знати у ней съ ними нигдѣ никакія не бывало. А что Дарья жъ Ламанова извѣщала на нее Овдотью, будто она Овдотья ею Дарьею сводничаетъ братьямъ своимъ Борису да Ивану Сонмановымъ, и сама съ ними воруетъ же, и она Дарья ее Овдотью тѣмъ всѣмъ клеплетъ. (Л. 35). А Анна Тяпкина сказала: въ прошломъ де во 147-мъ году привезла къ ней Аннѣ въ свѣтлицу мастерица Дарья Ламанова пьяна вина да въ бумашкѣ соли, и велѣла ей Дарьѣ то вино пити, а того не сказала, что то вино наговоренное, и она Анна, боясь того, что отъ той Дарьи чинитца въ свѣтлицѣ пропажа, того ея вина не пила, и его вылила, а соль, которую ей въ бумашкѣ давала, розсыпала на землю; а того она Анна не вѣдала, что то вино и соль наговоренные; а сама она Анна у той жонки Настьки къ Государю и къ Государынѣ царицѣ ничѣмъ не пытывалась и пытатца отъ себя объ мужѣ и объ дѣтѣхъ къ ней никого не посылавала и сама ее не знаетъ. Парасковья Суровцова сказала, что она у той жонки Настьки пыталась и наговоренную соль имала, а пыталась для того, чтобъ зять ея Московскихъ стрѣльцомъ сотникъ стрѣлецкой Муратъ Петелинъ добръ былъ до дочери ея; а инымъ она ничѣмъ у той жонки Настки не пытывалась. (л. 36) Парасковья Колоднича сказала, что она у той жонки Настьки пыталась, имала у ней наговоренную соль, потому что мужъ ея Василей Колодничь до нее лихъ, и она ему давала тое соль для того, чтобъ до нее былъ добръ. И околничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов̃ъ велѣли рѣчи ихъ записать. (л. 37) И

147 г. апрѣля въ 1 день государь царь (т) Михайло Ѳеодоровичъ указалъ по сему дѣлу, а велѣлъ золотную мастерицу Дашку Ламанову да ведунью жонку Настьку Черниговку, которая по Дашкину велѣнью навораживала зжоныхъ рубашекъ пепелъ и велѣла ей сыпати на слѣдъ государыни царицы и великіе княгини Евдокеи Лукъяновны роспросить и пытати накрѣпко: въ прежнемъ роспросѣ повинилась она Дашка, что она къ бабѣ ворожеѣ къ той Настькѣ Черниговкѣ, которая ворожа людей привораживаетъ, а у мужей къ женамъ серцо и ревность отнимаетъ, ѣздила за Москву рѣку для того чтобъ та баба здѣлала то, чтобъ до нея Дашки государь и государыня царица и государскіе дѣти и ближніе люди были добры, и та де жонка Настька зжегши ее Дашкины рубашки воротъ велѣла ей сыпать на государской слѣдъ, а какъ де государь иль государыня царица перейдетъ тотъ слѣдъ, а чье въ тѣ поры будетъ челобитье, и то де дѣло здѣлаетца, и она де Дашка, взявъ у тое бабы зженые своей рубашки пепелъ, сыпала на слѣдъ государыни царицы и великія княгини Евдокеи Лукъяновны въ нынѣшнемъ во [illegible] году, какъ государь (т) пришелъ изъ Рубцовскаго об[illegible] (л. 38); а колдунья жонка Настка Черниговка въ роспросѣ и съ пытки сказала тожъ, что она той мастерицѣ Дашкѣ зжогши и наговоря рубашки ея воротъ дала и на слѣдъ ей государской сыпать велѣла, чтобъ до нее государи были добры И послѣ того ихъ воровства, какъ та мастерица Дашка Ламанова на слѣдъ государыни царицы и великіе княгини Евдокѣи Лукъяновны сыпала вѣдовской рубашечной пепелъ, учала государыня царица и великая княгиня Евдокія Лукъяновна недомогать и быти печальна, да послѣ того жъ вскорѣ грѣхъ учинился государя царевича князя Ивана Михайловича не стало, и послѣ тое-жъ скорби вскорѣ государыня царица и великая княгиня Евдокія Лукъяновна родила государя царевича князя Василья Михайловича больна, и послѣ ея государскихъ родинъ и тово государя (л. 39) царевича князя Василья Михайловича не стало вскорѣ жъ, и нынѣ государыня царица передъ прежнимъ скорбна жъ и межъ ихъ государей въ ихъ государскомъ здоровьѣ и въ любви стало не попрежнему, и то знатно, кабы съ того времени, какъ она Дашка по вѣдовству жонка колдуньи Настьки Черниговки на слѣдъ государыни царицы сыпала пепелъ и отъ того времени и до сихъ мѣстъ межъ ихъ государей скорбь и въ ихъ государскомъ здоровьѣ помѣшка, и она

бъ мастерица Дашка и вѣдунья жонка Настка сказали про то подлинно вправду для чего, она Дашка вѣдовской рубашечной пепелъ на слѣдъ государыни царицы сыпала, а та вѣдунья Настька, что подлинно надъ тѣмъ пепеломъ наговаривала и на государской слѣдъ сыпать велѣла, надъ государемъ и надъ государынею царицею и надъ ихъ государскими дѣтьми какое лихое дѣло не умышляли ль, и ихъ государей не портили ль, и дѣтей ихъ государскихъ у нихъ государей не отнимали ль, и совѣтъ ихъ государской межъ ихъ государей своею вѣдовскою рознью къ развращенью не дѣла ли ль, и дѣтемъ ихъ государскимъ въ ихъ многолѣтномъ здоровьѣ тѣмъ своимъ вѣдовскимъ дѣломъ порчею лѣтъ не убавливали ль (л. 40), и иново каково зла имъ государемъ и ихъ государскимъ дѣтямъ не умышляли ль, и умышлясь, что не дѣлали ль про то бъ про все мастерица Дашка Ламанова и колдунья жонка Настька сказали вправду, да будетъ онъ въ роспросѣ вины своей къ государю и къ государынѣ царицѣ не принесутъ и правды не скажутъ. И государь указалъ ихъ въ томъ пытать накрѣпко и огнемъ жечь. (л. 40) И апрѣля въ 2 день по государеву (т) приказу окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов ъѣздили къ пыткѣ и золотную мастерицу Дашку Ламанову да колдунью жонку Настьку Черниговку про то про все роспрашивали, розводя порознь съ пригрозою, и золотная мастерица Дашка Ламанова да жонка Настька сказали, въ томъ они виноваты, что она Дашка у той Настьки пыталась, чтобъ до нее государь и государыня были добры и зженой своей рубашки пепелъ на слѣдъ государыни царицы сыпала; а та жонка Настька давала ей тотъ пепелъ наговариваючи, чтобъ государь и государыни были до нея добры, а лиха они никотораго надъ ними государи и надъ царскими дѣтьми не умышляли, и ихъ государей не портили, и дѣтей ихъ государскихъ у нихъ государей не отнимали, совѣтъ ихъ государской межъ ихъ государей своею вѣдовскою статьею къ развращенію не дѣлали, и иного никакова зла имъ государемъ и ихъ государскимъ дѣтямъ не умышляли. И окольничей Василій Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов ъ велѣли ихъ въ государскомъ здоровьѣ, что они на слѣдъ государской вѣдовской пепелъ сыпали и въ зломъ ихъ умышленьѣ пытати накрѣпко и огнемъ жечь. И мастерица Дашка Ламанова и колдунья жонка Настька, пытаны накрѣпко и огнемъ зжены съ пытки, говорили тѣжъ

рѣчи, что и напередъ того; сказывали, что они государя и государыню царицу и ихъ царскихъ дѣтей сами не порчивали и портить никому не веливали; а сыпала та Дашка зженой своей рубашки пепелъ на (л. 42) слѣдъ государыни царицы и великіе княгини Евдокѣи Лукъяновны не для лихова дѣла для того, чтобъ ее государыня царица жаловала, а женка Настька, пытана жъ и огнемъ зжена, сказала то жъ, что она мастерицѣ Дашкѣ Ламановѣ давала зженой ея рубашки пепелъ и наговоря тотъ пепелъ велѣла ей на слѣдъ государыни царицы сыпать для того, чтобъ ее государыня царица жаловала, а не для лихово дѣла. И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов ъ пыталъ тоѣ мастерицу Дашку Ламанову да жонку Настьку Черниговку и огнемъ жогши отдали держать дворяномъ Дашку меньшому Семенову сыну Головачеву. у меньшова взята и отдана Данилу Шингурскому, а женку Настьку князю Ѳедору Збарецкому; и послѣ того тое женки у князя Ѳедора не стало. Моисею Волынскому вдову Манку Козлиху, у Моисея взята и отдана Льву Микулину. Аѳанасью Алексѣеву сыну Зиновьеву стрѣлецкую жены Дунку слѣпую. Исаку Бегичеву Сапожникову жену Ѳеклицу Лукьяну Башмакову, стрѣлецкую жену Ульку слѣпую, и тое Ульки у Лукьяна не стало. (л. 43) Да царицынымъ дѣтямъ боярскимъ отданы держать колодники жъ и колодницы Назару Блудову, мастерица Степанида Арапка у Назара взята и отдана Петру Волкову. Ѳедору Ладоженскому мастерица жъ Марья Сновидова взята и отдана Хотѣну Степану Михайлу Озерову свѣтлишной сторожъ Мишка Григорьевъ. (л. 44) И 147 г. августа въ 11 день государь (т) указалъ по прежнему сыскному дѣлу золотныхъ мастеринъ Овдотью Ярышкину и ее подругъ по ихъ умыслу, что они умышляли съ золотною мастерицею съ Дашкою Ламановою и пытались въ вѣдовствѣ про свое государево царево и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи и царицы и великіе княгини Евдокіи Лукъяновны и благородныхъ своихъ чадъ Государя царевича князя Алексѣя Михайловича и Государыни царевны и великіе княжны Ирины Михаиловны и государыни царевны и великіе княжны Татьяны Михайловны къ пыткѣ приводить и съ золотною жъ мастерицею съ [illegible]шкою Ламановою ставя съ очей на очи роспрашивати имянно, таки ль тѣ мастерицы государю (т.) и государынѣ царицѣ и великіе княгини Евдокіи Лукъяновнѣ и ихъ благороднымъ чадамъ госу-

дарю наревичю Князю Алексѣю Михаиловичю государынѣ наревнѣ и великой княжнѣ Иринѣ Михаиловнѣ гос. цар. и вел. княж. Аннѣ Михаиловнѣ и Татьянѣ Михаиловнѣ, ходячи къ бабамъ ворожеямъ, какова лиха не чинили ль, и ходячи за Москву рѣку къ бабѣ ворожеѣ, выдираючи у рубашекъ своихъ вороты и жгучи въ пенелъ, имъ Государемъ порчи какіе не чинили ль. И августа въ 12 день по государскому имянному приказу околничей Василій Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов тѣхъ золотныхъ мастерицъ Дашку Ламанову съ мастерицею жъ съ Авдотьею Ярышкиною и съ ея (л. 15) подругами велѣли поставить передъ собою съ очей на очи и тодъ Дашки Ламановы на нихъ извѣтъ имъ чли, извѣщала она Дашка на мастерицу на Овдотью Ярышкину, что она Дашку сказывала съ пытки и била челомъ о сыску на мастирицу Овдотью что она Овдотья спознала ее съ ворожеею съ бабою Настькою, которая живетъ за Москвою рѣкою, для того что она людей приворачиваетъ, а у мужей къ женамъ серпо и ревность отнимаетъ, да она жъ Овдотья тѣмъ ворожучи и мужа своего обошла, что хочетъ то воруетъ, и мужъ ей въ томъ молчитъ, да она жъ де воруетъ съ братьями своими двоюродными съ Борискомъ да съ Ивашкою Сонмановыми, да ею Дашкою та Овдотья съ ними жъ своднячала. И околничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов велѣли того жъ часу поставить передъ собою мастерицу Овдотью Ярышкину и ее противъ извѣстныхъ рѣчей Дашки Ламановы распрашивали, розводя порознь, постатьямъ. И та мастерица Овдотья Ярышкина въ томъ во всѣмъ запиралась, что та мастерица Дарья Ламанова затѣяла на нее по недружбѣ. И околничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов велѣли тое Овдотью Ярышкину противъ извѣстныхъ Дашки Ламановѣ, рѣчей пытати. (л. 46) И Овдотья Ярышкина въ томъ во всемъ повинилась, къ колдуньѣ она къ жонкѣ Насткѣ Черниговкѣ для того, что у ней на дочери падучая болѣзнь была ѣздить пыталась, да у ней же пыталась для того, чтобъ ее любилъ мужъ и ни въ чемъ не возбранялъ пыталась же, и подругою своею Дарьею Ламановою братьямъ своимъ сводничала, а надъ государемъ царемъ (т.) и надъ государынею (т.) и надъ ихъ благородными чады, надъ государемъ царевичемъ надъ князенъ Алексѣемъ Михайловичемъ и надъ Государынею царевною и великою княжною Ириною Михаиловною, и надъ Государынею царевною и великою княжною Анною Михайловною, и надъ

Государынею царевною и великою княжною Татьяною Михаиловною никакого зла не умышляла и не порчивала и портить никому не велівала. И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Таракановъ велѣли противъ извѣстныхъ рѣчей Дашки жъ Ламановы поставить передъ собой мастерицъ же Парасковью Суровцову да Парасковью Колодничью и ихъ противъ извѣстныхъ рѣчей мастерицъ Дашки Ламановы спрашивали, разводя порознь, какъ тѣ мастерицы съ нею съ Дашкою къ бабѣ Колдуньѣ за Москву рѣку ѣздили (л. 47). Парасковья Суровцова съ пытки повинилась, что она у колдунью у жонки у Настки черниговки пыталась и наговоренную соль и мыло и рубашки своей ворота зженой пепелъ у нее имала, и тѣмъ мыломъ велѣла дочери своей умыватца, а соль и сыпала въ питье да давала пить зятю своему Мурату Петелину, чтобъ зять ея добръ былъ до дочери ея, а надъ Государемъ царемъ (т.) и надъ государынею (т.) и надъ ихъ государскими дѣтьми (перечень) дурномъ ничѣмъ отнють не пытывалась, а пыталось для того, чтобъ добръ былъ зять ея до дочери ея. А другая мастерица Парасковья Колоднича съ пытки повинилась жъ а сказаза, что къ Насткѣ Черниговкѣ за Москву рѣку пытатца ходила, и мыло и бѣлила и соль наговоренную у ней имала, и тѣмъ мыломъ умывалась, а бѣлилами бѣлилась, а соль мужу своему давала въ ествѣ для того, чтобъ мужъ ея Василей Колодничь до нее добръ былъ, и она де Прасковья убѣлясь вышла къ мужу своему, какъ онъ пришелъ къ себѣ на дворъ, и мужъ де ея въ тѣжъ поры убилъ, и она де видя, что въ томъ наговорномъ (л. 48) мылѣ и бѣлилахъ и соли помочи нѣтъ, она де то досталное розмѣтала, а надъ государемъ и надъ государынею и надъ ихъ государскими дѣтьми дурномъ ничѣмъ отнють не пытывалась, а пыталь для того, чтобъ добръ былъ мужъ ея до нее. И окольничей Василей Ивановичъ Стрѣшневъ да дьякъ Сурьянинъ Тороканов велѣлъ рѣчи ихъ записать, а ихъ отдали держать приставомъ. (л. 49) И 148 г. сентября въ 15 день государь (т) указалъ, велѣлъ золотную мастерицу Дашку Ламанову съ мужемъ ее съ Степкою Ламановымъ въ своемъ государевѣ извѣстномъ дѣлѣ сослати въ Сибирской городъ на Пелымъ; да золотную жъ мастерицу Дунку Ярышкину съ мужемъ ея да съ сыномъ да съ дочерью сослати въ Каргаполѣ; а подругъ ихъ Парасковью Кравцову, да Парасковью Колодничью съ мужемъ, да Марью Сновидову съ мужемъ же, да Степаниду Арапку выслати изъ двора и

впередъ имъ царицынѣ чину быти не велѣти, а колдуней Манку Козлиху да Дунку слѣпую да Ѳеклицу слѣпую-жъ съ мужемъ съ Гришкою сапожникомъ разослати нъ городы: Манку Соликамской, а Ѳеклицу съ мужемъ на Вятку, а Дунку нъ Кайгородокъ, а корму нъ тѣхъ городѣхъ указалъ государь давати Дункѣ Ярышкинѣ съ мужемъ да съ дѣтьми по два алтына на день, Дашкѣ Ламановѣ съ мужемъ по пяти денегъ на день, жонкамъ (л. 50) да сапожнику по двѣ деньги человѣку на день; а серпуховитина сына боярскаго Іваника Санманова, да подъячего Воинка Якунина, да свѣтличного да портомойнаго сторожей Мишку Григорьева да Мишку Семенова, сына боярскаго да подъячего бити кнутомъ, а сторожей-батоги, а бивъ изъ за пристава свободить; а сторожей изъ двора выслати и впредь имъ у Государя но дворѣ быти не велѣть. И посему Государеву указу такъ и учинено, и памяти объ ссылочныхъ колодникахъ по приказамъ посланы таковы. Сурьянинъ Тораканковъ (л. 51). Лѣта 7148 сентября нъ 17 день по Государеву (т.) указу намять дьякомъ думному Ѳедору Лихачеву да Максиму Матюшкину, да Григорьену Львову. Въ нынѣшнемъ но 148-мъ году сентября въ 15 день указалъ Государь (т.), а велѣлъ нъ своемъ государевѣ извѣстномъ дѣлѣ сослати золотую мастерицу Дунку Ярышкину съ мужемъ ея Ондрюшкою, да съ сыномъ съ Петрушкою, да съ дочерью Улкою въ Каргополье; а нъ Каргополѣ велѣлъ Государь Андрюшкѣ Ярышкину съ женою да съ дѣтьми дати дворикъ; а корму имъ указалъ государь до своего государева указу давати по три денги человѣку на день; да государь же указалъ въ томъ же извѣстномъ дѣлѣ сослати жонокъ слѣпыхъ Манку Козлиху къ Соликамской, Ѳеклицу слѣпую съ мужемъ съ Гришкою сапожникомъ на Вятку, Дунку слѣпую къ Соливычегодской, а корму велѣлъ имъ государь до своего государева указу давати по двѣ денги человѣку на день. И та золотная мастерица съ мужемъ да съ сыномъ да съ дочерью, да слѣпые три жонки — одна съ мужемъ, а двѣ вдовы — посланы съ Кузьмою Трусовымъ съ товарыщи, у кого были за приставы. И по государеву (т.) указу дьякомъ думному Ѳедору Лихачеву, да Максиму Тюшкину, да Григорью (л. 52) Лвову велѣти тое золотную мастерицу Дунку (л. 53) Ярышкину съ мужемъ да съ сыномъ да съ дочерью сослати въ Каргополѣ, а жонокъ слѣпыхъ Ѳеклицу слѣпую съ мужемъ на Вятку, Манку Козлиху съ мужемъ къ Соликамской, Дунку слѣпую къ соливычегодской, съ кѣмъ пригоже; а котораго числа и съ кѣмъ

имянемъ ихъ пошлютъ, и объ томъ велѣть отписать въ верхъ къ окольничему къ Василью Івановичу Стрѣшневу да къ дьяку къ Сурьянину Тороканову. (л. 54). Лѣта 7148 сентября въ 17 день по государеву (т.) указу боярину князю Борису Михаиловичу Лыкову да дьякамъ Микиѳору Шипулину, да Михайлу Патрикѣеву. Въ нынѣшнемъ во 148-мъ году сентября въ 15 день указалъ государь (т.), а велѣлъ въ своемъ государевѣ извѣстномъ дѣлѣ сослати золотную мастерицу Дашку Ламанову съ мужемъ ея съ столовымъ истопникомъ съ Стенкою Ламановымъ въ сибирской городокъ Пельемь, и та Дашка Ламанова съ мужемъ посланы къ вамъ съ Яковомъ Милославскимъ, у кого они за приставомъ были. И по государеву (т.) указу боярину князю Борису Михайловичю Лыкову да дьякомъ Микиѳору Шипулину да Михайлу Патрикѣеву велѣти золотную мастерицу Дашку Ламанову съ мужемъ сослати въ сибирской городокъ Пелымь съ кѣмъ пригоже, а на Пелынѣ велѣти имъ дати дворъ и гдѣ пригоже, а корму велѣти имъ до государева указу давати истопнику Стенкѣ по три денги, а женѣ его Дашкѣ по двѣ денги человѣку на день; а котораго числа и съ кѣмъ имянемъ, тое мастерицу съ мужемъ пошлютъ, и о томъ велѣти отписати вверхъ къ окольничему къ Василью Ивановичу Стрешневу да къ дьяку къ сурьянину Тараканову (л. 55). Лѣта 7148 октября въ 18 день по Государеву (т.) указу окольничему Василью Ивановичу Стрешневу да дьяку Сурьянину Тараканову. Въ нынѣшнемъ во 148-мъ году сентября въ 17 день въ Сибирской Приказъ къ боярину ко князю Борису Михайловичу Лыкову, да къ дьякамъ къ Микиѳору Шипулину, да къ Михайлу Патрекѣеву по памяти за твоею Сурьяниновою приписью присланы въ государевѣ извѣстномъ дѣлѣ золотная мастерица Дашка Ламанова съ мужемъ съ Стенкою Ламановымъ и по Государеву указу велѣно ихъ сослать въ Сибирь на Пелымь, а котораго числа и съ кѣмъ имянемъ ихъ въ Сибирь сошлютъ, о томъ велѣти отписати вверхъ къ тебѣ къ Окольничему Василью Ивановичю и къ дьяку изъ Сибирсково Приказу. Та золотная мастерица Дашка Ламанова съ мужемъ со Стенкою Ламановымъ посланы въ Сибирь на Пелымь съ верхотурскими съ подъячимъ съ Семеномъ Игнатьевымъ да съ пушкаремъ съ Томилкомъ серебреникомъ да съ туринскимъ стрѣльцомъ съ Пятникою Васильевымъ, сентября въ 25-мъ числѣ. Діакъ Михайло Патрикѣевъ (л. 56). Лѣта 7150 ноября въ 5 день но государеву (т.) указу боярину князю Борису Михайловичу

Лыкову да дьякомъ Микифору Шипулину да Григорью Протопопову указалъ государь (т.) царицына сына боярскаго Андрея Ярышкина съ женою и съ дѣтьми сослати за опалу изъ Каргополя въ сибирской городъ на Тюмень, а на Тюмени указалъ ево поверстати своимъ государскимъ жалованьемъ съ тюменцы съ служилыми людьми, и свою государеву службу велѣлъ ему служити съ тюменцы вмѣстѣ. И по Государеву указу боярину и дьякомъ послати о томъ на Тюмень къ воеводѣ государеву грамоту, какъ привезутъ царицына сына боярскаго Ондрея Ярышкина съ женою и съ дѣтьми изъ Каргополя на Тюмень, и воевода бъ ево поверсталъ Государевымъ жалованьемъ и велѣлъ бы ему государеву службу служить съ тюменцы вмѣстѣ, а корму ему и женѣ ево и дѣтемъ давать не велѣлъ, а въ Новгородскую четь объ томъ память сверху послана жъ (л. 57). Лѣта 7150 ноября въ 5 день по Государеву (т.) указу печатнику и думному дьяку Осдору Өедоровичу Лихачеву да дьякомъ Григорью Львову да Семену Копылову по государеву имянному указу сосланъ... въ вѣдовскомъ дѣлѣ царицынъ сынъ боярской Ондрей Ярышкинъ съ женою и съ дѣтьми, и нынѣ указалъ ево государя сослати изъ Каргополя въ сибирской городъ на Тюмень, а на Тюмени велѣлъ ево государь поверстати своимъ государевымъ жалованьемъ съ тюменцы служивыми людьми, и свою государеву службу велѣлъ ему служити съ тюменцы вмѣстѣ, а корму ему и женѣ ево и дѣтямъ давать не велѣлъ. И по государеву цареву (т.) указу печатнику и думному дьяку Өедору Өедоровичу да дьякомъ Григорью да Семену велѣти о томъ послати въ Каргополь воеводѣ государеву грамоту, а велѣти ему царицына сына боярскаго Ондрея Ярышкина, которой съ женою и съ дѣтьми сосланы въ Каргополье, изъ Каргополя послати на Тюмень съ кѣмъ пригоже, а на Тюменѣ велѣть ево поверстать Государевымъ жалованьемъ съ тюменцы съ служивыми людьми, и государеву службу велѣть ему служить съ тюменцы жъ вмѣстѣ, а корму ему съ женою и съ дѣтьми давати не велѣлъ. А будетъ Ондрея Ярышкина въ Каргополѣ не стало и жены ево и дѣтей изъ Каргополя на Тюмень посылать не велѣть, а велѣть имъ жить въ Каргополѣ и кормится собою, а корму имъ изъ Государеву казны давати не велѣть, а въ Казанской Дворецъ объ томъ сверху память послана жъ; такова память послана съ царицынымъ сыномъ боярскимъ съ Мартыномъ Барановымъ того числа.

Оглавленіе

Тобольскъ. [illegible]

Сибири [illegible]

[illegible] по [illegible]
ному [illegible]

[illegible] Спб. 1903 г.

[illegible]
Спб. 19[illegible]2 [illegible]

[illegible] по исторіи [illegible]
въ до-Петровской [illegible] Спб. 1903 г.

[illegible] въ Москв[illegible] 1904 г.

[illegible] важ-
нѣйшихъ европейскихъ государствахъ. [illegible]

[illegible] 1905 г.

[illegible] Т. II. Спб. 1906 г.

[illegible] въ Франціи, Г[illegible] Россіи.
Спб. [illegible]

[illegible] Спб. 1905 г.

[illegible] въ до-Петр[illegible] Спб. 1906 г.

[illegible] Руси
Спб. 1906 г.

[illegible] 1906 г.

[illegible]
(въ [illegible]
schaft[illegible]

КОНЕЦ

1 2 2 0